

МИХ. ОСОРГИНЪ
ПОВѢСТЬ
О
СЕСТРѢ

ИЗД. «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

ПОВѢСТЬ О СЕСТРѢ

Copyright 1930 by M. Ossorguine

МИХ. ОСОРГИНЪ

ПОВѢСТЬ О СЕСТРѢ

ИЗД-ВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

106, rue de la Tour, Paris (16°)

1931

Въ этой книжкѣ записанъ разсказъ пожилого чиновника, сейчасъ — бѣженца, объ его умершей сестрѣ.

Тотъ, чье имя на обложкѣ, только постарался, сохранивъ простоту разсказа, придать ему обычную литературную форму.

ПРЕВРАЩЕНИЕ АННЫ -ИВАННЫ

— Катя, ты что тамъ дѣлаешь?

— Ахъ, мамочка, мнѣ некогда, я рождаю сына.

Мать сквозь смѣхъ старается быть серьезной и строгой.

— Иди сюда, разъ я тебя зову. Успѣешь наиграться.

Катя вбѣгаетъ съ куклой и большими ножницами. У куклы настоящіе волосы, но неровно обрѣзаны и торчатъ клочьями. Одна рука куклы безпомощно болтается на ниткѣ.

— Что ты дѣлала?

— Мамочка, я ее стригла, потому что я, мамочка, больше не хочу дочери. У меня дочерей много, и съ ними большая возня, а это будетъ сынъ, и его уже зовутъ Сережей.

— Ты ей обрѣзала волосы, такія хорошія косы?

— Мамочка, нельзя же у сына косы! И мнѣ еще нужно пришить руку на случай сраженья. Онъ у меня очень смѣлый и всѣхъ колотить.

— Ну, Катюкѣ, какъ хочешь, а по моему жалко такіе волосы.

— Мнѣ тоже, мамочка, было жалко, но знаешь, ради дѣтей...

— Ну хорошо, иди, играй.

Мать идетъ въ сосѣдную комнату, вынимаетъ изъ кровати худого младенца, братишку Кати, смотритъ, не мокрый ли, осторожно цѣлуетъ и кормитъ. Онъ сегодня здоровъ и покоенъ, совсѣмъ не пититъ. Въ креслѣ дремлетъ отъ теплоты ребенка и щекота его губъ и ручекъ. Потомъ она его укладываетъ снова, а возвращаясь мимо дѣтской, видитъ Катюшу, которая бродитъ по комнатѣ съ куклой у груди, притворяясь сонной и усталой. Пошатываясь, Катюша бормочетъ про себя:

— Когда ты уснешь, ну когда ты уснешь, Сережа, это прямо невозможно! Ты все ѣшь, все ѣшь, всю меня съѣлъ, и все-таки не спишь. Я совершенно потеряла ноги.

Мать смѣется: «до чего Катюша все перенимаетъ! Съ нею нужно быть осторожной».

Сережа укладывается въ большую коробку, гдѣ уже спать, держа руки прямо и вытаращивъ глаза, остальные куклы. Чтобы не разбудить ихъ, Катя говоритъ сама съ собой шопотомъ и грозитъ кому то пальцемъ. Затѣмъ, отойдя отъ коробки на цыпочкахъ, она задумчиво останавливается посреди комнаты.

Интересно слушать тишину. Съ улицы ничего не доносится, потому что зима, снѣгъ, да и улица тихая. Совсѣмъ тихо и въ домѣ. На кончикахъ носковъ, такъ, чтобы башмачекъ не скрипнулъ, Катя крадется черезъ комнату къ двери, потомъ въ сосѣдную комнату, гдѣ спитъ братишка.

Входъ сюда безъ мамы, собственно, воспрещенъ, но

на цыпочкахъ можно ходить повсюду. Для равновѣсія раскинувъ руки, она добирается до дѣтской кровати и смотритъ, затаивъ дыханіе, на затѣнную щечку и прямый носъ брата. Смотритъ съ удивленіемъ и нѣжностью. Ей хотѣлось бы потрогать брата, чтобы убѣдиться, что онъ настоящій, а не кукла; но этого нельзя, — онъ можетъ проснуться и заплакать.

Отсюда Катя пробирается въ гостиную, садится въ кресло и думаетъ. Теперь ужъ невозможно нарушить тишину и ту торжественность, которою Катя переполнена. Должно что-нибудь случиться — и тогда можно будетъ снова играть, болтать и суетиться. И Катя ждетъ терпѣливо: что случится?

Сегодня Катюша одна; няня и сестра отправлены гулять, а ее мама не отпустила, такъ какъ вчера у нея былъ маленькій жаръ. Правда, теперь она совсѣмъ здорова и отлично могла бы гулять съ ними. Зато время ея не пропало даромъ: у нея родился сынъ Сережа, передѣланный изъ такъ надоѣвшей куклы по имени Анна-Иванна. Вотъ будетъ поражена Лиза, когда вернется съ прогулки!

— Угадай, кто это?

— Это Анна-Иванна.

— Нѣтъ, это Сережа.

— Какой Сережа?

— Мой новый сынъ!

Лиза такъ изумится! Она никогда бы не додумалась. Ея куклы живутъ въ другой коробкѣ, никогда не стригутся, не мѣняются и даже не шалютъ. Всѣ онѣ — дѣвочки, и у всѣхъ голубые банты на платьѣ. Это скучно.

Услыхавъ шаги, Катюша подбираетъ ноги и совсѣмъ

врастаетъ въ кресло. Будетъ чудесно, если ни няня ни Лиза ея не замѣтятъ и пройдутъ мимо! Но выдержать трудно, и Катюша выпрыгиваетъ и бѣжитъ встрѣчать сестру, закутанную въ шубку, съ остатками снѣга на валенкахъ. Няня шикаетъ — дитё спитъ, шумѣть нельзя. Но Катюша съ сестренкой уже склонилась надъ коробкой:

— Угадай, кто это?

— Анна-Иванна.

— Нѣтъ, это Сережа.

— Какой Сережа?

— Мой новый сынъ!

Поразительный моментъ всеобщаго удивленія!

Катюша весело хохочетъ и прыгаетъ на одной ногѣ.

«СТАРЫЙ ДИРЕКТОРЪ»

Вотъ лежитъ и таращитъ глаза старый директоръ. Такое прозванье дано маленькому Костѣ съ первыхъ дней его рожденія — за сморщенную красную рожицу. Назвала его такъ, конечно, Катюша.

Старый директоръ смотритъ на недостигаемую высоту потолка, который есть не что иное, какъ крыша міра. Границы міра теряются въ непостижимыхъ даляхъ стѣнъ. Міръ заполненъ тѣнями и звуками, смыслъ которыхъ непонятенъ и тѣмъ болѣе мучителенъ, что тѣни и звуки еще не раздѣлены и постоянно переходятъ другъ въ друга. Къ числу міровыхъ загадокъ относится и чередованіе голода и сытости, при чемъ сытость является въ образѣ необыкновенно теплой тѣни, заслоняющей сразу весь видимый міръ. Затѣмъ происходитъ провалъ въ вѣчность, — ни тѣней, ни звуковъ, ни мельканья свѣтлыхъ розовыхъ предметовъ, движеніе которыхъ отчасти уже подчинено волѣ. Старому директору предстоитъ узнать, что эти странные предметы называются руками, пальцами, кулачками.

По прошествіи длиннаго ряда вѣчностей — проваловъ

и новыхъ рожденій — тѣни расцвѣчиваются постоянными красками и уже способны вызывать къ себѣ каждая особое отношеніе. Самая изумительная тѣнь, исключительно полезная и пріятная, есть мать. Другая, терпимая, хотя нѣсколько грубоватая и ненужно-темная тѣнь — нянька. И есть еще одна, заключающаяся въ глазахъ и яркомъ красномъ бантѣ, совсѣмъ бесполезная, но чрезвычайно любопытная; это — Катюша.

Всѣ эти имена и клички еще неизвѣстны старому директору, но самыя явленія уже интересуютъ его по разному. Появленіе матери вызываетъ страстную требовательность, жажду немедленнаго использованія ея полезныхъ качествъ. Явленіе няньки, сопряженное съ бульканьемъ ванны и всякими неудобствами, отвлекаетъ вниманіе отъ важныхъ міровыхъ задачъ къ мелочамъ быта. Рожденіе въ пространствѣ пристальныхъ глазъ и банта Катюши относится къ области эстетики; старый директоръ, раздвинувъ вѣки, вбираетъ всю силу свѣта, болтаетъ ногами и выражаетъ свое удовольствіе особой гримасой, при видѣ которой Катюша говоритъ:

— Мамочка, ну право же онъ смѣется, смотри, мамочка! Онъ всегда со мной смѣется.

— Не гляди на него сбоку, Катюкъ, онъ такъ косить глаза.

— Я только немножко.

Мать, няня и дѣвочка относятся къ старому директору снисходительно и покровительственно, а между тѣмъ онъ — лишь предметы изученія, лишь матеріаль для строящагося сознанія. Ихъ существованіе столь же призрачно, какъ и весь остальной міръ, — отъ прутьевъ кровати до

безбрежности потолка. Стоит закрыть глаза — и ихъ больше нѣтъ. Ихъ бытіе и небытіе чередуется по волѣ стараго директора, который рождаетъ и устраняетъ ихъ однимъ движеніемъ глазъ.

Иногда онъ предпочитаетъ всякому зрѣлищу звукъ собственнаго голоса и слушаетъ раскаты плача, наполнившаго міръ. Мать напрасно думаетъ, что ему больно или онъ страдаетъ: онъ слушаетъ музыку и впервые догадывается, что эта симфонія — произведеніе его собственнаго творчества, что онъ самъ — и оркестръ, и дирижеръ, и композиторъ. Съ неохотой возвращается онъ къ соблазнамъ быта, подкупленный ласковымъ голосомъ или обѣщаньемъ тепла и сытости. Иногда музыка обрывается неожиданно, и это очень мучительно. Но жить вообще не легко — старый директоръ чувствуетъ это съ перваго дня.

Съ каждымъ днемъ глаза его дѣлаются сознательнѣе, а міръ небытія, откуда онъ пришелъ и куда съ такой охотой снова уходилъ въ часы сна, — этотъ міръ, покойный и ясный, все больше забывается. Кромѣ кулачковъ въ его распоряженіи оказались еще ноги, и въ ваннѣ онъ нарочитъ поймать себя за палець. Мелочи заслоняютъ общее, рѣшеніе основной загадки существованія откладывается, стѣны комнаты и всѣ предметы приближаются, огонекъ свѣчи способенъ увлечь его надолго, а звонкій голосъ Катюши начинаетъ волновать и радовать по настоящему. Кончится это тѣмъ, что интересы новаго міра побѣдятъ, и старый директоръ, бросивъ философію, съ головой уйдетъ въ низкую повседневность. Такова судьба человѣка: вмѣстѣ съ ростомъ тѣла — сниженіе духа.

Быстро мелькаютъ дни. Старый директоръ прибавляется въ вѣсѣ. Онъ и вправду узнаетъ мать, няню, Катю. И, въ знакъ грядущей долгой дружбы, онъ первое слово свое посвящаетъ ей:

— Тя!

Катюша въ восторгѣ. «Тя» — это она, Катя! Съ этого момента старый директоръ переименовывается въ Котика.

БОРЬБА ГИГАНТОВЪ

На дворѣ соорудили снѣговую горку. Кататься приходятъ, кромѣ Кати и Лизочки, портнихина дочка Настя и мальчикъ изъ флигеля Пашка.

Настя однихъ лѣтъ съ Лизочкой и очень съ ней дружить. Настя — существо кроткое, боязливое, совсѣмъ безъ бровей, въ огромныхъ валенкахъ и сѣромъ платкѣ, повязанномъ поверхъ шубки, такъ что концы торчатъ за спиной, какъ пропеллеръ. Что бы ни дѣлала Лизочка — Настя дѣлаетъ то же самое. Лицомъ Настя всегда повернута къ Лизочкѣ, и больше никого не видитъ. Зато, если Насти на дворѣ нѣтъ, Лизочка идетъ къ черному ходу и стучить въ лѣвое окно, гдѣ живетъ портниха; тогда Настя немедленно появляется. Съ горки онѣ катаются вдвоемъ на большихъ салазкахъ: Лизочка верхомъ впереди, Настя тоже верхомъ позади. Въ моментъ спуска у обѣихъ на лицахъ радостный ужасъ. Падаютъ онѣ тоже рядышкомъ и молча, послѣ чего Лизочка отряхиваетъ снѣгъ съ шубки, а Настя неотрывно на нее смотреть. Онѣ никогда ни о чемъ не говорятъ, да и не о чемъ, потому что Лизочка дѣйствуетъ, а Настя повторяетъ ея движенія.

А вотъ Пашка изъ флигеля — истинный разбойникъ и невѣжа. Онъ старше Катюши и, значитъ, старше всѣхъ. На немъ длинное, на ростъ шитое пальто со свѣтлыми пуговицами, огромная фуражка съ гербомъ и буквами, и всякій знаетъ, что Пашка въ немалыхъ чинахъ: онъ — гимназистъ-приготовишка. На улицу къ мальчикамъ Пашка выходитъ неохотно, потому что тамъ его дразнятъ, называютъ «синей говядиной» и «сальной пуговкой» и хоромъ поютъ ему въ лицо:

Приготовительная вошь,
Куда ползешь?

На дворѣ же Пашка чувствуетъ себя гигантомъ и грозой дѣвченокъ. На него жаловались, но это не помогаетъ. Едва Пашка замѣтитъ въ окно дѣвочекъ, какъ немедленно является съ санками (у него санки высокія, обитыя желѣзомъ) и начинаетъ всѣхъ притѣснять. Дѣвочки не успѣютъ хорошенько усѣсться на санки, — а онъ ихъ сталкиваетъ, такъ что санки летятъ бокомъ, и дѣвочки падаютъ. Затѣмъ онъ садится на свои, издаетъ боевой кличъ, скатывается и наровитъ по дорогѣ задѣть. Пашка гордился тѣмъ, что умѣетъ скатываться съ горки безъ санокъ, стоя на ногахъ; но эту спесь Катя съ него сбила, потому что тоже скатилась и удержалась на ногахъ. Съ тѣхъ поръ они враги.

Сегодня Пашка неистовствуетъ: кричитъ, толкается, совсѣмъ не даетъ кататься. Дѣвочки попробовали выждать, пока ему надоѣстъ таскать на горку санки, — но Пашка неутомимъ. Онъ придумалъ новую штуку: ложится на сан-

ки ничкомъ и ѣдетъ внизъ головой, да еще что то поеть.

Наконецъ Катя сказала дѣвочкамъ: «пойдемте». Пашка увидалъ, забрался впередъ на горку, будто бы хочетъ скатиться, а самъ выждалъ, пока поднялась Катюша, ухватилъ ее за полу шубки, толкнулъ свои санки — и Катюша полетѣла за нимъ кубаремъ.

И вотъ тутъ Лиза и Настя увидали сверху горки изумительное происшествіе.

Скатившись съ горки, Катюша живо вскочила на ноги и бросилась на Пашку, — а ему только этого и надо. Пашка отпрыгнулъ, сталъ въ боевую позу и заоралъ:

— А ну, тронь! Вотъ я тебя расколочу! Я васъ всѣхъ, дѣвчонокъ, въ дребезги!

И вдругъ дѣвочки увидали, что Катюша не только не струсилла, а по настоящему вцѣпилась въ Пашку. Онъ хотѣлъ дать ей подножку, но Катюша догадалась, сама толкнула его въ бокъ, и Пашка, запутавшись въ длинномъ пальто, упалъ носомъ въ снѣгъ. Моментально Катюша сказала у него на спинѣ, подхватила его фуражку и стала бить его козырькомъ по затылку. Пашка пытался освободиться, — но куда тамъ! Катюша одной рукой вцѣпилась ему въ волосы, а другой напихала ему за шиворотъ столько снѣгу, что дѣвочки смотрѣли, раскрывъ ротъ, въ ужасѣ и восхищеньи.

И это было еще не все. Пашка заоралъ, потомъ захныкалъ, а Катюша успѣла подтащить его санки, навалила ихъ на него и сѣла сверху. Такого униженья еще никогда ни одинъ пригостишка не испытывалъ отъ женщины. Теперь Пашка былъ побѣжденъ окончательно и навсегда.

Посидѣвъ, Катюша медленно слѣзла и отошла отъ Пашки, не сказавъ ни слова. Мѣховая шапочка выползла у нея изъ-подъ башлыка, одна перчатка осталась въ снѣгу, — но вся фигура Катюши дышала величіемъ побѣды. Если бы не валенки, — она пошла бы обратно на цыпочкахъ, какъ во всѣ важные моменты жизни. Вся въ снѣгу, съ красными щеками и прерывистымъ дыханіемъ, Катюша чувствовала себя Давидомъ, побѣдившимъ Голіафа. Дворъ, горка, флигель — все стало маленькимъ и ничтожнымъ. Самымъ ничтожнымъ былъ поверженный въ прахъ ея, Катюши, руками, всеобщій деспотъ Пашка - пригото-вишка.

Полежавъ въ снѣгу и поревѣвъ для приличія, Пашка забралъ свои санки и заковылялъ домой. Очевидно о новомъ нападеніи и о мести онъ не могъ и думать; снѣгъ за шиворотомъ, въ волосахъ, въ ушахъ, во рту охладилъ его воинственность; и еще было больно отъ санокъ, на которыхъ сидѣла Катюша.

Когда борьба гигантовъ закончилась такой несомнѣнной побѣдой справедливой стороны, Лизочка и Настя рѣшили не терять времени. Теперь онѣ усаживались на санки спокойно, съ удобствами, скатывались солидно, по прямой линіи, не падали и вставали разомъ.

Катюша, отдышавшись, рѣшила тоже использовать побѣду. Въ полной увѣренности, что Пашка смотритъ въ окно, она аккуратно поставила санки наверху снѣжной горки, легла ничкомъ, оттолкнулась и съѣхала внизъ головой съ неменьшимъ искусствомъ, чѣмъ дѣлалъ это Пашка, и при томъ безъ всякаго фанфаронства, почти равнодушно. Съ тѣмъ же равнодушіемъ она встала внизу и, не

оглядываясь на флигель, пошла поставить свои санки въ сарайчикъ.

Конечно — это было немножко жестоко: добивать побѣжденнаго. Но и стоилъ этого противникъ Кати, самоувѣренный деспотъ въ высокому чинѣ пригодишки!

Во всякомъ случаѣ сегодня кататься съ горки Катюшѣ больше не хотѣлось.

ЛАРИСА СИГИЗМУНДОВНА

У мамы была съ визитомъ нарядная дама Лариса Сигизмундовна. Лариса — легко, а Си-гиз-мундовна — очень трудно выговорить. Когда она ушла, то и мама, и няня, и всѣ говорили:

— Какая она красавица, и какъ замѣчательно одѣвается!

Катя тоже очарована красотой Ларисы Сигизмундовны, особенно ея высокой прической, на которую колпачкомъ надѣта маленькая дамская шляпа, а на шляпѣ четыре вишни на стебелькахъ и радужная птичка. Носъ у Ларисы Сигизмундовны бѣлый, острый и съ горбикомъ, щеки тоже совершенно бѣлыя, а на подбородкѣ ямка. На рукахъ у нея длинныя перчатки (такъ въ нихъ и въ комнатахъ сидѣла), а юбка длинущая и шумить, потому что шелковая. И сзади турнюръ, на которомъ могли бы сидѣть рядкомъ двѣ большія куклы.

Огромное впечатлѣніе! Когда Катюша взволнована, она ходитъ на цыпочкахъ. Вотъ сейчасъ она очень взволнована, пробралась тихонько въ мамину спальню и устроилась на стулѣ передъ зеркаломъ.

Волосы Катюша взбила и подвязала наверху ленточкой: дѣло простое. На плечахъ не безъ усилія подтянула платье, чтобы получились буфы, хоть и не совсѣмъ такіе. А дальше?

Дальше идетъ носъ — можно ли жить съ такимъ носомъ! Кончикъ его тупъ и блеститъ, точно его нарочно натерли воскомъ. Тамъ, гдѣ у дамы горбикъ, у Катюши вродѣ ложбинки. Но хуже всего щеки: пухлыя, розовыя, какой то ужасъ. Ямочекъ на нихъ сколько угодно, а вотъ на подбородкѣ, гдѣ нужно, какъ разъ нѣтъ ни одной.

Катя беретъ съ туалета палочку и пытается продолжить ямку у себя на подбородкѣ. Нажметъ палочку — есть ямка, а уберетъ палочку — остается только красное пятно. А ножницами проковырять страшно и больно.

Съ прижатой палочкой, Катюша немного опускаетъ рѣсницы (чтобы все-таки видѣть себя въ зеркалѣ), отводитъ голову вбокъ и говоритъ чуточку въ носъ:

— Ахъ, столица такъ утомляетъ...

Столицей называется, если не жить все время дома, а куда то ѣздить.

Катюша при этомъ подергиваетъ плечомъ — и буфъ исчезаетъ. И вообще плохо выходитъ. Поправивъ платье, она пробуетъ еще разъ, кстати покрививъ и губы:

— Ахъ, столица такъ утомляетъ...

Ничего не выходитъ; мѣшаетъ палочка, а ужъ носъ, этотъ маленькій, толстый, безобразный носъ! И эти красныя яблоки на щекахъ! Ну, еще разъ:

— Ахъ, столица такъ утомляетъ...

Ясно, что Катюша — уродецъ. И останется уродцемъ, хотя бы надѣли на нее шляпу и длинную юбку.

Подпершись кулачкомъ, Катюша съ ненавистью глядитъ на свое отраженіе. Даже кукла Анна-Иванна, ставшая теперь сыномъ, была красивѣе Катюши. И обезьяна красивѣе. Вотъ горе то!

Тутъ ужъ слезъ удержать нельзя. Онѣ катятся крупными каплями и затекаютъ прямо въ носъ, который становится еще безобразнѣе. Отраженіе въ зеркалѣ дрожитъ и туманится, и теперь все лицо покрылось ямами, а ротъ до ушей. Вотъ когда пришло оно, настоящее горе!

Чувствуя гибель, Катюша пытается спасти себя крайними мѣрами, хотя руки ей уже не служатъ, и особенно мѣшаютъ слезы. У Ларисы Си-гиз-мун-довны черныя брови дугой, а у Катюши — узенькія ниточки. На маминомъ туалетѣ, который давно и хорошо изученъ, лежитъ въ коробкѣ обожженная пробка; мама немножко-немножко подводитъ этой пробкой брови. Катюша быстро нашариваетъ рукой пробку и, всхлипывая, мажетъ надъ глазами. Но рожица мокрая, и черное сползаетъ съ бровей на носъ. Теперь Катюша такой уродъ, что и няня испугается. Теперь она похожа на черта, и никакого возврата нѣтъ.

— Что ты тутъ возишься, Катюкъ?

Маминъ голосъ. Все кончено! Къ горю прибавляется страшный позоръ. Но возврата все равно нѣтъ, жизнь Катюши навсегда разбита. Въ такомъ положеніи естественнѣе не бѣжать отъ мамы, а наоборотъ — уцѣпиться за нее и погибнуть подъ ея ласковымъ крыломъ.

— Да что съ тобой, дѣвочка, о чемъ ты плачешь?

Мокролицая, перемазанная, съ подвязаннымъ на затылкѣ хохолкомъ, Катюша не помнитъ и не знаетъ другихъ словъ. Рыдая, она выкрикиваетъ непонятное:

— Ахъ... ахъ... столица такъ... мамочка, столица такъ утомля-я-еть...

Мама не смѣется. Мама — сама женщина, и понимаетъ, что тутъ смѣяться нельзя.

Мама вытираетъ Катюшино лицо мокрымъ полотенцемъ и уводитъ ее въ дѣтскую. Тамъ она ее причесываетъ, цѣлуетъ, утѣшаетъ. Потомъ она будетъ съ ней долго разговаривать, по взрослому. И тогда горе можетъ быть смягчится, а можетъ быть и совсѣмъ пройдетъ.

ВСТУПАЕМЪ ВЪ ЖИЗНЬ.

Окно въ дѣтской прямо противъ двери. Въ свѣтлый день комната кажется фонарикомъ, но посередкѣ не свѣчка горитъ, а стоитъ дѣвочка, и волосы ея — какъ вѣнчикъ у святого. По росту, это словно бы Катюша, — но это не она, а Лиза.

Если, напримѣръ, вы не были въ своемъ саду двѣ недѣли, а потомъ спустились туда съ рѣзного крылечка — и смотрите: газонъ поднялся, выравнился и зацвѣлъ макомъ, на клумбахъ не узнать прежнихъ настурцій, а душистый горошекъ тянется и шевелитъ тройными цѣпкими усиками. Совсѣмъ иная картина, все выросло и зацвѣло.

За пять прошедшихъ лѣтъ Лиза стала такой, какой была Катюша; а Котикъ, бывший старый директоръ, тоже почувствовалъ себя большимъ человѣкомъ. Онъ уже не топочетъ ножками, а ходитъ, какъ ходятъ всѣ, лишь немного подпрыгивая отъ рѣзвости. Кстати, онъ знаетъ всѣ буквы и можетъ что угодно прочитать. Онъ теперь такой, какъ была Лиза.

А Катюша — это уже не травка и не кустарникъ. Она

— маленькое деревцо, березка съ лѣсной опушки. Катюшѣ двѣнадцать лѣтъ, она давно покончила съ географіей Янчевскаго и ариѳметикой Евтушевскаго. Просто и привычно звучать въ ея устахъ такія слова, какъ «уравненіе съ двумя неизвѣстными»; ей совсѣмъ близко знакомы Александръ Македонскій, Фридрихъ Великій и даже Мервинги. Не моргнувъ глазомъ, она говоритъ:

— Лютеръ ввелъ въ Германіи лютеранство.

Пальцы Катюши всегда перемазаны чернилами. Это восхищаетъ Костю. Чтобы хоть немного походить на Катюшу, Костя балуется съ ея чернильницей, мочить въ ней пальцы, любитъ на свои руки и не замѣчаетъ, что вымазалъ и носъ. Костинъ носъ нянька долго отмываетъ мыломъ и оттираетъ полотенцемъ, и носъ становится краснымъ, какъ у дворника.

Собственно говоря — мужчинѣ на шестомъ году это довольно стыдно.

Костя бѣлокуръ, шелковолосъ, а костюмчикъ на немъ изъ фланели, съ двумя складками спереди и четырьмя на спинѣ. На груди карманчикъ, и былъ бы въ немъ собственный Костинъ носовой платокъ съ мѣткой, если бы постоянно не терялся. Видъ у Кости не очень мужественный, — но вѣдь онъ еще и не совсѣмъ мужчина.

Когда Костѣ было три года (счастливая, но уже прошедшая пора!), онъ впервые испыталъ чувство любви. Изъ флигеля выходила во дворъ дѣвочка, Пашкина сестра, Костина ровесница. Встрѣтившись, они стояли другъ противъ друга и смотрѣли; Костя смотрѣлъ на ея необычайно маленькій носъ, будто пуговка отъ ботинокъ, а она смотрѣла на платокъ въ костиномъ боковомъ карманѣ.

Затѣмъ они брались за руки и гуляли молча и очень степенно, стараясь ступать въ ногу.

Это былъ настоящей романъ. Если Костя не собирался жениться на сосѣдской дѣвочкѣ, то только потому, что семейная жизнь представлялась ему нелѣпой безъ няньки, которой онъ уже и сдѣлалъ предложеніе. Было даже рѣшено, что въ день свадьбы Костя съѣстъ цѣлый арбузъ съ косточками. Нянька въ общемъ соглашалась, но предупредила о возможныхъ послѣдствіяхъ:

— Брюхо то и заболитъ!

На пятомъ году жизни Костя испыталъ первую катастрофу — изъ-за проклятой игорной страсти. Онъ игралъ на дворѣ съ мальчишками въ бабки и однажды проигралъ сразу двѣнадцать гнѣздъ и налитой свинцомъ битокъ, — все, что у него было. Проигравшись въ пухъ и прахъ, Костя почувствовалъ, какъ небо снизилось и придавило его. Въ груди Кости образовалась пустота. Отыгаться было не на что — двѣнадцать гнѣздъ стоили три копѣйки. Полная безнадежность и острый стыдъ пораженія. Костя весь день бродилъ съ похудѣвшимъ лицомъ, плохо ѣлъ, а ночью видѣлъ во снѣ двѣнадцать гнѣздъ и свинчатку.

.....

Что это, — рассказъ взрослыхъ про то, какъ Костя былъ маленькимъ, или начало воспоминаній самого Кости? Двойной романъ могъ быть рассказомъ, — но нельзя взять да рассказать скверное ощущеніе игрока, промотавшаго все состояніе!

Костя подходитъ къ каминному зеркалу и смотритъ на свое отраженіе: лицо въ морщинахъ, сѣдые виски, бритый подбородокъ, теплый синій халатъ. Что осталось отъ

мальчика Кости, какимъ нарисовало его солнце на карточкѣ въ семейномъ альбомѣ?

— Помнишь, Костя, какъ ты маленькимъ непременно хотѣлъ быть извощикомъ или почтальономъ? А помнишь, какъ ты упалъ на лѣстницѣ и расшибъ лобъ? У тебя и сейчасъ виденъ рубчикъ.

Какъ знать, что сохранила своя память и что взято изъ устнаго семейнаго архива? Что подлинно было — и что присказано легендой старшихъ?

Отъ каминнаго зеркала я возвращаюсь къ столу, гдѣ листы большого блокнота отрываются одинъ за другимъ и понемногу образуютъ рукопись воспоминаній о женщинѣ былыхъ временъ, о Катѣ, моей любимой сестрѣ, лучшемъ и единственномъ другѣ моихъ дѣтскихъ и студенческихъ лѣтъ. О той, какую она была или какой мнѣ казалась; о моей настоящей сестрѣ — или о созданной воображеніемъ.

И если окажется, что у автора этихъ любовныхъ строкъ никогда не было ни сестеръ, ни семьи, ни благоуханнаго дѣтства, что всю жизнь свою онъ жилъ образами созданными, наперекоръ судьбѣ, его обидѣвшей, — неужели же осудить его за это равнодушный слушатель?

ВЪ ЧУЛАНЪ

Мое первое собственное отчетливое воспоминаніе о любимой сестрѣ связано съ преступленіемъ и наказаніемъ.

Я совершилъ преступленіе, и должно быть тяжкое, хотя я его и не помню. Только въ совершенно крайнихъ случаяхъ неповиновенія и каприза моя мать прибѣгала къ высшей мѣрѣ соціальной защиты — къ чулану. Даже странно, чѣмъ могъ я заслужить такую кару.

Насколько помню себя, я не былъ въ дѣтствѣ ни большимъ шалуномъ, ни озорникомъ, ни революціонеромъ. Былъ мальчикомъ нѣжнымъ, чувствительнымъ, безхарактернымъ, способнымъ и женственнымъ; любилъ красную смородину, ласку и книжки. Впрочемъ, всматриваясь въ свои дѣтскіе портреты, мы всѣ склонны видѣть себя въ прошломъ ангелочками, утратившими святость къ годамъ зрѣлости. А какъ быть съ проигрышемъ двѣнадцати гнѣздъ бабокъ и съ потерей битка, налитого свинцемъ? Не за эту ли раннюю игорную страсть посадила меня мама въ чуланъ? Если да, то вотъ лишнее подтвержденіе бесполезности исправительныхъ наказаній: я на всю жизнь остался азартнымъ игрокомъ; мало того — считаю азартъ благороднѣйшей страстью, возвышающей человѣческую душу.

Однимъ словомъ — меня посадили въ чуланъ. Чуланъ былъ отличный, теплый, просторный. Въ немъ стоялъ большой сундукъ, на которомъ можно съ удобствомъ расположиться, а на сундукъ положено одѣяло, чтобы сидѣть было мягче. А чтобы не было мнѣ, маленькому, страшно, со мной посадили Катюшу, мою старшую сестру, — ей было тогда уже лѣтъ двѣнадцать. Мы съ ней сидѣли на сундукъ и плакали.

Я плакалъ не отъ страха, а отъ горькой обиды. Взрослые всегда несправедливы и жестоки, даже отцы и матери, даже лучшіе изъ отцовъ и матерей. Если я виноватъ — накажите, но не оскорбляйте, не унижайте человѣческаго достоинства. А чуланъ считался величайшимъ позоромъ и оскорбленіемъ. Поэтому я ревѣлъ во весь голосъ, чтобы этотъ единственно доступный мнѣ способъ протеста былъ извѣстенъ всему дому и вызвалъ раскаяніе матери.

Сестра плакала, кажется, потому, что ей въ чуланѣ было страшно (она боялась темноты), а главное — ей было непонятно, почему она должна дѣлать со мной наказаніе. А можетъ быть ей было жалко меня, утѣшить же не было никакой возможности: я рвался и билъ по сундуку башмаками.

Сквозь ревъ я слышалъ, какъ гулко захлопнулась дверь въ комнату, гдѣ былъ чуланъ. Это означало, что мама раскаянья не выражаетъ и не хочетъ слышать моихъ неистовыхъ рыданій. Теперь освободить меня могло только время. Не дѣйствуетъ открытый протестъ — подѣйствуетъ жалость. И я присмирѣлъ, приготовившись быть несчастнымъ страдальцемъ.

Въ темнотѣ тишина родить жуть. Въ чуланѣ могли быть мыши. Всего безопаснѣе было прижаться поближе къ сестрѣ и держаться за ея рукавъ. Такъ мы и сидѣли, тихо всхлипывая и прислушиваясь, не раздадутся ли шаги матери.

Думаю, что именно тогда и родились между нами близость и взаимное пониманіе, позже спаявшія насъ крѣпкими узами нерушимой дружбы.

Когда протекла вѣчность — не менѣе четверти часа — задвижка чулана щелкнула и спокойный голосъ матери сказалъ:

— Катюша, выведи этого мальчика.

У меня было свое имя — Костя. Въ минуты ласки меня звали Котикомъ. Но сейчасъ я былъ только этимъ мальчикомъ, безымяннымъ, преступнымъ, нераскаяннымъ. Это могло бы стать поводомъ для новыхъ горькихъ слезъ, если бы Катюша, обнявъ меня и подтолкнувъ къ двери, не прошептала на ухо:

— Пойдемъ, Котикъ. Ты не плачь, мама больше не сердится.

Мы вышли, шурясь на свѣтъ опухшими глазами. Мамы въ комнатѣ не было; вѣроятно ей было стыдно. Все еще держась за Катюшу, я пошелъ за ней въ дѣтскую, гдѣ она уложила меня на постель, погладила по головѣ и поцѣловала. Въ этотъ моментъ моей настоящей мамой, доброй и понимающей, была Катюша. Когда она уходила, я съ новой родившейся во мнѣ нѣжностью посмотрѣлъ на ея косичку, свисавшую до полспины и украшенную лентой.

Потомъ изъ сосѣдней комнаты до меня донесся громкій и убѣдительный шопоть Катюши, по нѣскольку разъ повторявшей:

— Замысливъ расширить предѣлы своихъ владѣній за счетъ второстепенныхъ... за счетъ второстепенныхъ удѣльныхъ князей, великій князь московскій... великій князь московскій предпринялъ походъ...

КУМИРЪ

Годъ моего рожденія былъ въ семьѣ траурнымъ: осенью умеръ отецъ. Такъ я и росъ — единственнымъ мужчиной въ домѣ: мать, двѣ сестры, нянька, всѣхъ насъ выходившая, и кухарка Саватьевна, женщина характера деспотическаго, но умѣвшая дѣлать даже слоеное тѣсто.

Нашъ маленькій мірокъ не дѣлился на взрослыхъ и дѣтей. Няньку, напримѣръ, никакъ нельзя было причислить ко взрослымъ; она была очень стара, но все же принадлежала къ міру дѣтскому, — жила нашими интересами, знала по именамъ сестриныхъ куколъ, говорила дѣтскимъ нашимъ языкомъ, была участницей нашихъ игръ и нашихъ тайнъ. Саватьевна жила и царила въ кухнѣ, на всѣхъ ворчала, особенно въ субботній базарный день, но, въ сущности, настоящимъ авторитетомъ не пользовалась; ее только побаивались. Взрослой была только мать, и какъ то совсѣмъ нечаянно взрослой стала Катя.

Случилось это, кажется, тогда, когда Катѣ на рождество сшили длинное платье, не такое длинное, какъ у мамы, но все-таки. Всѣ это платье на Катѣ разсматривали, и она стояла посреди комнаты въ большомъ смущеніи. Я ждалъ,

что вотъ Катя сдѣлаетъ шагъ и запутается ногами въ юбку. Няня же сказала:

— Таперица — совсѣмъ невѣста наша Катенька.

Платье носилось по праздникамъ, а въ будни Катя ходила въ прежнемъ, коричневомъ съ чернымъ фартукомъ. Но теперь и въ немъ она оставалась взрослой. Послѣ длиннаго казалось, что не это, старое, стало короче, а Катины ноги стали длиннѣе.

И еще случилось однажды, что почтенный и пожилой господинъ, пришедшій навѣстить маму, поднялся съ кресла, когда вошла Катя, и, здороваясь съ нею, стукнулъ каблукомъ о каблукъ. Меня это очень поразило, и мое уваженіе къ Катѣ еще повысилось. Уйдя въ дѣтскую, я долго расшаркивался тамъ передъ умывальникомъ, стуча ногами и кивая головой, и, по моему, выходило хорошо. А когда то же я продѣлалъ передъ нянькой, она сказала:

— Нечего тебѣ, Костенька, передо мной, старухой, танцы танцевать. Сидѣлъ бы лучше, да клеилъ картинки.

Когда у насъ бывали гости, я старался держаться ближе къ старшей сестрѣ, подчеркивая нашу съ ней дружбу. Когда она что-нибудь говорила, я смотрѣлъ ей въ ротъ, потомъ переводилъ глаза на слушавшихъ, чтобы видѣть, какое она на нихъ произвела впечатлѣніе. Все, что она говорила и дѣлала, я считалъ какъ бы сказаннымъ и сдѣланнымъ мною самимъ. Когда ее хвалили, я краснѣлъ отъ удовольствія, точно это относилось и ко мнѣ. Ластиться къ ней было моей потребностью, и Катя, которой я, вѣроятно, очень надоѣдалъ, переносила мои приставанья съ изумительной кротостью.

Къ Лизѣ, второй сестрѣ, хотя она была почти на пять

лѣтъ меня старше, я относился нѣсколько свысока; дружба съ Катей возвышала меня надъ Лизой. Лизу гладили по головѣ и говорили съ ней покровительственно, а передъ Катей почтенный господинъ щелкалъ каблуками. Выбора для меня не могло быть.

И еще объ одномъ я догадывался, отчасти подслушавъ разговоры, отчасти полагаясь и на собственный вкусъ: о томъ, что наша Катюша лучше всѣхъ, что она очень красивая. Была у нея черная коса, и на бѣломъ лицѣ черные глаза и тонкія брови. Среди другихъ Катя казалась особенно чистолицей, яркой и сіяющей. Нельзя было этого не замѣтить. И голосъ ея казался мнѣ самымъ звонкимъ, и походка — самой смѣлой. Когда же Катя, задумавшись о важныхъ своихъ дѣлахъ, проходила по комнатѣ на цыпочкахъ, — эта привычка осталась у нея на всю жизнь — я замиралъ отъ благоговѣнія.

Когда я очень ей надоѣдалъ, она говорила мнѣ:

— Подожди, Котикъ, мнѣ нужно заниматься.

Она садилась за книжки, читала губами, а лѣвой рукой крутила быстро-быстро прядку волосъ на вискѣ. Это она готовила уроки. Вынимала тетрадку и писала въ ней, согнувъ уголкою указательный палецъ, а иногда водила по губамъ кончикомъ языка. Это тоже казалось мнѣ очень почтеннымъ и замѣчательнымъ, и я невольно подражалъ всѣмъ ея жестамъ: трепалъ волосы и водилъ по губамъ языкомъ. Но идеаль — одно, а подражанье — другое. До Кати было мнѣ, какъ до неба.

Когда Кати не было дома, жизнь становилась обыкновенной и будничной. Я гулялъ во дворѣ, рисовалъ, рѣзалъ перочиннымъ ножикомъ столъ, разбиралъ колесики и вин-

тики стараго будильника, отданнаго въ мое распоряженіе, читаль книжку «Робинзонъ въ русскомъ лѣсу» и занимался съ мамой ариѳметикой. Черезъ полтора года предстояло и мнѣ поступить въ гимназію; я уже былъ къ ней подготовленъ, мѣшали только малые мои года. Было мнѣ немножко досадно, что когда я стану гимназистомъ — Катя уже окончитъ гимназію; а то бы мы по утрамъ уходили съ ней вмѣстѣ. Теперь придется ходить только съ Лизой.

Когда сестра возвращалась изъ гимназіи, я выбѣгалъ въ переднюю и смотрѣлъ, какъ она снимаетъ шубку и торопится къ себѣ въ комнату умыться передъ обѣдомъ. Съ нею возвращалось въ домъ оживленіе, мама улыбалась, нянька шлепала туфлями, Саватьевна гремѣла посудой. Отъ Катиной шубки пахло свѣжестью и снѣгомъ.

А за обѣдомъ Катя рассказывала мамѣ про подругъ, про учителей, и все такъ интересно. Ихъ имена и прозвища я зналъ отлично, и жизнь сестры мнѣ казалась полной и праздничной, какой ни у кого больше быть не могло.

А можетъ быть и правда — это былъ лучший періодъ жизни моей милой сестры, съ которой я вскорѣ долженъ былъ разстаться до новой встрѣчи совсѣмъ въ иной обстановкѣ, сложной, трудной и порой бессмысленной. Если бы можно было говорить жизни: «остановись!» — и она бы останавливалась, или бы можно было возвращаться къ возрасту, въ прошломъ лучшему, какъ возвращаются къ родному берегу изъ напраснаго дальняго странствія, — я бы изъ многихъ пережитыхъ счастлихъ выбралъ счастье быть ребенкомъ и смотрѣть на міръ еще безбровыми глазами, молиться въ домашней кумирнѣ домашнимъ богамъ,

имѣть впереди все, ничего не достигая, и строить испанскій замокъ мечтаній изъ обгорѣлыхъ спичекъ и пустыхъ аптекарскихъ коробочекъ. Если бы это было можно, я отказался бы даже отъ лучшаго, что сейчасъ имѣю — отъ моихъ воспоминаній.

СУДЬБА

Вечеръ. Мамы дома нѣтъ.

По вечерамъ уютнѣе всего въ столовой. Тамъ большая бисячая керосиновая лампа надъ столомъ, покрытымъ темной ковровой скатертью.

Сидимъ всѣ: Катя съ книжкой — только она не очень внимательно читаетъ. Лиза рисуетъ букетъ цвѣтовъ, въ которомъ каждый цвѣтокъ очень правильно расположенъ, каждый лепестокъ похожъ на всѣ остальные, и если справа двѣ маргаритки, то и слѣва двѣ маргаритки, а ленточка точно сейчасъ проглажена; у Лизы все всегда выходитъ аккуратнымъ, приличнымъ и скучнымъ. Мнѣ дали циркуль и бумагу; вся бумага перемазана кружками, и теперь я протыкаю ее ножкой циркуля и смотрю, что получается на свѣтъ. Нянька съ необыкновеннымъ искусствомъ штопаетъ пятку чулка, ею же когда то связаннаго. Въ комнатѣ тихо, и время проходитъ мимо насъ, такая маятникомъ.

Сколько лѣтъ нашей нянѣ? Пожалуй — много ей лѣтъ, совсѣмъ сгорбилась няня!

Она приподымается и тянется рукой къ лампѣ — свѣту прибавить. Катюша отрывается отъ книги.

— Сиди, сиди, няня, я прибавлю.

— Спасибо, Катенька. Темно мнѣ, глаза мои старые.

Катя смотритъ на пламя лампы и, думая о своемъ, спрашиваетъ:

— Няня, а тебѣ сколько лѣтъ?

— Лѣтъ то сколько? А кто ихъ знаетъ, Катенька. Въ прошедшемъ году барыня считали, и будто выходило семьдесятъ восемь — семьдесятъ девятый. Это въ прошедшемъ году лѣтомъ. Стало быть нынче въ январѣ будетъ семьдесятъ ли девять, либо всѣ восемь десятковъ. Вотъ мнѣ годовъ сколько, много годовъ.

Катя смотритъ теперь на няню внимательно, точно въ первый разъ видитъ ея морщины и прядь сѣдыхъ волосъ, выбившуюся изъ-подъ платка. Платокъ няня никогда не снимаетъ, и никто ея простоволосой не видалъ.

— Ты долго жила, няня! Много видѣла!

Няня соглашается:

— До-о-олго живу! У насъ въ роду всѣ подолгу жили. Пора бы и помирать мнѣ, Катенька. Вотъ только хочу повидать, какъ ты замужъ выйдешь.

— А можетъ быть, няня, я совсѣмъ не выйду замужъ.

— Какъ же можно! Ты дѣвушка красивая, здоровая, въ дѣвкахъ не засидишься. Вотъ только дай гимназью кончишь.

Катя смотритъ на нянинъ платокъ и старается представить себѣ двѣ картины. Вотъ она, Катя, сидитъ въ дѣвкахъ и на всѣхъ сердится; мимо ходятъ люди, веселые, разговариваютъ, а она сидитъ неподвижно въ дѣвкахъ и

молчить. Или — вотъ она замужемъ, пьеть чай въ такой же столовой, а рядомъ мужъ мѣшаетъ въ стаканѣ ложечкой и ѣстъ печенье. Но представить себѣ мужа Катя никакъ не можетъ.

— Няня, а ты погадай мнѣ, выйду ли я замужъ.

— Да вѣдь што мое гаданье. Можетъ правда выйдесть, а можетъ и такъ, понапрасному.

— Погадай, няня.

У няни въ ея чуланчикѣ лежатъ на полкѣ карты въ желѣзной коробкѣ. Этими картами она гадаеть уже лѣтъ двадцать и мѣнять ихъ не хочеть, такъ къ нимъ привыкла. Карты согнуты и почернѣли. У дамы бубень усы, у короля червей уголь обрѣзанъ до уха. Катюша знаетъ, что она — дама трефъ.

Дама трефъ ложится посерединѣ, и на сердцѣ у нея закрытая карта — безъ угла. Няня слюнитъ пальцы — безъ этого карту отъ карты не разлѣпить. Налѣво — дорога, направо — деньги.

— Ну, няня, что выходитъ?

— А чему тутъ выходить? Дурного ничего нѣту, все благополучно. То ли куда уѣдешь, то ли тутъ будешь жить съ достаткомъ. А надо быть дорога, всѣ три шестерки. Вонъ седьмерка виной — это тяжелыя хлопоты, да можетъ она потомъ уйдесть.

Карточныя масти няня зоветъ по-старинному: «буби, вѣни, крести».

На сердцѣ оказался король червей. Но няня не увѣрена.

— Это кто, няня, суженый?

— Надо быть суженый, только человѣкъ пожилой.

— Старикъ?

— Зачѣмъ старикъ. Можетъ и не старый человѣкъ, а съ положеніемъ, въ годахъ, не лоботрясъ какой. И изъ себя бѣлокуръ.

— Ну, и что же, няня?

— А развѣ я знаю! Можетъ и замужъ за него пойдешь. За почтеннаго человѣка и лучше, не будетъ съ его стороны никакихъ шалостейъ.

— Это какія шалости, няня?

— Всякія бываютъ, если человѣкъ невѣрный. Жена дома сидитъ, а онъ мотается.

— Какъ, няня, мотается?

— А такъ и мотается, что все бѣгаетъ.

— По гостямъ?

— По гостямъ, да по трактирамъ, кто ихъ знаетъ.

— Я такого не хочу, няня.

— Кому жъ такого надобно, какая съ имъ жизнь!

Опять выходитъ дорога и письмо. Катя на минуту задумывается. Ѣдетъ она на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ, пишетъ письма мамѣ, нянѣ, подругамъ. И сидитъ рядомъ съ ней кто-то, неизвѣстно кто, дергаетъ за руку, заглядываетъ, не даетъ писать.

Няня гаданьемъ недовольна: много черныхъ картъ, виной и крестей, окружили даму. Одна надежда — уйдутъ. Но какъ разъ ушла вся сердечная масть, остались хлопоты, да тузъ и десятка бубей. Деньги будутъ, а любви особой не видно, даромъ что легъ король прямо дамѣ на сердце. Мало хорошаго.

— Ну, няня?

— А что жъ няня? Какая твоя няня гадальщица? Кар-

та, она ляжетъ, какъ ее положить, вѣрить ей тоже нечего. Другой разъ другое выйдетъ.

— А сейчасъ нехорошо вышло?

— Особо плохого ничего нѣтъ. Зачѣмъ плохое. Ну и хорошаго особенно нѣтъ. Богатство — это хорошо. Хоть и не въ деньгахъ счастье, а и безъ денегъ не проживешь.

— А замужъ выйду?

— А какъ же не выйдешь? И безъ карты выйдешь, и по картѣ такъ.

— А счастлива буду, няня?

Тутъ нянька сердится:

— Счастье, милая, самъ себѣ человекъ дѣлаетъ. Люби мужа — вотъ тебѣ и счастье. Съ неба оно не свалится, счастье. И все это гаданье выходитъ — одна глупость.

— Ты картамъ не вѣришь, няня?

— Чего имъ вѣрить, я и такъ знаю, безъ картъ.

И правда: восемьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ проживши — какъ же не знать нянѣ, въ чемъ счастье и какъ его добываютъ! И сама была замужемъ — въ свое время досыта наплакалась. Въ деревнѣ, гдѣ жила няня молодой, про счастье такъ говаривали: «Счастье да трястье на кого нападеть». А то еще сами на себя плакались: «Таковъ нашъ рокъ, что вилами въ бокъ».

— Главное дѣло, Катенька, чтобы за большимъ не гнаться, малаго не пропустить. Кому какая доля выпадетъ. Кто другого жалѣетъ, тому и жить легче. А бояться нечего — отъ судьбы не убѣжишь.

Няня охаетъ, несетъ коробку съ картами обратно въ свой чуланчикъ. Лиза раскрашиваетъ зеленымъ, краснымъ и желтымъ третій букетъ цвѣтовъ — всѣ три оди-

наковы: по двѣ маргаритки справа, по двѣ слѣва; и только ленточки разнаго цвѣта. Я доломалъ до донца графитикъ въ циркулъ. Катя снова склонилась надъ книгой; смотритъ она не на страницу, а на рисунокъ скатерти — но и его не видитъ. Задумалась Катя.

Звонокъ въ передней: мама вернулась.

КАТЯ ЧТО ТО ПРИДУМАЛА

Съ утра у насъ въ домѣ волненіе и суета. Мама звенитъ ключами, няня стучитъ ящиками шкаповъ и комодовъ, часто вбѣгаетъ Саватьевна что нибудь показать, а то вызываетъ маму въ кухню.

Мнѣ все это любопытно, но меня совсѣмъ затолкали: — Костенька, да не вертись ты подъ ногами!

Примѣчательно, что передъ обѣденнымъ часомъ мнѣ дали хлѣба съ ветчиной и стаканъ молока: значитъ обѣдъ будетъ поздно. Извѣстно также, что къ обѣду будутъ гости: изъ буфета вылѣзло все столовое серебро, а изъ магазина принесли нѣсколько бутылокъ вина. Вино у насъ бываетъ только на Пасху, — значитъ сегодня день совсѣмъ особенный.

Онъ и вправду особенный. И вообще въ послѣдніе дни происходитъ что то не очень понятное. Катя, напримѣръ, все время ходитъ на цыпочкахъ, и къ ней нѣтъ приступу. О чемъ ее ни спросишь — она отвѣчаетъ разсѣянно, а то и совсѣмъ не отвѣтитъ. И мама постоянно останавливаетъ:

— Костя, не надоѣдай Катюшѣ. Иди и играй или почитай что нибудь.

Мама все шепчется то съ няней, то съ Катей, а то ходить съ заплаканными глазами. Что то случилось, и по видимому съ Катюшей: всѣ на нее смотрятъ, вздыхаютъ, качаютъ головой.

Кое о чемъ я, впрочемъ, догадываюсь, такъ какъ слышалъ странный разговоръ между мамой и няней:

— Чего же убиваться, барыня, чай по своей волѣ идетъ.

— Няня, да вѣдь она совсѣмъ дѣвочка, ничего не понимаетъ.

— Чего жъ тутъ и понимать то, тутъ и понимать не надобно.

— Можетъ быть она его и не любить.

— А не любить — полюбить, барыня, наука не хитрая.

— Вѣдь на всю жизнь, нянюшка!

— Это конечно.

— Подождать бы годъ-другой.

— А чего ждать, барыня? Она то подождетъ, а ему ждать невозможно, онъ человѣкъ въ годахъ и съ состояніемъ. Этакій сразу другую себѣ найдетъ.

— Богъ съ нимъ, съ состояніемъ.

— Какъ же можно, барыня! Съ деньгами все легче жить, чѣмъ безъ достатка, особенно, коли человѣкъ почтенный.

— Не знаю, нянюшка, какъ то все внезапно вышло. Ужъ очень скоро.

— Такъ то и лучше. Никто дѣвушку не неволить, самой пріятно, и подружкамъ завидно.

Говорили, конечно, про Катюшу, которая что то придумала, а мама не знаетъ, хорошо ли Катюша сдѣлала.

Сестра только что окончила гимназію. Ей шель семнадцатый годъ, и я считалъ, что она уже довольно старая, конечно не такая, какъ мама и няня. Любовь моя къ сестрѣ отъ этого не уменьшилась. Катюша была, по моему, замѣчательная, и я не удивился, что она придумала что то такое, чего даже мама не ожидала.

Человѣкъ, про котораго говорили, что онъ очень почтенный и съ состояніемъ, былъ, конечно, бѣлокурый инженеръ Евгеній Карловичъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ часто у насъ бывать. Но онъ былъ человѣкъ посторонній, недавній знакомый, и мнѣ не сразу пришло въ голову, что Катя задумала на немъ жениться; женятся то, кажется, только на самыхъ лучшихъ знакомыхъ. Катюша разговаривала съ нимъ очень мало, а только смотрѣла. И онъ больше разговаривалъ съ мамой, а иногда шутилъ со мной.

И однако въ этотъ день за обѣдомъ Катю посадили рядомъ съ инженеромъ, и всѣ на нихъ смотрѣли. Потомъ стали пить вино, налили и мнѣ совсѣмъ на донышко стакана, а послѣ индюшки всталъ мой крестный отецъ, Аркадій Петровичъ, поцѣловался съ мамой, потомъ поцѣловалъ Катюшу — и тогда всѣ стали поздравлять Катюшу и инженера. И я замѣтилъ, что Катюша очень испугалась, чуть не заплакала, а инженеръ доволенъ. Только тутъ я окончательно понялъ, что Катюша все-таки рѣшила жениться. Собственно я думалъ, что она тутъ же за обѣ-

домъ и женилась, но послѣ няня мнѣ объяснила, что это была только помолвка.

— Свадьба, Костенька, послѣ Петрова дня.

— А какъ, няня?

— А такъ, что обедесть попъ трижды вокругъ наложь — вотъ тебѣ и прощай наша Катюша.

Моя дѣтская память — чувствительная и непреложная пластинка — сохранила лицо Катюши въ эти дни: немножко вытянутое, удивленное и торжественное. Сестра, раньше такая веселая, жизнерадостная, теперь молчаливо бродила по комнатамъ, точно прислушиваясь. Когда съ ней заговаривали, она удивленно улыбалась, осторожно смѣялась и не знала, какъ ей держаться.

Теперь я знаю: она и впрямь была удивлена. Внезапно въ ея жизни произошло огромное событіе: пришелъ человѣкъ и увѣренно положилъ ей руку на неопытную дѣтскую головку; человѣкъ большой, взрослый, самостоятельный, который всѣмъ нравился, и ей нравился, и передъ которымъ всѣ какъ будто заискивали. Когда онъ появлялся — всѣ обращались къ нему, и никто ему не возражалъ. Онъ былъ очень милъ, привлекателенъ, любезенъ, но главное — онъ былъ выше и лучше всѣхъ, кого знала Катя. И этотъ человѣкъ выдѣлилъ ее, Катюшу, изъ всѣхъ людей и предложилъ ей дѣлать съ нимъ всю остальную жизнь.

Она была слишкомъ юна, моя милая сестренка, чтобы полюбить сознательно. Она была поражена. Она невольно внушала себѣ чувство, назвавъ его — на дѣтскомъ своемъ языкѣ — любовью. Но я знаю теперь, что она отдавала

себя этому незнакомому инженеру изъ чувства удивленія, почтительнаго восторга передъ его силой и зрелостью, можетъ быть изъ чувства присущей ей вѣжливости и уваженія къ взрослымъ.

Ея чувство мнѣ тѣмъ болѣе понятно, что оно передалось и мнѣ. Со дня помолвки я благоговѣлъ передъ женихомъ сестры. Онъ казался мнѣ великимъ и единственнымъ, образцомъ и примѣромъ для подражанія.

У него были волнистые бѣлокурые волосы, — и я считалъ, что каждый уважающій себя мужчина долженъ имѣть такіе. Я даже спросилъ его, почему волосы выются. Онъ отвѣтилъ, что нужно ихъ мазать керосиномъ и долго трепать по утрамъ. Няня отняла у меня керосинъ, но зато я трепалъ свои плоскіе волосы съ такимъ усердіемъ, что потомъ ихъ трудно было расчесывать. Надо мной смѣялись, — но я не пересталъ вѣрить каждому слову инженера и подражать ему во всемъ. Такъ онъ иногда вмѣсто «да» говорилъ «дэ-съ!» — и я немедленно перенялъ это и на всякій вопросъ отвѣчалъ важно «дэ-съ!»

Я обожалъ его безкорыстно, — хотя онъ осыпалъ насъ, и меня, и Лизу, и няню, и маму и, конечно, Катюшу подарками. Я получилъ отъ него настоящее монтекристо и наборъ столярныхъ инструментовъ. Онъ приносилъ и присылалъ столько шоколадныхъ конфетъ, что я даже сталъ къ нимъ равнодушенъ. Мама укоряла его за то, что онъ насъ балуетъ.

Со стыдомъ вспоминаю, что онъ сталъ для меня тогда чѣмъ-то даже большимъ, чѣмъ Катюша; и правда, она казалась передъ нимъ маленькой дѣвочкой, которую съ этихъ поръ онъ будетъ защищать и воспитывать.

Мама говорила Евгенію Карловичу:

— Знаете, Костя въ васъ влюбленъ.

Онъ смѣялся, а я краснѣлъ отъ смущенія и удовольствія. Я дѣйствительно былъ влюбленъ. Какъ я могъ не быть влюбленнымъ въ того, въ кого влюблена Катя? И я не ревновалъ его къ сестрѣ, — я просто дѣлилъ ея чувство и считалъ себя ихъ общимъ вѣрноподданнымъ.

Въ это примѣчательное время инженеръ бывалъ у насъ почти каждый день; только на три недѣли онъ уѣзжалъ въ Москву. Говорили, что онъ тамъ открываетъ свое дѣло и что свою службу на уральскихъ заводахъ онъ оставилъ. Вѣроятно и Катя, когда выйдетъ замужъ, переселится въ Москву.

Въ моемъ дѣтскомъ поклоненіи извѣстную роль играло и то, что Евгеній Карловичъ былъ родомъ датчанинъ. Это тоже казалось мнѣ замѣчательнымъ: до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть датчанина, и только изъ учебника Янчевскаго я зналъ, что есть такая страна — Данія, маленькая и съ трехъ сторонъ окруженная моремъ. А тутъ — настоящій, живой датчанинъ, да еще инженеръ, да еще женихъ Катюши, — мудрено ли потерять голову!

ОНА, ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, ЖЕНИЛАСЬ

По вечерамъ засиживались поздно, а меня отсылали спать въ десять часовъ.

Моя комната была рядомъ со спальней матери, — маленькая, но отдѣльная; раньше она служила кабинетомъ отцу.

Изъ столовой раздаются голоса: тихій — матери, звонкій и молодой — Кати, мужской и увѣренный — Евгенія Карловича. Иногда онъ долго говоритъ, можетъ быть опять разсказываетъ про охоту на Уралѣ, и тогда мнѣ хочется скинуть одѣяло и, крадучись, подбѣжать къ дверямъ столовой.

Помню, какъ въ часъ моего перваго, еще чуткаго сна вошли въ мою комнату Катя и ея женихъ. При слабомъ свѣтѣ лампадки я все же видѣлъ ихъ лица. Они сѣли на стулья противъ моей кровати — будто бы пришли взглянуть, какъ мирно спитъ Костя. Но если бы и вправду смотрѣли, то замѣтили бы, что Костя въ дремотѣ ихъ видитъ.

Они не разговаривали. Инженеръ смотрѣлъ на Катю, и я въ первый разъ замѣтилъ, что подъ бѣлокурыми уса-

ми у него большой ротъ; отъ тѣней лампадки ротъ казался даже огромнымъ и непріятнымъ. Катя, совсѣмъ при немъ маленькая, — хотя она была не ниже его ростомъ, — сидѣла повернувшись къ нему, но наклонивъ голову; она показалась мнѣ смущенной. Еще видѣлъ я сквозь сонъ, какъ Евгеній Карловичъ сначала гладилъ ея руку, а потомъ хотѣлъ ее обнять, но Катя отстранилась и тихонько сказала: «нѣтъ, не надо!» И тогда ротъ инженера сталъ меньше и углы его опустились. Какъ я ни былъ малъ, но все же догадался, что инженеру хочется поцѣловать Катю, а ей этого не хочется. Потому, вѣроятно, онъ и завелъ ее въ мою комнату, будто бы посмотрѣть на меня. Мнѣ стало немножко стыдно, я закрылъ глаза и сейчас же заснулъ.

Жизнь наша продолжала быть интересной. У меня прибыло много книжекъ, большинство съ описаніемъ звѣрей и рассказами про охоту. У Лизы стоялъ на столѣ настоящій письменный приборъ, который она ежедневно протирала суконной тряпочкой. Саватьевна выбѣгала изъ кухни въ переднюю подать инженеру шубу и потомъ что то прятала въ кулакѣ. Каждый день приходила къ намъ бѣлошвейка и шила до темноты, и еще приходила портниха примѣрять платья: дорожное, визитное, а ко дню свадьбы и бѣлое подвѣчное, при примѣркѣ котораго присутствовали всѣ, — и мама, и няня, и Саватьевна, и Лиза, и, конечно, я.

Катя спала теперь вмѣстѣ съ мамой въ ея спальнѣ, рядомъ съ моей комнатой, и часто, проснувшись ночью, я слышалъ ихъ полушопотъ: это мама учила Катю жить замужемъ. Я засыпалъ, — а онѣ еще шептались.

День свадьбы сестры какъ то слился въ моей памяти съ другими суетливыми и праздничными днями. Знаю, что мнѣ было поручено положить въ бѣлую атласную Катюшину туфельку золотую монету, и что я ѣхалъ въ церковь впереди всѣхъ съ иконой. Помню, какъ рассказывали, что Катя не захотѣла первой вступить на розовый шелкъ, а подождала, пока вступить инженеръ, — нянѣ это не понравилось. И еще помню, какъ, по прїѣздѣ изъ церкви, мы пили шампанское; дѣйствительно «мы», потому что дали полный бокаль и мнѣ, отчего я совершенно опьянѣлъ. Можетъ быть поэтому меня не взяли на паромъ провожать молодыхъ.

Они уѣхали не на долго, только прокатиться по Камѣ и по Волгѣ. Ихъ квартира была готова — у насъ же во флигель, изъ котораго за мѣсяцъ передъ этимъ выѣхала Пашкина семья. Во флигель привезли большой рояль, много новой мебели. Было рѣшено, что Катя съ мужемъ еще около года проживутъ въ нашемъ городѣ — и лишь потомъ уѣдутъ въ Москву.

На новую жизнь сестры я смотрѣлъ, какъ на очень интересную и вполне замѣчательную ея выдумку. Въ головѣ моей не зарождалось мысли, что это — не Катюшино интересное приключеніе, а что это такъ уже и будетъ всегда, что Катюша изъ нашей семейной жизни ушла, что уже нѣтъ у насъ Катюши, что только временно она еще бываетъ у насъ, а потомъ уйдетъ въ какую-то, совсѣмъ не нашу, неизвѣстность. Теперь у нея была своя квартира и своя прислуга, — это тоже было занимательно и любопытно. Въ Катюшиной новой квартирѣ жилъ Евгений Карловичъ, что было очень прїятно, такъ какъ у него было мно-

го ружей, медвѣжьи шкуры, рога и совсѣмъ какъ живая голова волка надъ дверью кабинета. Но я бы не очень удивился, если бы Евгений Карловичъ уѣхалъ, а Катюша вернулась въ свою прежнюю комнату, и мы бы вспоминали, какъ было интересно при Евгении Карловичѣ и какъ жаль, что онъ уѣхалъ. Она была все таки нашей, а онъ былъ чужимъ человѣкомъ, хоть и очень пріятнымъ. Вотъ только жаль, что Катюша все равно не будетъ больше ходить въ гимназію.

По нянькиному выходило, что Катюша теперь — «огрѣзанный ломоть», но я этого какъ то не усваивалъ. Хоть и отрѣзанный, а приставь его — онъ и прирастетъ. И тогда Катюша снова будетъ носить короткое платье, пѣть, читать по вечерамъ въ столовой книжку и разливать чай, когда мамы нѣтъ дома. И все будетъ попрежнему, какъ и быть должно. Потому что Катюша и была и осталась нашей.

Я — ДЯДЯ

Были двѣ Кати: Катя-барыня и Катя-прежня. Первая жила во флигелѣ, занималась хозяйствомъ, принимала гостей, играла на роялѣ и ходила подѣ ручку съ мужемъ въ дамской шляпѣ, въ платьѣ съ турнюромъ и въ перчаткахъ. Она была очень красива и привѣтлива и была совсѣмъ взрослой.

Другая Катя, прежня, прибѣгала къ намъ, когда ея мужъ уѣзжалъ по дѣламъ. Это случалось постоянно: то онъ ѣздилъ на уральскіе заводы, гдѣ не всѣ его дѣла были закончены, то на охоту, то на цѣлый мѣсяць въ Москву. При его долгихъ отлучкахъ Катя совсѣмъ переселялась къ намъ и спала, какъ прежде, съ мамой. Въ домѣ у насъ становилось веселѣе. Катя надѣвала короткое платье, старое гимназическое, заплетала косу, тормошила няню, цѣловала маму, училась со мной въ саду стрѣлять въ цѣль изъ монтекристо и цѣлый день напѣвала. Когда матери было некогда, Катя занималась со мной — готовила къ поступленію въ гимназію.

Было очевиднымъ, что Катя опять что то придумала:

теперь она, подъ маминымъ руководствомъ, шила и подрубала какія то тряпочки, рубашечки, одѣяльца, какъ бы для очень большой куклы. Ее это очень забавляло, мама же относилась къ этому съ большой серьезностью. По ночамъ онѣ опять шептались въ спальнѣ, а однажды Катюша спросила меня:

— Котикъ, ты хочешь быть важнымъ?

— Какимъ важнымъ?

— Ну, напримѣръ, ты станешь дядей.

— Какимъ дядей?

— Если у меня будетъ сынъ, ты будешь его дядей.

Меня это очень поразило: я не совсѣмъ былъ готовъ къ роли дяди. Но Катя говорила такъ серьезно, что я постарался представить себѣ такой случай. Вотъ я — дядя. Катинъ сынъ, ужасно маленькій, подходитъ ко мнѣ и говоритъ пискляво:

— Здлястуй, дядя!

Я отвѣчаю снисходительно, но ласково:

— Здравствуй, мой милый.

— Мозьно мнѣ поиграть?

— Да, только не очень шали.

Онъ идетъ играть, а я задумчиво беру книгу и вздыхаю.

Выходило почтенно. И впервые я почувствовалъ, что становлюсь пожилымъ и солиднымъ человѣкомъ.

Однажды, когда Лиза была въ гимназіи, я услыхалъ въ ея комнатѣ тихій и оживленный разговоръ. Говорилъ голосъ Кати, и никто ей не отвѣчалъ. Я подкрался къ двери и заглянулъ.

Катя, съ длинной косой въ свѣтломъ платьѣ сидѣла

на Лизиной кровати, окруженная куклами. Самую большую — ту, которая открывала и закрывала глаза — Катя держала на рукахъ, прилаживая ей какой то бантикъ. И я услыхалъ, какъ она сердитымъ шопотомъ говорила:

— Ахъ, тебѣ не нравится, тебѣ не нравится красный? Очень жаль, очень жаль, но другого нѣтъ. Пока походи съ такимъ, а потомъ мама купитъ тебѣ голубенькій. Да ну же, не вертись!

Одновременно за моей спиной раздался голосъ матери:

— Ты что тутъ, Котикъ, подсматриваешь? Что тебѣ интересно?

— Я смотрю, какъ Катя играетъ въ куклы.

Мама вошла въ комнату, а Катюша быстро собрала куколъ и швырнула ихъ въ коробку. Покраснѣвъ, она сердито залепетала:

— Какія глупости, Костя, я просто смотрѣла, какой у Лизы безпорядокъ, все помято. Какъ странно, мама, вѣдь Лиза вообще такая аккуратная!

Мама пробормотала что-то, вродѣ «да, съ ней бываетъ», повернулась и вышла. Но я замѣтилъ, какъ у нея запрыгали губы отъ смѣха, который она старалась сдерживать.

Катюша продолжала сидѣть на кровати, и я не понималъ, почему она смущена и на меня злится. Я не видѣлъ ничего дурного въ томъ, что она играетъ въ куклы, — она и раньше часто играла, и съ Лизой и одна.

Потомъ Катюша надула губы, ушла въ гостиную, сѣла въ кресло и стала читать книжку. Мнѣ очень хотѣлось съ ней помириться, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Ко-

гда вошла мама, Катя подперла голову кулаками и стала читать еще внимательнѣе. Мама погладила ее по головѣ:

— Ахъ ты, моя бѣдная дѣвочка!

Катя отбросила книжку и прижалась къ мамѣ, и тогда мама, все еще смѣясь, сказала:

— Ну чего же ты смущаешься? Вотъ погоди — будешь играть въ живую куколку.

— Мамочка, я вовсе не играла, а только примѣряла бантикъ, онъ откололся. Костя вѣчно все выдумываетъ.

Мнѣ этотъ разговоръ показался довольно обиднымъ; но мнѣ стало жаль Кати, и я не возражалъ. Женщинамъ приходится прощать, даже когда онѣ не правы. Въ особенности — любимымъ женщинамъ. А я очень любилъ сестру, — въ домѣ нашемъ она была солнышкомъ, которое всѣхъ грѣло и ласкало.

.....

Катя давно уже носила широкой и длинный капотъ, перестала прыгать, а по лѣстницѣ спускалась, держась за перила. Она стала торжественнѣе и старше.

Въ послѣдніе дни мама иногда ночевала у Кати во флигелѣ. Телеграфировали инженеру, который опять былъ въ Москвѣ, и ждали, что онъ со дня на день пріѣдетъ. Но кажется онъ опоздалъ ко дню новой суеты.

Этотъ день суеты я хорошо помню. Не каждому удастся стать дядей въ девять лѣтъ и, конечно, это не менѣе почтенно, чѣмъ въ тридцать пять лѣтъ стать отцомъ.

Не только мама и няня, но и Саватьевна почти все время проводили у Кати во флигелѣ. Пріѣхалъ нашъ старый докторъ Винокуровъ, лѣчившій и меня отъ кори, — и его

проводили во флигель. Саватьевна носилась по двору, изъ дома въ домъ, широко размахивая руками. Намъ съ Лизой, вмѣсто обѣда, дали холодной телятины, молока и вчерашняго киселя. Лиза съ полнымъ спокойствіемъ и сознаниемъ долга учила свои уроки, хотя вѣдь и ей предстояло стать теткой. Я же сильно волновался и старался войти въ новую роль.

Прежде всего я прибралъ свою комнату. Монтекристо, лобзикъ для выпиливанья и столярные инструменты я развѣсилъ надъ кроватью; книги въ полномъ порядкѣ, по росту, отъ большой къ маленькой, разставилъ на полкѣ, несерьезныя игрушки заперъ въ шкафъ, — врядъ ли онѣ могли понадобится челоѣку въ званіи дяди. Въ перерывахъ я ходилъ по комнатѣ большими шагами, заложивъ руки за спину; иногда останавливался и говорилъ: «дэ-съ!» Затѣмъ я подписывалъ свою фамилію на листѣ бумаги, стараясь, чтобы росчеркъ былъ простымъ, солиднымъ и красивымъ, а главное — всегда одинаковымъ.

Эти дѣловыя хлопоты заняли весь день. Вечеромъ мама забѣжала только на минутку, велѣла мнѣ ложиться спать, поцѣловала и опять ушла къ Катѣ. Къ ночи вернулась няня и, укладываясь, долго охала. Но и ночью было слышно, какъ хлопаетъ кухонная дверь, ведущая во дворъ.

Утромъ разбудила няня:

— Вставать пора, Костенька. Въ домѣ радость, а ты спишь.

— Какая радость, няня?

— А такая радость, что у Катеньки сынокъ родился.

— Няня, а какъ его зовутъ?

— А еще никакъ не зовуть. Потомъ назовуть, успѣтъся. Весь въ мамашу, здоровый. Вотъ ты и дяденькой сталъ, а Лизанька тетей.

Да, такого дня не забудешь. Мама пришла насъ поцѣловать; она была веселой, но глаза заплаканы. Она тоже поздравила меня съ новымъ моимъ званіемъ.

Въ этотъ день я часто подходилъ къ большому зеркалу и смотрѣлъ на себя. Несомнѣнно, во мнѣ произошла какая то важная перемѣна: лицо увѣреннѣе и какъ бы равнодушнѣе. Лицо человѣка, который знаетъ свои обязанности и готовъ ихъ выполнить. Лицо почтенное, взглянувъ на которое каждый скажетъ:

— Несомнѣнно, этотъ господинъ — дядя! Въ немъ есть что то особенное.

.....

Теперь, когда я давно уже дѣдушка и пережилъ много семейныхъ радостей и всѣ семейныя утраты, — мнѣ пріятно вспоминать, съ какой серьезностью отнесся мальчикъ Костя къ великому событію въ жизни его любимой сестры, — правда, думая не столько о ней, сколько объ удивительной перемѣнѣ въ своемъ собственномъ семейномъ положеніи.

Мои дѣтскія воспоминанія о сестрѣ прерываются на этомъ событіи. Ставши матерью, она уже не долго жила съ нами. Московскія дѣла ея мужа устроились, и флигель въ нашемъ домѣ опустѣлъ. Въ моей личной жизни также произошло важное событіе — я поступилъ въ гимназію. Всего одинъ разъ пріѣхала къ намъ Катя погостить лѣтомъ; больше я не видалъ ее до университета.

Было много и другихъ событій, но въ памяти моей

они не очерчены такъ рѣзко. Умерла наша нянька; умерла не у насъ, а въ деревнѣ. Лиза окончила гимназію и поѣхала погостить къ Катѣ въ Москву. Были какія то письма — каждый день по письму, и каждый день мама на нихъ отвѣчала. Потомъ были телеграммы. Потомъ мама хотѣла поѣхать въ Москву, но не собралась. Оказалось, что Лиза въ Москвѣ выходитъ замужъ.

Но жизнь юноши полна своимъ — о чужомъ и далеко — некогда думать. Интересы дома и семьи уже не были на первомъ мѣстѣ. Я изучалъ — не слишкомъ прилежно — три-го-но-метрию, и до боли щипалъ пушокъ надъ верхней губой. Сдѣлалъ кое-какія жизненные открытія. Позналъ кое-какія философскія истины. Былъ влюбленъ, и не разъ. Былъ разочарованъ. Прочиталъ всѣхъ русскихъ классиковъ. Написалъ сочиненіе на тему «Отрицательныя черты Обломовщины въ русской жизни». Въ послѣднемъ классѣ гимназіи попробовалъ курить — и вышло удачно.

И вотъ наступило послѣднее лѣто моей жизни въ провинціи, при матери. На мнѣ уже была студенческая фуражка. Былъ купленъ новенькій чемоданъ и ремни для подушекъ. Мама сшила мнѣ мѣшочекъ для чаю и сахару, и на немъ была вышита моя мѣтка. Наконецъ было заказано мѣсто на пароходѣ — черезъ Казань до Нижняго.

Впереди была Москва, и пріятно было знать, что тамъ я увижу сестру, когда то дѣлившую со мной въ темномъ чуланѣ строгое наказаніе.

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

Я перевожу рассказ на годы моей ранней молодости, на тѣ года, о которыхъ рѣдко кто не вспоминаетъ съ улыбкой и со вздохомъ сожалѣнія:

— Ихъ не вернуть!

Я буду сдерживать перо, чтобы оно не увлеклось воспоминаніями о моей студенческой жизни. Въ этой повѣсти о жизни женщины, братъ ея Костя — только любящій свидѣтель. И только тамъ, гдѣ наши жизни тѣсно переплетались родственными и дружескими нитями, я чувствую себя вправѣ говорить о себѣ. Но обойтись совсѣмъ безъ отступленій слишкомъ трудно. Между бытіемъ тогдашнимъ и нынѣшнимъ — глубокая пропасть смутныхъ, радостныхъ, тяжкихъ, еще не взвѣшенныхъ разумомъ лихолѣтій. Въ бытѣ, въ семьѣ, во взглядахъ общества все такъ измѣнилось, что невозможно понять душевнаго облика прежнихъ людей, не припомнивъ среды, въ которой сложились ихъ характеры. Женщина тогда — и женщина теперь... Посадите ихъ рядомъ и наблюдайте, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ онѣ будутъ разглядывать другъ друга, и втайнѣ другъ другу завидовать: одна — очаро-

ванью неизвѣданной свободы, другая — красотѣ утраченной женственности.

О женщинѣ-товарицѣ говорили и мечтали и мы, тогдашніе. Но, крѣпко и дружески пожимая ея руку и съ тайнымъ сожалѣніемъ глядя на ея стриженные волосы (первый шагъ къ свободѣ!), мы, подчеркивая ея съ нами равенство, — оставались поклонниками и рыцарями. Свободные въ словахъ и чистые въ отношеніяхъ съ этими пионерками женскаго раскрѣпощенія, мы втайнѣ цѣнили лишь крѣпость дѣвственности и уважали будущихъ матерей. И пуще вольныхъ жестовъ и откровенныхъ прикосновеній намъ была мила цѣломудренная коса и робко дрожанье губъ весной подъ черемухой. Расплестъ эту косу — уже дерзкая и циничная мысль; поцѣловать эти губы — сладкое грѣхопаденіе. Затѣмъ мы женились и дѣлались домашними деспотами или мужьями подъяремными — въ зависимости отъ характеровъ, но независимо отъ юношескихъ идей о равенствѣ половъ.

Сейчасъ, когда все это (все ли?) исчезло либо стало (стало ли?) смѣшнымъ, — сейчасъ я все-таки не увѣренъ, что мы, насильники и рабовладѣльцы, меньше отдавали должнаго человѣческому достоинству женщины, чѣмъ отдають теперь апостолы любви «безъ черемухи». И я не увѣренъ, что женщинѣ раскрѣпощенной и свободной стало въ Россіи легче нести свою женскую долю.

.....

Въ купленной еще весной студенческой фуражкѣ, голубой околышъ которой успѣлъ выщѣсти раньше, чѣмъ я впервые увидѣлъ на Моховой два корпуса университетскихъ зданій, я ѣхалъ по Камѣ и Волгѣ въ городъ, со-

всѣмъ мнѣ новый, но не совсѣмъ чужой: въ немъ жили обѣ мои сестры и ждалъ меня родственнѣйшій пріемъ.

Если бы не это обѣщаніе воздерживаться отъ отступленій въ моемъ простомъ разсказѣ — о, сколько я нашелъ бы словъ, чтобы повѣдать о нашихъ мѣстахъ, о привольѣ двухъ великихъ русскихъ рѣкъ, о сладости впервые быть взрослымъ и самостоятельнымъ, ѣдущимъ вкусить отъ науки и отъ жизни, о томъ, какъ пріятно давила лобъ фуражка студента, бывшая въ то время въ большемъ почетѣ, чѣмъ любая изящнѣйшая шляпа, чѣмъ лощеный цилиндръ и военное кепи. И съ какой улыбкой я вспомнилъ бы — за давностью лѣтъ безъ прежняго смущенія — о сокровенныхъ помыслахъ вступающаго въ жизнь юноши, о сумбурныхъ его надеждахъ на яркую, необычную, счастливую судьбу, на завоеваніе міра и міровъ, на достиженіе мудрости, успѣха, радости, славы. Сейчасъ, на склонѣ дней, когда свершилось все, что должно было свершиться, а надъ мечтами о несбыточномъ и недоступномъ поставленъ намогильный крестъ, — сейчасъ, не скрою, страстно хочется вернуть ту пору хотя бы легкимъ путемъ воспоминанія!

Въ Москвѣ я остановился у младшей сестры, съ твердымъ намѣреніемъ не загоститься у нея долго и снятъ собственную комнату, непременно въ студенческомъ кварталѣ.

Мужъ Лизы оказался очень милымъ и добродушнымъ человѣкомъ съ брюшкомъ и лысиной, не очень молодымъ, не очень умнымъ, но веселымъ и пріятнѣйшимъ. Сама Лиза, методичная, аккуратная, хозяйственная и заботливая, сразу создала себѣ ту жизнь, которая была ей нуж-

на: очагъ, семью, любящаго мужа, удобную квартиру, полную уюта, салфеточекъ, недорогихъ картинъ и покойнаго быта. Она была вполнѣ счастлива и вполнѣ удовлетворена. При всей молодости — она была настоящей дамой, съ дамской улыбкой, дамскими разговорами и дамскимъ рукодѣльемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ она говорила: «мой мужъ», «мы съ мужемъ» — при всѣхъ ласкалась къ нему и цѣловала его въ лысину. Читала она только приложенія къ «Нивѣ», да иногда перечитывала своего любимаго Тургенева, «Вешнія воды» и «Первую любовь», надъ которыми неизмѣнно плакала. Не только сама приготавливала кофе, но цѣлый часъ передъ обѣдомъ не выходила изъ кухни, помогая кухаркѣ и оживленно съ ней бесѣдуя. Бѣлье прачкѣ она сдавала, отмѣчая его цифрами на готовомъ печатномъ блокнотѣ, а себѣ оставляя копію. Неизвѣстно, какъ и когда она успѣла усвоить всѣ познанія хорошей хозяйки, начиная съ десяти различныхъ подливокъ къ двадцати различнымъ блюдамъ и кончая средствомъ излѣчивать насморкъ, когда онъ еще не успѣлъ перейти изъ періода чиханья въ періодъ потопа.

Такую жизнь называютъ — и тогда называли — мѣщанской. У такихъ людей любятъ бывать, въ особенности обѣдать, но ихъ не принято уважать. Они очень удобны и очень милы, они лучше всѣхъ умѣютъ сочувствовать и помогать въ горѣ, они помнятъ свои и чужія именины и рожденія, знаютъ имена и отчества всѣхъ знакомыхъ, даютъ прекрасные практическіе совѣты. Они никому не приносятъ вреда, а сами счастливы и всѣхъ хотятъ видѣть счастливыми. Поэтому надъ ними смѣются и ихъ любовно презираютъ. Если въ ихъ личной жизни случа-

ется несчастіе, разрушающее благодѣть и безмятежность ихъ бытія — имъ помогать не принято, потому что всѣмъ на свѣтѣ не поможешь, а эти, такіе типичные мѣщане, общественной помощи какъ то даже и не заслуживаютъ: есть много достойнѣйшихъ, о которыхъ стоитъ позаботиться раньше. Больше, что можно сдѣлать, это — купить у нихъ недорого ихъ пухлые, удобные и вмѣстительные комоды, ихъ запасы добротнѣйшаго столоваго бѣлья, отличные ковры на всю комнату, огромный диванъ-самосонъ, каминные часы подъ стекляннымъ колпакомъ, пожалуй, даже — полное собраніе сочиненій Тургенева. опрятное, въ прекрасномъ переплетѣ, лишь со слѣдомъ двухъ слезокъ на страницахъ «Вешнихъ водъ».

Такъ какъ я былъ очень бѣденъ, то время отъ времени, достаточно наголодавшись, переселялся на мѣсяцъ — на два къ одной изъ сестеръ, чередуя свои налеты. У обѣихъ были для меня комнаты, и обѣ были мнѣ рады. Въ началѣ своей московской студенческой жизни я чаще жила у Лизы, такъ какъ мнѣ было ближе, — Катя жила на окраинѣ. Когда я привозилъ на извозникѣ свое имущество — чемоданъ, связку книгъ и керосиновую лампу, — Лиза встрѣчала меня словами:

— А, Костя! Ну вотъ и хорошо. По крайней мѣрѣ отъѣхавъ — ты такой худой.

Затѣмъ она немедленно готовила мнѣ яичницу съ ветчиной («пока, до обѣда, подкрѣпись!») и сама устраивала мнѣ постель. На наволочкахъ были вышиты гладью ея буквы — по дѣвической фамиліи — хотя я зналъ, что приданого мама ей не заготовила, — Лиза вышла замужъ внезапно и не изъ дому. Очевидно все это было сдѣ-

лано самой Лизой послѣ, но по правиламъ хорошаго быта.

Затѣмъ начиналась «жизнь». По утрамъ я аккуратно просыпалъ часъ лекцій, но успѣвалъ встать ко «второму кофею» съ булочками, яйцами въ смятку, сыромъ и вареньемъ. Потомъ былъ завтракъ, за которымъ мы съ Лизинимъ мужемъ выпивали по двѣ рюмки водки, а вечеромъ насъ ждалъ сытный и обильный обѣдъ (по московски — ужинъ), послѣ котораго очень хотѣлось спать.

Подкладывая мнѣ куски побольше и пожирнѣе, Лиза говорила:

— Ты опять, Костя, ѣшь безъ хлѣба! Такъ ты никогда не поправишься.

Но я не только поправлялся, но и полнѣлъ. Кромѣ того я чувствовалъ, что долго такой жизни мнѣ не выдержать, что у меня, какъ у Лизинаго мужа, вылѣзутъ волосы и отростетъ брюшко. Подобно Счастливецеву изъ «Лѣса» я порою, переваривая пищу или дремля раньше времени, ловилъ себя на неотступной мысли:

— А не повѣситься ли?

Слишкомъ ужъ хороша и покойна была жизнь въ домѣ Лизы, слишкомъ далека отъ событій, волненій и тревогъ, которыхъ молодость не боится и не избѣгаетъ.

Къ концу мѣсяца на меня нападали такой страхъ и такая тоска, что на первую скудную получку денегъ изъ дому я опять снималъ себѣ комнату въ Гиршахъ или Палашахъ, даже не осмотрѣвъ внимательно щели въ стѣнахъ и углы въ тюфякѣ моего предшественника: все равно комнаты безъ клоповъ за десять рублей не найти. Затѣмъ я связывалъ ремнемъ и веревками свои книги, заби-

ралъ подушку и лампу, прощался съ сестрой и переѣзжалъ. Все мое бѣлье оказывалось, конечно, перештопаннымъ золотыми и неустомимыми руками Лизы; иногда оказывалось и что нибудь лишнее, не предусмотрѣнное нами студенческимъ хозяйствомъ: полотенце, полдюжины новыхъ платковъ, и все, конечно, съ моей мѣткой, чтобы и сомнѣнья не было и у прачки не терялось.

Провожая меня, Лиза говорила:

— Приходи къ намъ по воскресеньямъ, Костя. А какъ захочется — пріѣзжай опять пожить. Очень я боюсь твоихъ студенческихъ столовыхъ! А тебѣ передъ экзаменами такъ важно будетъ поправиться.

Сама Лиза располнѣла, и довольно неумѣренно. Когда ей объ этомъ говорили, она солидно замѣчала:

— Ну что же; моему мужу это нравится.

Жизнь ея была омрачена лишь однимъ — у нея не было ребенка. А именно ей, рожденной матери и хозяйкѣ, это было нужнѣе всего. Пока ребенкомъ былъ для нея лысенькій и добродушный мужъ.

Ближе къ весеннимъ мѣсяцамъ я предпочиталъ переселяться ненадолго къ старшей сестрѣ, Катѣ, которая жила въ Сокольникахъ въ двухъэтажномъ особнякѣ мужа, рядомъ съ его фабрикой.

Ея жизнь сложилась совсѣмъ иначе.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ

Лиза жила въ довольствѣ — Катя жила въ богатствѣ. Довольство Лизы проникало всю ея жизнь и щедро изливалось на всякаго, даже случайно зашедшаго. Богатство Кати было какимъ то холоднымъ, не нужнымъ, не устроившимъ ни ее, ни ея семью. Въ домѣ ея мужа было много ненужныхъ комнатъ и стояла лишняя мебель, не дѣлавшая уюта. Чувствовалась творческая мысль декоратора, къ которой былъ равнодушенъ хозяинъ. Былъ большой залъ для пріемовъ — но пріемовъ не было; въ столовой былъ длинный столъ, за которымъ обѣдало двое. Прекрасный рояль былъ покрытъ чехломъ, а папки съ нотами заперты въ стеклянномъ шкапу. Совсѣмъ не было комнатныхъ растений — а у Лизы былъ заполненъ ими каждый освѣщенный уголокъ. Не было въ домѣ ни кошки, ни собаки, но по ночамъ скреблись мыши.

Домъ стоялъ на окраинѣ, рядомъ съ большимъ фабричнымъ зданіемъ, гдѣ стучалъ моторъ. Дворъ былъ общій съ фабрикой, и хорошъ былъ только садъ, большой, тѣнистый, совсѣмъ запущенный, заросшій смородиной и малиной.

Въ верхнемъ этажѣ дома были комнаты Кати, одна изъ которыхъ отводилась мнѣ, кабинетъ ея мужа, огромный, включавшій его охотничью и техническую библиотечку и его спальню, рядомъ маленькая комнатка, служившая ему лабораторіей. Тамъ же были двѣ дѣтскія; въ одной хозяйничалъ Володя, мой племянникъ, серьезный и очень вѣжливый девятилѣтній мальчикъ, въ другой — няня съ пятилѣтней Лелей, очаровательной дѣвочкой.

Няня была не простая и очень любила, чтобы ее называли не няней, а бонной. Она была грамотна и перешла къ сестрѣ изъ богатаго титулованнаго дома. Обѣдала она вмѣстѣ съ дѣтьми наверху и имѣла собственное серебряное кольцо для салфетки. Она немного презирала Катю и преклонялась передъ инженеромъ. Меня, бѣднаго родственника, няня старалась не замѣчать. Носила она темно-синее старомодное платье съ брошью и черную кружевную наколку.

За эти годы Катя выросла и изъ дѣвочки стала очень видной и очень красивой женщиной. Ее считали франтихой, хотя она увѣряла меня, что на свои костюмы тратитъ гроши. Одѣвалась она, дѣйствительно, прекрасно, хотя ярко и нѣсколько вызывающе. У нея была простенькая портниха, которая шила и передѣлывала ея костюмы подъ ея руководствомъ. У Кати было много вкуса, и она ухитрялась однимъ небрежно брошеннымъ кускомъ матеріи, бантомъ или цвѣтнымъ шарфомъ дѣлать изъ простаго и дешеваго платья богатый нарядъ. Она была изъ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя, слѣдя за модой, никогда рабски ей не слѣдуютъ и предпочитаютъ законодательствовать сами. Катя сама умѣла кроить, шить, передѣлы-

вать, чинить, штопать. На свои наряды она тратила только остатки денегъ, которыя инженеръ давалъ ей на хозяйство. Я зналъ, что иногда она нуждается и очень экономить.

Когда я пріѣхалъ въ Москву и въ первый разъ навѣстилъ Катю, она встрѣтила меня ласково и радостно.

— Костя, ты сталъ большой! И такъ хорошо, что ты — студентъ. Я тебя очень ждала. Расскажи, что у насъ дома? Какъ мама?

— Мама старенькая, но ничего. Нянька умерла, ты знаешь. Все еще стряпаетъ Саватьевна, но теперь мама хочетъ ее отпустить и переѣхать въ маленькую квартиру, въ двѣ комнаты. Она теперь одна.

— Мнѣ хотѣлось выписать маму сюда, но потомъ я подумала: тамъ ей лучше, привычнѣе, тамъ у нея знакомые, а здѣсь ей будетъ тяжело. А какъ ты находишь Лизу съ ея мужемъ?

— У нихъ хорошо, только какъ то смѣшно.

— Да. Но Лиза счастлива и довольна. Только бы ей ребенка! Она влюблена въ мужа, а онъ въ нее. И у нихъ множество салфеточекъ.

— А ты, Катя, какъ живешь?

Она отвѣтила уклончиво:

— А вотъ видишь какъ... У насъ большой домъ. Ты еще не видалъ своей племянницы; да въ сущности ты и Володи почти не видалъ, только груднымъ.

— А Евгений Карловичъ?

— Онъ на фабрикѣ. Мы завтракаемъ въ четверть второго.

— Что ты дѣлаешь, Катя?

— Я? Да ничего. Вотъ — хозяйство; хотя оно отнимаетъ у меня лишь полчаса времени. Съ дѣтьми немного занимаюсь; у нихъ есть няня, но совсѣмъ не такая, какъ была у насъ. Иногда бываю на концертахъ.

— А сама играешь?

— Нѣтъ, какъ то забросила. Рояль есть, очень хорошій.

Катя отвѣчала неохотно — зато разспрашивала меня обо всемъ очень подробно: и о мамѣ, и о нашей старой квартирѣ, и о моей гимназiи, и о предстоящемъ студенчествѣ, о томъ, что я думаю, что читаю, какъ хочу устроить свою жизнь.

— А правда, Костя, что ты пишешь рассказы и одинъ уже напечаталъ? Какой? Гдѣ? Ты серьезно хочешь стать писателемъ? Вотъ бы хорошо!

Я дѣйствительно послалъ чудовищный по наивности рассказъ въ маленькiй журналъ, и тамъ его напечатали. Объ этомъ мама не безъ гордости сообщила Катѣ.

— Знаешь, Костя, если ты станешь настоящимъ писателемъ, я тогда тоже что-нибудь придумаю. Можетъ быть опять примусь за музыку. Вдвоемъ это легче. Ты хочешь?

— Да, Катя, я очень хотѣлъ бы.

— А то, знаешь, я живу такъ ненужно и такъ... Вотъ только дѣти. А мнѣ хотѣлось бы...

Катя встала и, какъ бывало, прошла на цыпочкахъ, заложивъ по мужски руки за спину.

— Ты, Катя, сейчасъ совсѣмъ, какъ прежняя, какъ гимназистка.

— Что? Ну, нѣтъ, гдѣ же... Но я такъ рада, такъ ра-

да, что ты приѣхалъ. Ты Костя, даже понять не можешь, какъ я рада.

— Помнишь, Катя, какъ тебя сажали со мной въ чуланъ?

— Я то помню хорошо. Костя, ты непременно приѣзжай ко мнѣ часто, а то поживи у меня. Наверху у меня свои комнаты, я тебя устрою. Вотъ только далеко тебѣ ѣздить на лекціи. Знаешь, вотъ если бы я тоже могла переѣхать въ городъ и гдѣнибудь поселиться въ комнаткѣ, по студенчески. Я часто мечтаю, но конечно это — пустяки. Я тебѣ буду очень завидовать.

— Ну, у тебя тутъ лучше.

— Тутъ? Да... Тутъ вѣдь дѣти.

И опять она стала говорить обо мнѣ и моихъ планахъ.

И прежняя Катя — и совсѣмъ новая. Я былъ слишкомъ молодъ, чтобы понять сразу, почему Катя-прежняя прячется за новую и почему Катя-новая такъ неохотно говорить о себѣ.

Мы рѣшили все-таки, что я буду приѣзжать каждую недѣлю на субботу и воскресенье. Мы можемъ вмѣстѣ гулять въ Сокольникахъ. И вообще намъ нужно ближе познакомиться — такъ давно не видались.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТЬ

Спустя ровно десять минут послѣ фабричнаго гудка въ одну дверь столовой входилъ инженеръ, а въ другую вносили очень невкусный супъ. Ахъ, какіе супы подавались у Лизы!

Инженеръ входилъ спѣшнымъ и бодрымъ шагомъ, цѣловалъ Катю въ затылокъ, подавалъ мнѣ руку и спрашивалъ:

— Ну какъ, Костя, идетъ ученье? Не собираетесь бунтовать?

Затѣмъ онъ наливалъ себѣ и мнѣ по маленькой рюмкѣ, съѣдалъ двѣ ложки супа и вскрывалъ столовымъ ножомъ принесенныя письма. За вторымъ блюдомъ онъ очень бѣгло просматривалъ газеты, за третьимъ пристально читалъ охотничій журналъ, въ которомъ сотрудничалъ. Я никогда не могъ понять, какъ можетъ охотникъ не имѣть въ домѣ собаки.

Разговоровъ за столомъ не было. Катя вяло ѣла, а какъ то не рѣшался налить себѣ еще рюмку, и было слышно тиканье стѣнныхъ часовъ.

Дѣти всегда обѣдали наверху съ няней. Вообще мы

ихъ рѣдко видѣли. При отцѣ они были смирны, молчаливы, и выслушивали его краткія замѣчанія съ лицомъ подданныхъ. Все, что говорилъ дѣтямъ инженеръ, было отчетливо, умно и полезно. Вѣроятно тѣмъ же тономъ онъ разговаривалъ на фабрикѣ со служащими и старшими рабочими.

Послѣ сладкаго инженеръ быстро вставалъ и, какъ бы что то вспомнивъ, дѣловито собиралъ письма и газеты и уходилъ къ себѣ. Собственно обѣденнымъ часомъ и ограничивались наши встрѣчи, такъ какъ вечеромъ онъ никогда дома не ужиналъ.

Когда замиралъ звукъ его шаговъ, мы съ Катей вставали изъ-за стола и, обнявшись, бродили по комнатамъ, которыя сразу дѣлались теплѣе и привѣтливѣе. Мы никогда не говорили объ инженерѣ и вообще о семейной жизни Кати: она не начинала разговора, а я чувствовалъ, что онъ былъ бы неловкимъ и неумѣстнымъ. Катя представляла мнѣ присмотрѣться и съ теченіемъ времени понять. Что могъ я понять? Что Катя несчастлива? Да, я это чувствовалъ.

Если бы я былъ старше Кати, я, думается, внесъ бы въ ея жизнь что-нибудь положительное, помогъ бы ей разобратъся въ томъ, что отъ меня, мальчика, она скрывала. Но, много моложе ея, я не могъ быть для нея авторитетомъ или, хотя бы совѣтчикомъ. Я могъ только помочь ей забыться, обратиться въ такого же легкомысленнаго и немного безпутнаго младенца, какимъ былъ самъ.

Послѣ первой встрѣчи, когда было все, что можно, вспомнено и переговорено, мы отдались взаимной дружбѣ, не извлекая изъ нея никакой взаимной пользы. Мы,

что называется, коротали время, котораго у обоихъ былъ избытокъ.

Обычно по вечерамъ инженеръ уѣзжалъ въ городъ: щелкалъ ключъ въ двери кабинета, стучали шаги по лѣстницѣ, и спокойный, слегка дѣланный голосъ произносилъ въ передней:

— Скажите барынѣ, что я буду ужинать въ городѣ.

Прислуга не докладывала, а просто накрывала столъ на два прибора. Дѣти ужинали раньше, и сестра, провѣривъ уроки сына и уложивъ дѣвочку, надѣвала свой капотикъ и спускалась въ столовую; послѣ девяти часовъ не приходилось ждать на городской окраинѣ случайныхъ гостей, да и вообще они были большой рѣдкостью въ домѣ.

Ъли мы весело, возбужденно и торопливо болтая вздоръ. Закусивъ, сейчасъ же уходили въ гостиную и усаживались за маленькій столикъ. И тогда начиналось то, что нельзя не назвать бессмыслицей, но что для насъ было «ниспроверженіемъ существующаго строя». Здравому смыслу, размѣренному укладу жизни мы наносили ударъ, отъ котораго страдали только мы же. Въ этомъ прежде всего и выражался бунтъ сестры и мое въ немъ соучастіе.

Оба мы были азартны до самозабвенія, типичные и безпардонные игроки. Мы играли въ скучнѣйшую изъ игръ — шестьдесятъ шесть, но играли такъ, какъ нормальные люди не играютъ. Сдавая карты, беря взятки, мы произносили бессмысленныя слова на какомъ то собственномъ сумбурномъ жаргонѣ, угрожали другъ другу, давали клятвы, лихорадочно ждали полосы счастья. Играли

всегда на деньги, которыхъ у меня не было и которые сестрѣ не были нужны; и все же волновались при проигрышахъ и радовались, выигравъ рубль. Играли мы настолько ровно и такъ часто, что почти не приходилось расплачиваться, да и не это насъ занимало. Мы записывали результатъ, чтобы продолжать игру на другой день.

Часу въ первомъ ночи возвращался инженеръ и, не заглянувъ къ намъ, уходилъ къ себѣ. На моментъ его возвращенія мы остывали и сидѣли смущенно; когда же наконецъ хлопала дверь кабинета, игра разгоралась.

Мы играли ночи напролетъ. Отлично понимали, что это — безуміе, но въ томъ и былъ соблазнъ. Если бы не были братомъ и сестрой, мы были бы, вѣроятно, страстными любовниками. Теперь мы только отрицали міръ и уходили въ свой собственный, искусственно заполненный нелѣпостью и азартомъ. Мы вполне заслуживали въ эти часы глубокое презрѣніе инженера и няньки. Растрепанные и блѣдные отъ волненія, мы быстрымъ механическимъ движеніемъ сдавали и разбирали карты, неустанно произнося условную чепуху. Часы мелькали, но намъ не было до нихъ дѣла.

Иногда ночью просыпался голодъ, знакомый всѣмъ картежникамъ, и тогда сестра тихо проникала въ кухню, отыскивала остатки ужина, и мы спѣшно ѣли, не переставая играть и жалѣя о затраченныхъ на малый перерывъ минутахъ. Я пилъ пиво, и помню, какъ пролитыя на полъ капли привлекали маленькое стадо черныхъ таракановъ, которыхъ никакъ не могли вывести въ старомъ особнякѣ. Тараканы шевелили усами и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ — но намъ некогда было ими заниматься. Мы сда-

вали, ходили, отмѣчали, бормотали слова и не замѣчали времени.

Случалось, что въ домѣ начинали просыпаться, а мы все еще не могли бросить игры. Первой вставала няня и шлепала туфлями мимо нашей притворенной двери; тогда наша безсвязная рѣчь переходила въ шопоть. Но прислуга уже привыкла къ нашему ночному безпутству; мы боялись только чтобы насъ не застали дѣти, особенно Володя, рано уѣзжавшій въ гимназію. Заслышавъ шаги наверху, мы быстро собирали карты и — если было лѣто — черезъ балконную дверь убѣгали въ садъ, въ запущенную его часть, гдѣ былъ круглый зеленый столикъ и скамейка. Тамъ еще недолго продолжалась игра, — недолго, потому что могъ зайти сюда кто-нибудь изъ рабочихъ фабрики. И при томъ свѣжій воздухъ насъ трезвилъ, и тогда сказывалось крайнее ночное утомленье. Нужно было только дождаться часа, когда черезъ дворъ на фабрику проходилъ инженеръ; тогда, смущенно улыбаясь, съ опухшими глазами, мы прокрадывались обратно въ домъ и расходились по своимъ комнатамъ.

Во снѣ намъ мерещились карты въ самыхъ небывалыхъ комбинаціяхъ. Вставали къ обѣду усталыми, вялыми, давая себѣ слово не проводить больше такихъ бессмысленныхъ ночей, удерживать другъ друга и быть серьезными.

Послѣ обѣда я садился за курсъ лекцій, сестра занималась шитьемъ, и мы мало разговаривали. Къ вечеру оживлялись, ужинали съ аппетитомъ и садились сыграть «только часъ», самое большее «до двѣнадцати».

Но что стоитъ слово азартныхъ игроковъ!

БЛАГОРАЗУМІЕ

— Давай, обсудимъ!

Этой фразой начиналось иногда наше похмелье. Дѣйствительно, я былъ не крѣпокъ здоровьемъ, а сестра, которая была на семь лѣтъ меня старше, лучше меня понимала, что нужно создать себѣ въ жизни настоящей интересъ, что безъ этого можно пропасть незамѣтно и нечаянно.

Мы обсуждали. Я признавался, что юридическія науки меня не увлекаютъ, что настоящая моя дорога — литература. Сестра говорила, что время, свободное отъ домашнихъ заботъ, она могла бы употребить съ пользой и интересомъ, что ее влечетъ къ жизни самостоятельной, хотя бы матеріально, что она чувствуетъ въ себѣ большія способности и силы. Возможно, что мы другъ другу мѣшаемъ. Лучше будетъ, если я вернусь на Бронную въ студенческую среду, а она — ну, хоть поступить на архитектурные курсы, недавно открытые для женщинъ, или займется серьезно музыкой и пѣнемъ, или наконецъ, изучить какое-нибудь ремесло, потому что въ жизни все можетъ случиться...

И скоро разговоръ дѣловой и серьезный переходитъ

въ фантастику. Я совершалъ маленькое турне по Европѣ, запасался впечатлѣніями, знакомился съ движеніемъ европейской мысли, слушалъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ хотѣлъ, и дышалъ временно воздухомъ свободы. Сестра дѣлалась художницей, устраивала выставку своихъ картинъ подѣ мужскимъ, непременно мужскимъ псевдонимомъ, имѣла собственную студию, гдѣ и у меня была комната для занятій, выступала въ концертахъ, строила дома. Мой первый романъ, начатый въ Европѣ и законченный въ Москвѣ, имѣлъ не малый успѣхъ. Сестра прославила себя постройкой зданія новаго Большого Театра, Биржи, Обсерваторіи, не считая нѣсколькихъ образцовыхъ домовъ съ семейными квартирами, каждая изъ двухъ самостоятельныхъ половинъ — мужа и жены — съ отдѣльными входами. Я могъ бы, конечно, и жениться, но не слишкомъ рано. Миръ мы завоевали бы вдвоемъ, идя рука объ руку, помогая другъ другу.

Иногда наши разговоры имѣли и послѣдствія: въ мудрое утро я собиралъ свои пожитки — все тотъ же чемоданъ, связку лекцій и керосиновую лампу — и переселялся въ одинъ изъ переулковъ Бронной. Сестра провожала меня нѣжно и заботливо, поощряя къ серьезной жизни и давая обѣщаніе, что и сама она съ сегодняшняго дня начнетъ новую жизнь.

— Пріѣзжай въ субботу, останешься до понедѣльника, играть не будемъ, и ты меня не узнаешь.

Но она говорила это не безъ затаенной грусти и какъ будто безъ особой увѣренности. Я, мальчикъ, самъ себѣ принадлежавшій, могъ взять чемоданъ и пожитки и пуститься въ плаванье по жизненнымъ волнамъ; мнѣ было

не трудно «начать новую жизнь», потому что у меня не было прошлой. За ея же молодыми плечами были уже годы брака и семьи, а рядомъ, черезъ комнату, готовилъ уроки маленькій и очень серьезный первоклассникъ Володя, братишка хорошенькой дѣвочки Лели.

Въ субботу, въ обѣдъ, я заставлялъ сестру тщательно одѣтой, дѣловитой, за разборкой нотъ или за трудными упражненіями. Немного краснѣя отъ удовольствія, она рассказывала мнѣ свою недѣлю.

— Угадай, гдѣ я была?

— Все равно не угадаю, ужъ лучше говори.

— Въ консерваторіи.

— На концертѣ?

— Нѣтъ; я держала экзамень. То есть вѣрнѣе — я совѣтовалась съ профессоромъ по классу пѣнія, онъ пробовалъ мой голосъ.

— Ну?

— Ну, и очень успѣшно. Онъ даже сказалъ, что для меня достаточно двухъ-трехъ лѣтъ и что я могу попасть въ оперу. Но что работать надъ голосомъ нужно безъ перерыва, по-настоящему.

— Катя, вѣдь это очень хорошо!

— Да. Я кажется рѣшусь. Не для того, чтобы стать артисткой, а такъ, для жизни. Мнѣ еще нужно одновременно пройти классъ рояля.

— Это чудесно, Катя! Тогда и я буду работать изо всѣхъ силъ; и университетъ, и мои писанія.

— А ты пишешь?

— Пробую, но все это не то. Да и лекціи мѣшаютъ.

— А мнѣ мѣшаетъ домъ. Не знаю, какъ быть съ дѣть-

ми. Хозяйство — пустяки, а съ дѣтьми нужно бывать больше. Они и безъ того точно сироты.

Вечеромъ, если не было гостей, мы садились за столикъ поиграть немножко. Въ воскресенье вставали очень поздно, потому что ночь прошла въ нашемъ нелѣпомъ азартѣ.

— Ну, не бѣда! Вѣдь это только разъ въ недѣлю. Сегодня выспимся — и съ понедѣльника опять будемъ благоразумны.

Недѣлей позже я заставлялъ сестру за шитьемъ какихъ то рубашекъ, рубашечекъ, чепчиковъ. Вся ея комната заваливалась свертками дешевой матеріи, выкройками, обрѣзками.

— Что это ты шьешь?

— Представь себѣ, Костя, я отлично научилась быстро шить дѣтскія платья и рубашечки. Портниха говорила, что она не могла бы работать такъ быстро.

— А для чего это?

— Такъ себѣ, неорганизованная благотворительность. Я случайно попала въ одинъ домъ, гдѣ такая бѣдность, что и представить себѣ не можешь. Дѣти совсѣмъ голыя, а родители я даже не знаю чѣмъ занимаются. Я пробовала давать имъ денегъ, но потомъ зашла — у нихъ все попрежнему, дѣти и голыя и голодныя. И я рѣшила шить сама.

— Купила бы просто и отдала имъ.

— Это выходитъ очень дорого, а я не могу просить у мужа. А если шить самой — гораздо дешевле. И матерія у меня была. И вотъ я всю эту недѣлю шью, даже никуда не выходила.

— А музыка?

— Какая музыка?

— Твои планы.

— Ахъ... ну, пока я ихъ оставила. Все равно я не буду артисткой, а такъ я и сейчасъ могу тебѣ что-нибудь спѣть. Я кстати устала шить, да и нашла сегодня много.

Сестра пѣла, а я думалъ:

— Что бы сдѣлала другая на ея мѣстѣ съ такимъ чудеснымъ голосомъ и такой музыкальностью!

Иногда я говорилъ это сестрѣ, а она, смѣясь, отвѣчала:

— Но вѣдь я — не другая, а эта самая, значить и думать не стоитъ.

Я возмущался:

— Странное оправданіе! Изъ-за какихъ то рубашечекъ бросать то, что могло бы быть цѣлью жизни. Я не ожидалъ, что ты станешь благотворительной дамой.

А она отвѣчала, называя меня тѣмъ нѣжнымъ именемъ, какимъ звала въ дѣтствѣ:

— Ахъ, Котикъ милый, ты ужасно многого не понимаешь. Сегодня я — артистка, завтра — швея, или благотворительная дама, потомъ еще что нибудь... А въ общемъ я — ничто. И ничѣмъ я, Костя, не буду. Мнѣ только нужно спастись хоть ненадолго, ну — помечтать, обмануть себя, иначе мнѣ жить, Костя, очень, очень трудно.

— Катя, ну почему? Ты вотъ такъ говоришь, а можетъ быть только преувеличиваешь или выдумываешь себѣ всякія трудности. Ты сама рассказывала про людей голодныхъ, и дѣти у нихъ голыя. Вотъ имъ трудно! А у те-

бя все есть, можешь дѣлать, что хочешь. Нехорошо такъ говорить.

Помолчавъ, она отвѣчала:

— У меня есть все, что мнѣ не нужно, а того, что мнѣ нужно, у меня нѣтъ, Костя. Но только этого не объяснишь. А впрочемъ можетъ быть ты отчасти и правъ. Хочешь, я еще спою тебѣ что-нибудь? Или, знаешь, лучше пойдѣмъ въ садъ, я давно не была; у меня сегодня тяжелая голова, это отъ моего глупаго шитья.

Я не любилъ такихъ разговоровъ съ Катей, потому что послѣ нихъ мы долго не возвращались къ нашимъ мечтамъ о «новой жизни». Я понималъ, что упрекать сестру я не имѣю права, какъ не имѣю права не вѣрить ея словамъ и какъ не имѣю права требовать отъ нея подробной исповѣди. Катя говоритъ, что ей трудно жить; если Катя говоритъ это — значитъ такъ и есть. Если не объясняетъ, — значитъ нельзя или не нужно.

Это была моя сестра, мой товарищъ и спутникъ маленькихъ безумствъ и большого фантазерства. Но я какъ то не догадывался тогда о томъ, что моя сестра — совсѣмъ еще молодая женщина съ неудачно сложившейся жизнью, что у нея могутъ быть свои женскія желанія, мнѣ невѣдомыя, что сказать о нихъ она не можетъ никому и менѣе всего — такому мальчику, брату, хоть и другу.

У нея не было семьи — лишь тѣнь семьи; но у нея не было и любви — лишь въ прошломъ тѣнь любви, рано обманутой и быстро прошедшей. Этого я долго не зналъ и не понималъ.

ЕЯ ДЕНЬ.

Поздно утромъ она просыпается — и вотъ передъ нею длинный день, заполнить который нечѣмъ.

Она долго лежитъ, уткнувъ локоть въ мягкія подушки и положивъ на ладонь красивую голову.

За окномъ солнечно, съ фабрики доносится ровный стукъ мотора. На ночномъ столикѣ часы въ видѣ домика съ раскрытыми створками, ея дѣвическіе часы, подарокъ матери, тѣ самые, на которыхъ слишкомъ быстро бѣжали стрѣлки, когда нужно было собираться въ гимназію. Теперь ихъ стрѣлки идутъ неслышно и неспѣшно.

Она встаетъ и часъ проводитъ въ ванной. Это — единственное настоящее удовольствіе. Она играетъ водой, смотритъ, какъ голубѣетъ рука, погружаясь въ воду, и какъ тѣло кажется коротенькимъ и смѣшнымъ. Одинъ кранъ немного испорченъ, и изъ него въ спокойную воду ванны плюхаютъ капельки. Она мало думаетъ о томъ, что она красива, потому что вѣдь красота ея никому не нужна. Если бы можно быть невзрачной и неуклюжей стриженной дѣвушкой, бѣгать по Кисловкамъ и Никитской на лекціи, ѣсть на ходу бутербродъ и протирать дешевое

пальто, у пояса, корешками вѣчныхъ книжекъ. Вотъ только съ ванной разстаться было бы жалко.

Она вытирается мохнатой простыней и стыдится смотрѣть на себя въ зеркало. Затѣмъ она надѣваетъ старый капотикъ, которому давно бы пора отойти на покой; но съ нимъ она въ тѣсной дружбѣ. На звонокъ ей приносятъ кофе съ булочками и два яйца въ смятку. Яйца сварены съ утра и остыли; кофе ей, хозяйкѣ, приносятъ всегда жидкій, теплый и какъ бы спитой. Она могла бы сдѣлать выговоръ прислугѣ, отказать ей отъ мѣста, вообще вдругъ разсердиться и доказать всѣмъ, что она дѣйствительно хозяйка въ домѣ. Раза два такъ и было: она кричала и швыряла на подносъ чайную ложечку. Пугалась не только прислуга, но и важная и почтенная няня въ наколкѣ и съ брошью. Послѣ этого долго подавали кофе свѣжимъ и горячимъ, а ей было стыдно и противно.

Она спускается внизъ и открываетъ рояль. Въ бѣлыхъ и черныхъ клавишахъ столько важности и холодности, а заль такъ великъ, что было бы невозможнымъ играть пустякъ, подбирать мотивчики или прислушиваться къ аккордамъ. Она беретъ ноты, и, играя, чувствуетъ, что ея техника слаба и что нужно играть ежедневно часа по-два упражненія. Ей хотѣлось бы и пѣть — но такъ странно пѣть въ пустомъ домѣ, утромъ, когда прислуга еще занята уборкой, въ кухнѣ готовятъ завтракъ, и когда пѣть не для кого.

— Можетъ быть сегодня пріѣдетъ Костя; спою ему «Ночь» Чайковского.

Вѣроятно къ вечеру пріѣдетъ также Викторъ Германовичъ, единственный изъ родственниковъ мужа, часто

бывающій въ ихъ домѣ. Викторъ Германовичъ тоже инженеръ, но съ малою практикой, хотя съ большимъ самоуваженіемъ. Онъ почти ровесникъ ея мужа, лѣтъ сорока пяти, маленькаго роста, пухлый, бритый, съ безцвѣтными, круглыми, ласкающими и нечистыми глазами. Онъ удобень тѣмъ, что можетъ играть въ винтъ безконечное число роберовъ. За обѣдомъ, за картами, наединѣ, при всѣхъ, — онъ смотритъ на Катю пристально, немного выставивъ нижнюю губу и какъ бы говоря:

— Дитя, я все знаю, все понимаю. Ты несчастлива, тебя не цѣнятъ. Есть человѣкъ, который могъ бы сдѣлать тебя счастливой, и этотъ человѣкъ готовъ ждать.

Она чувствуетъ къ нему физическое отвращеніе — къ его ползающимъ по ея лицу и шеѣ глазамъ, къ его нижней губѣ, къ его жирку, изысканной вѣжливости, ровному голосу и даже родству съ ея мужемъ. Онъ очень образованъ, силенъ въ парадоксахъ и презираетъ молодежь. Костя постоянно вступаетъ съ нимъ въ споръ, волнуется, говоритъ дерзости, на что Викторъ Германовичъ отвѣчаетъ основательно, спокойно, съ уничтожающимъ безстрастіемъ. Обычно онъ бываетъ правъ, — но Катя всегда на сторонѣ Кости, говорящаго глупости въ самой рѣзкой формѣ.

Послѣ ужина, за картами, наступаетъ примиреніе; играютъ съ прикупкой, пересыпкой и гвоздемъ, и если находится четвертый безпутный партнеръ, — не боятся ночныхъ часовъ. Безпутнымъ четвертымъ бываетъ обычно кто-нибудь изъ Костиныхъ студентовъ, котораго оставляютъ ночевать.

Рояль закрыть. Она бродитъ по комнатамъ, загляды-

васть на минуту въ кухню по дѣламъ несложнаго хозяйства, не присаживаясь пробѣгаетъ газету. Инженеръ выписываетъ для себя «Новое Время», а для нея, вѣрнѣе — для гостиниой, уличныя «Новости Дня»; Костя, живя у нихъ, покупаетъ себѣ, конечно, «Русскія Вѣдомости». Всѣ три газеты ей одинаково неинтересны, и читаетъ она только хронику театра и концертовъ.

Вдругъ она слышитъ лай за окномъ, выходящимъ во дворъ. Это дворовая собака лаетъ на котенка.

Она подбѣгаетъ къ окну, распахиваетъ его и радостно смотритъ на собаку и сѣраго котенка съ выгнутой спиной. Собаку зовутъ Полканомъ. Полканъ заливается, положивъ переднія ноги на землю въ позѣ нападенія. Котенокъ грозно шипитъ, но совсѣмъ не боится; въ сущности они — пріатели, и это — ихъ обычная игра. Полканъ не укуситъ, но можетъ случиться, что котенокъ оцарапаетъ Полкану носъ.

И вотъ она вспоминаетъ, что у нея есть маленькая дочь, Лялька, здоровая, вся бѣленькая и очень добрая. Она взбѣгаетъ по лѣстницѣ наверхъ, шумно открываетъ дверь въ дѣтскую и натывается на лицемѣрно-привѣтливую улыбку старой няни въ черной наколкѣ и съ большой брошью. Лялька сидитъ на полу и играетъ въ кубики. Она улыбается матери, но не тянется къ ней. Лялкѣ пять лѣтъ, но она недостаточно хорошо говоритъ, любить выдумывать свои слова и неохотно заучиваетъ буквы. Мать беретъ ее на руки и уноситъ внизъ:

— Лялечка, мы идемъ смотрѣть на котенка и на Полкана. Полканъ хочетъ обидѣть котенка!

Онѣ выходятъ черезъ кухню на дворъ, но котенка уже

нѣтъ, а Полканъ сидитъ у крыльца и выкусываетъ блохъ въ своемъ лохматомъ нарядѣ. Лялька видимо разочарована и упрямо смотритъ на дверь: ей хочется обратно къ нянѣ играть въ кубики. Ей нравится мама, но она къ ней мало привыкла. Изъ верхняго окна, вытянувъ шею, смотритъ на нихъ, освѣщенныхъ солнцемъ, строгая женщина въ наколкѣ, не одобряющая легкомыслія и слишкомъ порывистыхъ движеній.

Хотѣлось бы пройти съ дѣвочкой въ садъ, но раздастся фабричный гудокъ, — нужно переодѣться къ завтраку. Съ дѣвочкой на рукахъ она подымается обратно въ комнату и чувствуетъ, что Лялька становится все тяжелѣе. Няня съ тою же улыбкой спрашиваетъ дѣвочку:

— Хорошо ли Лелечка съ мамашей погуляла?

За завтракомъ Евгений Карловичъ по обыкновенію проглядываетъ почту, и они почти не разговариваютъ. Вражды нѣтъ, но есть давнее равнодушіе. Онъ передаетъ ей поклонъ отъ знакомыхъ, которыхъ она не помнитъ. Она проситъ его прислать рабочаго починить кранъ въ ванной. Еще говорятъ о томъ, что Володя очень устаетъ ѣздить въ гимназію; жаль, что нѣтъ гимназіи ближе. Но, конечно, хорошо, что мальчикъ въ девять лѣтъ приучается къ самостоятельности; это говоритъ мужъ, а она не возражаетъ; впрочемъ она согласна.

Уходя, онъ цѣлуетъ ее въ затылокъ — а она катаетъ на столѣ хлѣбный катышекъ. Ей двадцать семь лѣтъ, но ея жизнь, какъ будто, уже прошла. Впереди полдня, сумерки, вечеръ, Костя, Викторъ Германовичъ и винтъ съ прикупкой, пересыпкой и гвоздемъ.

ЛЕЛЕЧКА НЕ ХОЧЕТЪ КАШКИ

Лелечка рѣшительно не хочетъ манной каши. Она смотритъ на няню испуганными глазами и готова заплакать.

— Ъшь!

— Я не хочу каши.

— А я говорю — будешь ѣсть.

— Я не хочу каши.

Няня зачерпываетъ съ тарелки ложку и, придерживая дѣвочку за плечи, старается впихнуть въ ротъ. Щеки Лелечки перемазаны и она плачетъ.

Лелечка никогда не плачетъ громко, потому что «папа услышитъ». Если папа услышитъ, онъ придетъ въ дѣтскую и спроситъ:

— Въ чемъ дѣло, няня?

— Да вотъ Лелечка не слушается.

— Лелечка, почему ты не слушаешься няни? Сейчасъ же перестань плакать и впередъ слушайся!

И тутъ ужъ ничего подѣлать нельзя; можно только молча глотать слезы.

Сейчасъ папы дома нѣтъ, и Лелечка плачетъ нѣсколь-

ко громче обычнаго. Шаги доносятся изъ маминыхъ ком-
нать.

— Лялька, что съ тобой?

Отецъ и нянька называютъ ее Лелечкой; мама называ-
етъ всегда Лялей или Лялькой. Изъ-за одной буквы про-
исходитъ упорная и молчаливая борьба. Дѣвочка не зна-
етъ, да врядъ ли и думаетъ, какая буква правильнѣе; но
ей уже извѣстно, что Лялей и Лялькой быть выгоднѣе,
что эта кличка открываетъ больше простора ея личнымъ
правамъ.

— О чемъ ты расплакалась, Лялька?

Няня докладываетъ съ горделивымъ смиреніемъ, какъ
бы временно уступая власть этой дамѣ, ничего не пони-
мающей въ воспитаніи дѣтей:

— Да вотъ, не хочетъ ѣсть кашку.

— Ты не хочешь, Лялечка?

Всхлипывая, дѣвочка мотаетъ головой.

— Она не хочетъ, няня; зачѣмъ же заставлять ее ѣсть
насильно?

— Я не заставляю, а кушать нужно.

— Какъ же не заставляете, она вся перемазана и пла-
четъ. Вытрись салфеткой, Лялечка, и не плачь.

— Сейчасъ не ѣсть, а потомъ запросить; что же это
за порядокъ!

— Когда захочетъ, тогда ей и дадите, няня.

— Евгений Карловичъ сказали, чтобы давать кушать въ
половинѣ одиннадцатаго.

Няня никогда не говоритъ «баринъ» и «барыня»; инже-
нера она называетъ по имени и отчеству, жену его ста-
рается не называть никакъ.

— Въ половинѣ одиннадцатаго и кормите. Но если она не хочетъ — не заставляйте, поѣсть потомъ.

Губы няньки презрительно поджимаются. Она настолько хорошо вышколена, что можетъ выслушивать любой вздоръ. Она готова предоставить матери портить родную дочь, но не желаетъ нести отвѣтственности за материнское безуміе.

— Евгений Карловичъ наказывали мнѣ...

У Кати вздрагиваетъ подбородокъ.

— Да, няня, я уже слышала. Будьте добры покормить Лялечку, если ей захочется. И никогда не заставляйте ребенка ѣсть насильно.

Ей хотѣлось бы приласкать плачущую дѣвочку, но она этого не дѣлаетъ, чтобы не подрывать окончательно авторитетъ няньки.

Лялечка смотритъ исподлобья, но съ большимъ любопытствомъ. Она понимаетъ, что между мамой и няней нѣтъ согласія; она знаетъ также, что теперь можно не ѣсть каши. Но она не увѣрена, что мама побѣдила няню и что у мамы надъ ней, Лялькой, больше власти. Вотъ сейчасъ мама уйдетъ, а няня останется, и хотя уже не будетъ совать ей въ ротъ противную ложку, но что-нибудь такое ей докажетъ. Какъ временная защита мама великолѣпна, но прочнаго и постояннаго довѣрія, пожалуй, и не заслуживаетъ. Во всякомъ случаѣ высшая власть — не она.

Мать уходитъ къ себѣ. Она читала, теперь читать больше не можетъ. Въ ея головѣ безпокойныя и недобрыя мысли.

Кушать нужно въ половинѣ одиннадцатаго — хотя бы

было противно, хотя бы даже было вредно. Нужно ложиться спать, нужно вставать, нужно жить вмѣстѣ, нужно притворяться, нужно поддерживать видимость семейной жизни, нужно лгать, нужно улыбаться, нужно убивать свою молодость, все нужно, нужно, нужно. И это нужно, чтобы не огорчить старой матери, которая считаетъ ее счастливой и устроенной въ жизни, чтобы не потерять дѣтей, уже полуотнятыхъ, чтобы не сдѣлать ихъ нищими, чтобы не опозорить себя скандаломъ, не оказаться въ ложномъ и невыносимомъ положеніи — какъ будто теперь ея положеніе выносимо и не ложно. Что бы ни случилось, виноватой можетъ быть только она, а онъ — никогда.

На сторонѣ у него своя жизнь, но въ семьѣ онъ безупреченъ. При постороннихъ онъ даже любезенъ, почти нѣженъ, во всякомъ случаѣ почтительно вѣжливъ, отличный и заботливый отецъ, не ей чета, прекрасный супругъ, снисходительный къ недостаткамъ жены.

Пять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ рожденія Ляльки, между ними былъ заключенъ договоръ о взаимной свободѣ. Тогда онъ былъ жалокъ и противенъ, стоялъ передъ ней на колѣняхъ, онъ, такой важный и непогрѣшимый, и такой взрослый въ сравненіи съ нею, совсѣмъ еще дѣвочкой, хотя и матерью двоихъ его дѣтей. Тогда она хотѣла уйти отъ него, и не изъ ревности — любовь ушла раньше — а изъ отвращенія. Она не удержалась отъ фразы, которую гдѣ то вычитала:

— Мужъ, опустившійся до горничной, приглашаетъ жену отдаться лакею.

И, кажется, эта фраза подѣйствовала на него силь-

нѣе, чѣмъ ея искренній ужасъ. Онъ не зналъ, что она такъ умна.

И все-таки онъ оказался — могло ли быть иначе? — и умнѣе и опытнѣе. Онъ прекрасно зналъ, что «взаимная свобода» ничѣмъ ему не угрожаетъ и что никогда она, живя въ его домѣ, не позволитъ себѣ воспользоваться своимъ призрачнымъ правомъ свободы, не потому, что побоится, а просто потому, что она не такова.

Выждавъ время, онъ хотѣлъ вернуть себѣ если не любовь жены, то хотя бы ея покорность тому, что онъ называлъ долгомъ. Но эта попытка окончилась полнымъ его пораженіемъ и едва не вызвала окончательнаго разрыва. Она унизила его настолько, что сама вызвала съ фабрики слесаря и велѣла сдѣлать къ своей двери внутренній замокъ.

Съ тѣхъ поръ инженеръ ужиналъ дома только тогда, когда у нихъ были его или общіе гости. Своей долей оговоренной «свободы» онъ пользовался, не особенно скрываясь. Семья осталась цѣлой, и домъ ихъ — почтеннымъ и уважаемымъ; холоднымъ домомъ онъ былъ и прежде, такъ какъ рѣдко имъ нравились одни и тѣ же люди, книги, мысли, обстановка, развлечения и поступки. Она не брала у него денегъ — только на хозяйство и на нужды дѣтей, свои собственные нужды удовлетворяя экономіей.

Въ сущности всю эту исторію Катя вспоминала теперь, какъ нѣкую житейскую мелочь. Дѣло было не въ какомъ то его поступкѣ, пусть очень противномъ и исключительно некрасивомъ, а въ томъ, что внезапно человѣкъ раскрылся. И столь же внезапно оказалось, что онъ всегда былъ грязнымъ и маленькимъ, только чисто мылся и хо-

дилъ на высокихъ каблукахъ. И стали понятными иные слова его и жесты, которые раньше казались шуткой и напрасной остротой. И стала противной и невозможной близость съ нимъ, потому что безъ огромной любви и совмѣстнаго смущенія такая близость ужасна и нестерпима. И еще большее оказалось: что и вообще такой нужной любви не было, а было только невольное, не допускавшее критики уваженіе дѣвочки къ очень взрослому и сильному человѣку, первому и единственному въ ея жизни, завоевателю, отцу ея ребенка. И теперь она съ безразличностью не только отгоняла отъ себя память объ его прикосновеніяхъ, но и къ дѣтямъ, его дѣтямъ, не могла найти въ себѣ прежней теплой и страстной материнской тяги. Она поняла слишкомъ многое и, понявъ, осиротѣла.

.....

Нужно ѣсть, нужно гулять и нужно что то придумать, чтобы забыться и чтобы жизнь стала выносимой. А придумать нечего. Неужели такая же жизнь предстоитъ и Лялькѣ, ея маленькой дочери, и неужели и она дождется дня, когда придетъ хозяинъ и купить ея тѣло и ея волю?

Лелечка не хочетъ каши! Лелечка плачетъ.

МИНЬОНЪ

Иногда мы съ сестрой «выѣзжали въ свѣтъ»; это значить, что изъ сокольничьей дали мы отправлялись на выставку, на концертъ, въ театръ, рѣже на одинъ изъ студенческихъ баловъ, въ то время отличавшихся пышностью, многолюдіемъ и молодымъ весельемъ.

Я очень любилъ бывать съ сестрой на людяхъ, — я ею гордился. Бѣлобрысый, худой, некрасивый и неказистый студентикъ, я привыкъ, что меня въ обществѣ не замѣчали; но рядомъ съ сестрой, какъ ея кавалеръ, я сразу вырасталъ и дѣлался предметомъ зависти. При всей молодости и моложавости, въ Катѣ женщина преобладала надъ дѣвочкой. Гдѣ бы мы ни появлялись — она привлекала общее вниманіе. Мнѣ кажется, что я помогаль ей въ этомъ, отѣняя невзрачностью своей фигуры ея рѣдкую красоту и исключительную миловидность. Признать насъ за брата и сестру было трудно. Мы всюду появлялись подъ-руку, при чемъ я надѣвалъ на лицо маску усталости и равнодушія и иронически кривилъ губы навстрѣчу любопытнымъ взглядамъ.

Вѣроятно это выходило у меня достаточно глупо и

врядъ ли кого-нибудь поражало. Напротивъ, Катя, съ ея страстной жадной жизни и непривычкой быть въ большомъ обществѣ, осматривалась кругомъ съ нескрываемымъ интересомъ и не замѣчала, что она сама — всѣхъ лучше и интереснѣе. Только иногда ее смущали пристальные и пытливые взоры, особенно мужскіе, и она, какъ бы догадываясь, краснѣла и спѣшила поскорѣе смѣшаться съ толпой.

Застѣнчивой Катя не была. Тамъ, гдѣ она чувствовала себя сильной и увѣренной, она выступала смѣло, какъ на сценѣ. Однимъ изъ любимыхъ номеровъ нашихъ «выступленийъ» были танцы, и, я думаю, рѣдко можно было видѣть такую странную пару.

Въ то время не танцовали потной, трясущейся толпой, какъ сейчасъ танцуютъ фокстроты и танго. Модными танцами были па-де-катръ, па-де-патинеръ, миньонъ, — танцы трудные и степенные, въ которыхъ выступало немного паръ. Мы съ Катей специализировались на миньонъ, танцуя его съ такой преувеличенной фигурностью, часто собственнаго изобрѣтенія, что постепенно все вниманіе сосредоточивалось на насъ. Я и тутъ былъ для Кати рамкой — какъ для брилліанта изумительной воды, вставленнаго въ грубоватую и топорную оправу. Взоры публики на минуту задерживались на мнѣ, чтобы восхищенно замереть на Катѣ. Она танцовала съ такой увѣренностью и съ такой пластической скромностью движеній, что подчеркнутая фигурность танца дѣлалась убѣдительной. Намъ нерѣдко случалось оставаться единственной танцующей парой въ большомъ залѣ. Я дрожалъ отъ волненія и ужаса, путая фигуры, но Катя ничего не замѣчала и улыбалась

мнѣ ободряюще. Иногда намъ, вѣрнѣе — ей, апплодировалъ весь залъ, — и только тогда она, вспыхнувъ, увлекла меня къ выходу.

Никогда и ни съ кѣмъ, кромѣ меня, Катя миньонъ не танцевала, и вообще мы рѣдко оставались дольше полуночи на балахъ, затягивавшихся до самаго разсвѣта.

Иногда нашъ отъѣздъ былъ настоящимъ бѣгствомъ. Помню, какъ на одномъ изъ обычныхъ благотворительныхъ баловъ въ Благородномъ Собраніи Катю преслѣдовалъ какой то военный, очевидно совершенно потерявшій голову. Пользуясь простотой обычаевъ на студенческомъ балу, онъ представился мнѣ и просилъ меня представить его моей «дамѣ». Если бы это былъ студентъ, я бы, вѣроятно, не умѣлъ ему отказать; но къ офицерамъ въ тѣ довоенныя времена въ нашихъ интеллигентскихъ кругахъ относились полупрезрительно даже женщины. Я отвѣтилъ, что спрошу разрѣшенія «дамы», и мы, отойдя, поспѣшили скрыться. Но онъ разыскалъ насъ у выхода на улицу и остановился у самой двери въ выжидающей позѣ.

Мы были въ тотъ вечеръ очень весело настроены, и Катѣ хотѣлось мальчишествовать. Когда мы поравнялись съ офицеромъ и онъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ намъ, Катя скривила лицо и показала ему языкъ. Офицеръ поблѣднѣлъ и остолбенѣлъ. Мы успѣли выбѣжать и взять у самаго подъѣзда извозчика. Когда нашъ возница тронулся, изъ дверей вылетѣла разсвирѣпѣвшая фигура безъ пальто и фуражки. Къ счастью извозчикъ намъ попался бойкій, изъ тѣхъ, что умѣли лихо подкатывать къ панели и предлагать московскимъ говоркомъ:

— Рѣзую, баринъ! Саночки-самокатки!

Однажды мы поѣхали слушать концертъ московскихъ цыганъ. Выступала вошедшая въ то время въ моду Варя Панина. Наши мѣста были у прохода въ третьемъ ряду. Едва мы ихъ заняли, какъ мимо насъ прошла во второй рядъ пара: безукоризненно одѣтый господинъ и довольно вульгарная, очень полная дама. Я не взглянулъ въ нихъ, а Катя, наклонившись ко мнѣ, шопотомъ сказала:

— Костя, уѣдемъ отсюда. Я хочу уѣхать.

— Почему?

— Я скажу тебѣ послѣ.

— Но почему, Катя? Что за секретъ?

— Мнѣ нездоровится. Встанемъ тихо и пойдёмъ. Только ты не оглядывайся.

Мы встали и вышли. Мнѣ очень хотѣлось послушать знаменитую цыганскую звѣзду, но Катя меня встревожила. Когда мы прошли въ гардеробную и отдали наши номерки, я спросилъ Катю:

— Хочешь я добуду стаканъ воды?

Она разсмѣялась:

— Да нѣтъ, Костя, я совсѣмъ здорова. Я только не хотѣла здѣсь оставаться. Жалко, что пропадаютъ билеты.

И, обратившись къ старой гардеробщицѣ, она сказала:

— Вотъ возьмите наши билеты; можетъ быть вы ихъ кому-нибудь дадите; это — хорошія мѣста, крайнія въ третьемъ ряду.

Видя мое недоумѣніе, Катя сжала мой локоть и, на ходу, со спокойной усмѣшкой и нѣкоторой брезгливостью, сказала:

— Я не ожидала отъ него такого постоянства. Это тя-

нется, кажется, уже второй годъ. Но я думала, что у него больше вкуса.

— У кого, Катя?

— Да у Евгенія Карловича, конечно. Развѣ ты его не узналъ?

— Съ этой полной дамой, впереди насъ?

— Ну да.

— Я не разсмотрѣлъ. А кто она, ваша знакомая?

— Костя, ты ужасный мальчикъ! Я не знаю ея біографіи и не интересуюсь. Но я уже видала ее однажды, такъ же нечаянно, какъ и сегодня. Она... ну какъ это говорится, ну словомъ... замѣстительница твоей сестры. И бросимъ о ней разговаривать.

НЕ МАЛЪ ЛИ ПРОСТЪНОКЪ?

На лѣтніе каникулы я обычно уѣзжалъ въ свой родной прикамскій городъ, къ моей матери. Жить тамъ было дешево, при томъ я давалъ уроки и еще подрабатывалъ, посылая въ московскія газеты статейки о провинціальной жизни.

Прекрасенъ былъ трехдневный путь туда по текущему простору нашихъ рѣкъ! И тамъ ждали меня хвойные лѣса, которыхъ я никогда не могъ забыть даже среди звенигородской лиственной ласки и красоты и которымъ никогда не найду даже близкаго подобія здѣсь, въ Европѣ. Удастся ли мнѣ когда-нибудь... не говорю — увидеть ихъ вновь, нѣтъ, — но лишь воскресить ихъ въ памяти своей и рассказать о нихъ другимъ то и такъ, что и какъ хотѣлось бы? Сказать о нихъ не такъ, какъ сейчасъ, не мимоходомъ, не сдерживая слова и чувства, — а словоохотливо, съ радостью, захлебываясь, дополняя междометіями тамъ, гдѣ словъ красочныхъ не хватитъ, широко разводя руками, чтобы объяснить профанамъ средней и южной Россіи и наши пространства, и наши просторы, и рѣчну!

гладь, и аромат заливныхъ луговъ, и сладость смоляного дыханья!

Въ Москву я возвращался неторопливо, когда лекціи уже давно читались и студенты успѣвали похудѣть и поблѣднѣть отъ бѣготни и скудной пищи въ столовкахъ. Пріѣзжать такъ поздно было невыгоднымъ лишь въ смыслѣ поисковъ удобной и дешевой комнаты, — всѣ лучшія оказывались уже занятыми, а на иныхъ подѣздахъ и воротахъ висѣла записка:

«Сдаеца светлая комната студентамъ не являца».

Записка обидная, вывѣшенная оскорбленной въ лучшихъ чувствахъ и надеждахъ хозяйкой.

Впрочемъ на первое время я всегда имѣлъ пристанище у одной изъ сестеръ.

Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ — уже на третьемъ курсѣ — я засталъ сестру Катю за неожиданнымъ занятіемъ. Одна изъ ея комнатъ оказалась превращенной въ студию чертежника. На мольбертѣ стоялъ огромный проектъ фасада, широкій и длинный столъ бѣлаго дерева былъ заваленъ бумагами, бумажками, картонами, свертками и калькой. По стѣнамъ висѣли на кнопкахъ какіе то чертежные наброски, таблицы и фотографіи зданій.

Когда я постучалъ въ дверь и пріоткрылъ ее, я услышалъ недовольный голосъ Кати, которая стояла у большого стола спиной ко мнѣ:

— Въ чемъ дѣло? Я просила до четырехъ часовъ меня не беспокоить.

— Катя, это я.

— Костя? Ты пріѣхалъ?

Она повернулась ко мнѣ и обняла меня, не выпуская изъ рукъ циркуля.

— Наконецъ то ты вернулся! Ну, ради тебя я, кажется, устрою себѣ праздникъ. Или вотъ что, Костя, присядь и помолчи только пять минутъ. Я сейчасъ кончу, и потомъ мы будемъ разговаривать.

— Что ты дѣлаешь, Катя?

— Молчи, молчи.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ Катя, шепча про себя и вымѣряя циркулемъ, наносила на чертежъ аккуратненькія точки. Минутъ черезъ пять, бѣгло взглянувъ на меня, она сказала «сейчасъ!» — и опять зашептала свои вычисленія. Я уже думалъ обидѣться и уйти, когда Катя, откинувшись и подбоченившись по-мужски, сжала губы, въ послѣдній разъ внимательно оглядѣла свой чертежъ и сказала:

— Ну хорошо. А не малъ ли простѣнокъ? Какъ ты думаешь?

Съ возможной серьезностью я отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Достаточень. Въ самый разъ.

Она недовѣрчиво покачала головой и вдругъ весело разсмѣялась:

— Не сердись, Костя! Я вымою руки, и мы пойдемъ внизъ.

— Но что все это означаетъ, Катя?

— Какъ что? Ты не знаешь? Я — архитекторъ; то есть я буду архитекторомъ. И это, Костя, совсѣмъ серьезно! Я все тебѣ расскажу.

Я узналъ, что она поступила на архитектурные курсы и такъ увлеклась, что ни о чемъ больше не можетъ думать.

Завалила себя работой, и все время, остающееся отъ лекцій, проводить въ своей мастерской. За два мѣсяца она сдѣлала больше, чѣмъ инымъ удастся сдѣлать за годъ. Не довольствуясь курсами, она работала чертежникомъ у одного изъ своихъ профессоровъ, сразу занялась собственными сложными проектами и не хотѣла признавать трудностей. Не безъ гордости она рассказывала, что ее считаютъ нѣкоторымъ чудомъ и сулятъ ей въ будущемъ необыкновенный успѣхъ. Зато работать приходится весь день и часть ночи.

— А сегодня — пусть будетъ праздникъ. Это, Костя, только для тебя.

Я могъ бы гордиться, если бы Катя сдержала слово. Но среди разговора, она что то вспомнила, обезпокоилась, побѣжала наверхъ и снова вышла только черезъ два часа съ виноватымъ видомъ:

— Прости, что я оставила тебя одного; я чуть было не сдѣлала такой ошибки, что могла все испортить. Теперь, до завтра, я совсѣмъ свободна, и вечеръ мы проведемъ вмѣстѣ. Я, признаться, очень устала. Это — какое-то сумасшествіе. Но если бы ты зналъ, Костя, какъ это интересно!

Она спрашивала меня о матери, о нашихъ провинціальныхъ новостяхъ, и слушала, думая о своемъ. Послѣ ужина я даже не заикнулся о картахъ. Мы разошлись рано и, засыпая, я слышалъ въ Катиной студіи шаги и бормотанье. Она работала часовъ до трехъ ночи, а утромъ, вставши, я уже нашелъ ее одѣтой въ бѣлый рабочій халатъ. Я не хотѣлъ ей мѣшать и уѣхалъ въ городъ.

Въ этотъ годъ я рѣдко бывалъ въ Сокольникахъ у старшей сестры, а воскресенья проводилъ у Лизы, объ-

ѣдаясь ея превосходными пирожками и увозя десятка два домой въ сверточкѣ: этимъ я избавлялъ себя въ понедѣльникъ отъ расхода на обѣдъ.

Быль этотъ годъ бурнымъ для студенчества: мы защищали «честь студенческаго мундира», почти не учились, и на родину мнѣ пришлось выѣхать передъ Пасхой, вынужденно, въ веселой компаніи высылаемыхъ студентовъ-забастовщиковъ. Мы заняли два вагона, выходили и подолгу задерживались въ буфетахъ, и начальники станцій, не рѣшаясь отправить безъ насъ поѣздъ, а можетъ быть втайнѣ намъ сочувствуя, ласково называли насъ «проклятыми сицилистами».

Въ Москву я вернулся только къ слѣдующей осени, когда снова быль принять въ университетъ, съ потерей года.

КАКЪ ВСѢ...

Говоря о себѣ, нужно быть особенно правдивымъ; и правдивымъ и откровеннымъ.

Свои университетскіе годы я могъ бы использовать гораздо плодотворнѣе: они не принесли мнѣ ни большой радости для памяти, ни большой пользы для послѣдующей жизни. Они не были для меня и лучшимъ временемъ въ жизни, какъ для большинства. Пусть я найду оправданье. Но если бы вернуть эти годы, если бы начать жить снова, зная, что все будущее строится въ молодости, я не бросалъ бы минутъ, часовъ и дней, а вѣрнѣе сказать — большей части времени, на то, что имѣло слишкомъ мало отношенія къ наукѣ. И тогда — навѣрное — не окончилъ бы годы ученія полунеучемъ съ дипломомъ. И тогда — можетъ быть — иначе сложилась бы моя жизнь, была бы она нужнѣе, богаче впечатлѣніями, осуществленнѣе въ мечтахъ. Сейчасъ за моими плечами лишь жизнь рядового чиновника и обывателя, рано понявшаго тщету замысловъ и легко отъ нихъ отказавшагося.

Въ этихъ словахъ нѣтъ запоздалаго раскаянія; они только правдивы.

Учиться, то есть слушать лекціи и сдавать зачеты и экзамены, было не трудно. Но интересъ къ наукѣ понижался тѣмъ, что насъ, студентовъ, постепенно лишали нашихъ лучшихъ профессоровъ, подозрительныхъ по неблагонадежности, и наука наша дѣлалась казенной. Поэтому мы больше увлекались своей ролью «общественнаго барометра». За это насъ загоняли въ манежъ, умѣренно били нагайками, исключали и ссылали. Тогда, отъ довольно невинныхъ мечтаній объ университетской автономіи, мы перешли къ слишкомъ ранней политической дѣятельности.

Посредствующей поройъ былъ для меня годъ разочарованія. Мнѣ не улыбалось стать непременно марксистомъ или народникомъ и не хотѣлось быть только «учащимся», готовить себя въ адвокаты или прокуроры. Поэтому, не избѣгая никакихъ вліяній, безъ большого жара, лишь слѣдуя модѣ, я работалъ урывками въ студенческихъ кружкахъ, читалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» Михайловскаго, записался въ Румянцевкѣ въ очередь на Бельтова и Николая-она, ходилъ смотрѣть, какъ трясеть длинной шевелюрой, тогда еще не бѣлой, Петръ Струве, оппонируя диссертациі Тугана-Барановскаго; и, будучи юристомъ, я слушалъ лекціи по естествознанію Тимирязева и бродилъ съ группой медиковъ по клиникамъ Дѣвичьяго поля. То, что не входило прямо въ учебныя обязанности, было всегда наиболѣе занимательнымъ.

На стѣнѣ моей комнаты висѣла фотографія прекрасной, испуганной и негодующей дѣвушки, изъ рукъ которой двуглавый орелъ вырываетъ книгу законовъ, — олицетвореніе Финляндіи, — на другой стѣнѣ картинка, изо-

бражающая сожженіе на кострѣ похожаго на Христа человека, надъ головой котораго значились буквы «С. Р.». Я пытался читать по-польски Мицкевича и имѣлъ въ подлинникѣ «Кобзаря», хотя оба эти языка казались мнѣ ужасно смѣшными. Относительно самодержавія у меня не было сомнѣній, но было мало сомнѣній и въ томъ, что за сверженіемъ его должно послѣдовать царство безоблачной свободы. Былъ такимъ, какимъ насъ тогда кроила и шила жизнь: не лучше другихъ, но и не слишкомъ хуже.

Все это не мѣшало мнѣ слоняться съ пріятелями по Тверскому Бульвару и студенческимъ пивнушкамъ, мечтать о высокой и идеальной любви и робко знакомиться съ бытомъ сговорчивыхъ дѣвушекъ.

Внѣшне жизнь была заполнена, внутренне ощущалась ея пустота. Не было настоящаго увлеченія ни наукой, ни случайными радостями жизни. Пробовалъ писать «что-то большое», но очень скоро убѣдился, что таланта у меня нѣтъ, какъ нѣтъ и знанія жизни, и что моя литературная карьера исчерпается нѣсколькими случайными газетными замѣтками, да статейкой въ юридическомъ журналѣ, и что придетъ время, когда я, держа впереди себя университетскій дипломъ, поплетусь по протоптанной дорожкѣ средняго юриста къ небыстрымъ чинамъ.

Такъ оно и случилось, и только память о сестрѣ побудила меня на склонѣ лѣтъ взяться за перо, но уже не ради художественныхъ вымысловъ, а ради простаго разсказа о женщинѣ моего времени.

Отъ многихъ юныхъ мечтаній мы отказываемся, иногда легко, иногда съ сердечной болью. Но развѣ прожи-

тая жизнь, какъ бы ни была она проста и мизерна, — не лучшее наше произведеніе? Не облеченная въ словесную форму повѣствованія, она все же для cadaго изъ насъ дороже самаго прекраснаго романа. И да будетъ она благословенна на всѣхъ этапахъ нашихъ странствій, въ увлеченіяхъ молодости, въ долгой скромной работѣ провинціального дѣятеля, въ маленькихъ личныхъ приключеніяхъ и въ вихревыхъ воронкахъ революціи, случайно втянувшей и мое существованіе и выбросившей меня на чужіе берега.

Какъ у всякаго рядового юноши, бреющаго бороду, носителя студенческой фуражки, былъ и у меня о ту пору небольшой и очень обыкновенный романъ съ женщиной, которая была старше и опытнѣе меня. Описывать его не стоитъ: онъ не осложненъ ни страстью, ни событіями, ни любопытной развязкой. Но такъ какъ «она» была замужней, а связь наша не ограничилась разговорами о Достоевскомъ и русской общинѣ, то въ глазахъ товарищей я былъ нѣкоторымъ образомъ героемъ. Полугодомъ спустя отъ этого романа остались у меня и, конечно, у «нея» лишь болѣе комическія, чѣмъ глубокія воспоминанья.

Вѣроятно нескромности товарищей я и обязанъ тѣмъ, что о моемъ любовномъ приключеніи узнала Катя, впрочемъ уже тогда, когда все было кончено.

Однажды Катя сказала мнѣ:

— Какъ странно, Костя, я такъ привыкла считать тебя мальчикомъ... И вдругъ оказывается, что ты уже совсѣмъ взрослый. И, главное, что ты — какъ всѣ.

Я предпочелъ промолчать.

— Обидно, что про тебя болтають. Хотя я знаю, что

среди мужчинъ это не считается зазорнымъ, даже, кажется, наоборотъ...

— Болтать?

— Нѣтъ. Быть такимъ.

— Да чѣмъ же я ужъ такой особенный?

— Я не говорю, что ты особенный. Напротивъ, я не ожидала, что ты такой же, какъ всѣ. Ты, Костя, на меня не обижайся.

— Я не обижаюсь, Катя.

Она продолжала:

— Женщина, даже самая маленькая и простая, самая ничѣмъ не замѣчательная, вотъ хоть бы какъ я, непременно ждетъ героя. Впрочемъ я то, конечно, не жду, я уже дождалась. И вотъ приходитъ этотъ герой, и оказывается, что онъ въ лучшемъ случаѣ просто — Иванъ-Иванычъ. Неужели это всегда такъ?

— Я думаю, Катя, что и не всѣ женщины ищутъ героевъ, и не всѣ мужчины — Иванъ-Иванычи. Просто — нужно какънибудь жить.

— Ты думаешь, что нужно? Ну, а я не увѣрена. Развѣ ужъ непременно нужно въ половинѣ одиннадцатаго ѣсть кашку?

— Какую кашку?

— А вотъ Лялька иногда рѣшительно не хочетъ кашки. И я не хочу. Впрочемъ все это — пустяки. А главное — все это не то.

Я замѣтилъ, что Катя ко мнѣ перемѣнилась. Не то, чтобы она меня строго осудила или перестала любить во мнѣ брата и друга. Напротивъ, мнѣ казалось даже, что теперь она относится ко мнѣ какъ бы съ большимъ уваже-

ніемъ, какъ ко взрослому человѣку, а не какъ къ наивному мальчику. Но прежде она всегда ласково обнимала и цѣловала меня, иногда называла дѣтскимъ именемъ — Котикъ, не стѣснялась выходить ко мнѣ прямо изъ ванной, запахнувшись въ купальный халатъ и вообще не считала меня за мужчину. Теперь я сталъ мужчиной, хотя и оставался братомъ. Мужчиной, значить — существомъ не совсемъ чистымъ, носящимъ на себѣ слѣды не оправданныхъ любовью прикосновеній, случайныхъ «романовъ», вызванныхъ просто тѣмъ, что «какъ-нибудь нужно жить».

Мы больше не возвращались къ нашему разговору. Только разъ какъ-то Катя мимоходомъ сказала мнѣ:

— Въ послѣднее время я многое поняла лучше. Я думала о тебѣ, Костя, я вѣдь тебя очень люблю. И вотъ теперь я, пожалуй, могла бы не такъ строго отнестись и къ другимъ, то есть къ тому, что мнѣ въ нихъ неприятно, даже противно. Но, конечно, я тебя не сравниваю, потому что ты — не лицемеръ и не прикидываешься святымъ, а просто — такой. Хуже всего, когда обманываютъ, читаютъ мораль, а сами дѣлаютъ все, что захочется, и даже не понимаютъ, какъ это гадко. Можетъ быть, впрочемъ, я слишкомъ требовательна, нельзя быть такой. И все-таки — какъ все это печально и несносно!

— А ты не думай, Катя.

Она удивленно подняла брови:

— Какъ же не думать? Развѣ я не живой человѣкъ...

И вдругъ она вспыхнула густымъ румянцемъ:

— ...и развѣ я не женщина? Или ты считаешь меня уже старухой?

Я не могъ считать сестру, молодую, красивую, полную

жизни, — старухой. Но о томъ, что такое женщина, мой сомнительный любовный опытъ не могъ дать мнѣ глубокаго познанія.

Какъ всякій преданный и любящій братъ, я былъ близорукъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что источникъ Катиныхъ страданій и ея неумѣнія найти «цѣль жизни» — въ томъ, что она живетъ безъ любви, что ей некому отдать неистощенный запасъ женскаго чувства, — я бы не только удивился, но и обидѣлся за Катю.

Это я могу быть, какъ всѣ. Но Катя, сестра моя — она особенная, и къ ней общая мѣрка неприменима.

Я не зналъ, что этимъ отрицаніемъ въ ней простой и настоящей женщины я принижалъ ея образъ, столь мнѣ дорогой.

ДОКЛАДЪ

Она уже не проводила, какъ прежде, ночныхъ часовъ за работой, не лишала себя прогулокъ и маленькихъ нашихъ развлеченій, но она — вопреки моему ожиданію, не бросила лекцій и своихъ чертежныхъ занятій. Къ концу второго года она должна была окончить курсъ и попытаться стать заправскимъ, самостоятельнымъ работникомъ. Бурное увлеченіе смѣнилось спокойной увѣренностью, какъ у человѣка дѣлового. О своихъ архитектурныхъ работахъ Катя говорила охотно, но всего на свѣтѣ ради нихъ не забывала.

Въ этотъ годъ мы опять сблизились, и какъ то серьезнѣе прежняго, не въ карточномъ азартѣ и не въ совмѣстныхъ полетахъ молодой фантазіи. Мы оба стали замѣтно старше: мнѣ шелъ двадцать третій годъ, ей было подъ тридцать. Я какъ бы окончательно вступалъ во взрослую жизнь, она входила въ возрастъ, для женщины рѣшительный.

Наши встрѣчи стали менѣе одинокими. Я привозилъ къ Катѣ своихъ университетскихъ товарищей, у нея завелись пріятельницы и пріатели съ ея курсовъ, и въ домѣ

ея создалось нѣкоторое общество, молодое и пріятное. Старшимъ въ нашей компаніи былъ архитекторъ Власьевъ, одинъ изъ учителей Кати, человѣкъ на возрастѣ, очень воспитанный, старавшійся сойтись съ нами и не слишкомъ выдѣляться. Съ Катей онъ всегда говорилъ почтительно, но я съ самаго начала заподозрилъ, что не однимъ почтениемъ къ способной ученицѣ вызваны его частые визиты.

Мы устраивали прогулки вглубь Сокольниковъ и Погонно-Лосинаго острова, весной — подышать соснами, зимой — побродить на лыжахъ. Этотъ годъ былъ пріятнымъ, Катя ожила и стала еще красивѣе; но дѣвочка въ ней исчезла, была только женщина, иногда — мать. Она теперь гораздо чаще говорила о дѣтяхъ, больше ими занималась и, повидимому, искала ихъ дружбы.

Этотъ періодъ мнѣ памятенъ и тѣмъ, что, подчиняясь духу времени, мы отдавали дань политическимъ вопросамъ, бывали на докладахъ, и не только легальныхъ, читали литературу подпольныхъ и заграничныхъ организацій, затѣвали безконечные споры, даже пытались устроить свой кружокъ самообразованія. Во всемъ этомъ Катя участвовала довольно дѣятельно, хотя рѣшительно отстаивала свое право не имѣть обязательныхъ политическихъ взглядовъ. Она говорила:

— Если бы я могла твердо вѣрить, что нужно вотъ то-то и то-то, я бы немедленно пошла это дѣлать, ужъ не знаю куда и какъ, но пошла бы. Иначе — какая же цѣна моей вѣрѣ? И кому нужны мои слова? Что такое я — жена фабриканта!

То, что она была «женой фабриканта», видимо ее беспокоило, но она никакъ не могла убѣдиться въ своей пре-

ступности. Гораздо больше ее угнетало, что она — жена своего мужа, что живетъ на его средства, все равно, каковъ ихъ источникъ. Иногда, послѣ нашихъ кружковыхъ бесѣдъ, она говорила:

— Ну, теперь идемъ въ столовую закусить «прибавочной стоимостью».

Нашъ «кружокъ самообразованія» очень быстро распался. Но Катя все же успѣла насъ поразить. Мы по очереди читали маленькіе доклады, главнымъ образомъ политико-экономическіе. Катю мы считали лишь «присутствующей», то — гостьей, то — хозяйкой, въ зависимости отъ того, гдѣ мы собирались; все-таки она была старшей среди насъ, и все-таки выдѣлялась. Поэтому мы, лишь ради формы и во имя равенства, однажды предложили ей, если она хочетъ, что нибудь подготовить для доклада. Катя отшучивалась, сказала, что подумаетъ, и совсѣмъ неожиданно сдѣлала намъ превосходный докладъ, совершенно насъ поразившій; было видно, что она отлично, основательно и какъ то не по-нашему, не по-ученически къ нему приготовилась. Но, закончивъ его, — докладъ былъ устный, — она покраснѣла на наши похвалы и даже не приняла участія въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ.

Все-таки было видно, что наше общее и какъ бы обязательное увлеченіе политикой и экономическими вопросами было ей чуждо. Она была съ нами, потому что искала людей, жаждала жизни новой, не похожей на ея прежнюю, замкнутую, домашнюю. Но и тутъ она искала жизни, дѣятельности, а не разговоръ въ табачномъ дыму. Возможно даже, что она искала не людей вообще, а хотя бы одного живого человѣка, но только большого, настоя-

щаго, въ котораго она могла бы увѣровать, зная, что не разочаруется. Она недаромъ говорила:

— Женщина, даже самая маленькая, простая и ничѣмъ не замѣчательная, непременно ищетъ героя.

Но героя среди насъ не было; не было даже завершѣнныхъ Иванъ-Иванычей. Въ большинствѣ своемъ мы были юношами, себя еще не нашедшими, одинаково способными стать ничѣмъ. Мы ее любили, ею гордились, многіе были тайно въ нее влюблены, — но мы были обществомъ, слишкомъ для нея случайнымъ и мало подходящимъ.

И, думается мнѣ, ей было гораздо лучше и проще среди насъ, особенно среди личныхъ моихъ пріятелей-студентовъ, когда не подымалось рѣчи о высокихъ матеріяхъ, а просто Катя появлялась въ нашемъ кругу въ качествѣ женщины и королевы. О такихъ пріемахъ, которые мы устраивали Катѣ въ мизерности и неуютности моей студенческой каморки, я сохраняю лучшія и пріятнѣйшія воспоминанія.

КОРОЛЕВА НА ПРИЕМЪ

Бронная улица съ переулками — «латинскій кварталъ» Москвы — была перенаселена студентами; еще осенью — да, а въ срединѣ учебнаго года было трудно найти дешую комнату. Поэтому, съ однимъ изъ пріятелей, студентомъ Мартыновымъ, математикомъ, мы рѣшили поселиться на Грачевкѣ, улицѣ очень печальной репутаціи, но зато дешевой. Позже она была переименована въ Трубную.

Тамъ, въ глубинѣ одного изъ большихъ дворовъ, мы облюбовали крошечный флигелекъ въ три комнаты, изъ которыхъ двѣ сдавались помѣсячно, а въ третьей жила семья мизернаго чиновника Флора Аполлоновича: онъ самъ, его жена Марья Ивановна и двое дѣтей, послѣдній — грудной.

На нашу долю пришли комнаты большія, довольно свѣтлыя, а главное — каждому отдѣльная, и дешево. Марья Ивановна обязалась дважды въ день давать намъ самоваръ и покупать намъ молоко и хлѣбъ. Ходить отсюда въ университетъ было не близко, но мы оба не отличались ни прилежаніемъ, ни боязнью разстояній.

Мартыновъ былъ удобнымъ сожителемъ, хотя имѣлъ крупный недостатокъ: онъ время-отъ-времени запивалъ горькую. Онъ былъ изъ семинаристовъ, года на три старше меня, а на видъ — и совсѣмъ пожившимъ; носилъ бороду, очки, и интересовался только свойствами простыхъ чиселъ. Въ трезвые дни онъ не отрывался отъ клочка бумаги, на которомъ писалъ столбики чиселъ, складывалъ, вычиталъ — и загадочно улыбался. Иногда онъ и мнѣ давалъ какую нибудь курьезную задачу, которая должна была поразить меня чудодѣйственными свойствами цифры девять. Со своей стороны я пробовалъ увлечь его задачами изъ римскаго права:

— Ты представь себѣ, что во время кораблекрушенія утонули двое родственниковъ, А и В. Если раньше утонулъ А, то В, прежде чѣмъ утонуть, былъ хоть нѣсколько минутъ его наслѣдникомъ, и дальше, значитъ, наслѣдуютъ дѣти В. А если В утонулъ раньше, то его дѣти не наслѣдуютъ послѣ А.

— Почему не наслѣдуютъ?

— Да ужъ однимъ словомъ не наслѣдуютъ, къ другимъ переходить. Какъ узнать, кто утонулъ первымъ?

— Ну, разспросить, кто видѣлъ.

— Никто не видѣлъ, всѣ утонули.

— Чепуха!

— Вовсе не чепуха. Какъ нибудь рѣшить нужно.

— Оба сразу.

— Сразу не бываетъ; кто нибудь хоть на секунду да дольше держался. А ты сообрази: одному было 50 лѣтъ, а другому 49. Кто раньше?

— А чортъ его знаетъ.

— Нѣтъ, не чортъ его знаетъ, а это предусмотрѣно римскимъ правомъ. Раньше долженъ утонуть А, потому что онъ старше.

— Вотъ ерунда!

— Не ерунда. В моложе и можетъ дольше продержаться на водѣ. Кто старше, тотъ раньше потонетъ.

— Чушь! А если В только одинъ годъ, и онъ не только плавать, а и подъ столомъ ходить не умѣетъ. Что же, ты думаешь, онъ будетъ ждать, пока А утонетъ? Чепуха твое римское право.

— Нѣтъ, ты подожди, относительно дѣтей...

Тутъ мнѣ приходится справиться въ курсѣ лекцій. Пока я перелистываю литографированныя страницы, Мартыновъ презрительно говорить:

— Чепуха! Право — не наука. Только математика наука. А вотъ скажи лучше, что мы сегодня ѣсть будемъ? У тебя сколько?

— У меня четыре пятака. А у тебя?

— У меня ...вчера были.

— Это плохо, Мартыновъ.

— Плохо. Купимъ воблы и хлѣба.

— Ёсть хочется.

— Сказалъ новость! Мнѣ выпить хочется, да я молчу. Тутъ тебѣ не римское право, а безошибочная математика: двѣ воблы, если икрыня, восемь копѣекъ, булка — пять, итого — тринадцать. Значитъ на пятакъ — рассыпныхъ папирось, да двѣ копѣйки — нищему. Итого въ остаткѣ — ноль. И все ясно.

Но иногда мы внезапно богатѣли: приходили деньги

изъ дому. Мнѣ аккуратно маленькую сумму посылала мать, ему — старшій братъ, священникъ. Тогда мы не только шли обѣдать въ столовую Троицкой у Никитскихъ воротъ, по сорокъ копѣекъ съ человѣка, включая хлѣбъ и квась по желанію, но еще и дома устраивали приемы для друзей. Случалось, что на эти приемы прїѣзжала, по моему зову, и моя сестра Катя.

Странно было видѣть Катю на этой подозрительной улицѣ, въ труппѣ грязныхъ дворовъ и бѣдныхъ флигельковъ, на нищенской студенческой пирушкѣ. Но она умѣла превращать наши пирушки въ праздникъ. Женщинъ, кромѣ Кати, никогда у насъ не было. Собиралось человѣкъ пять безусыхъ студентовъ, среди которыхъ борода-тый и мрачный Мартыновъ былъ уже старикомъ. Ради Кати мы ограничивались полудюжиной пива и бутылкой удѣльнаго вина, совсѣмъ не допуская водки; особенно на этомъ настаивалъ Мартыновъ, боявшійся своей слабости. Вокругъ самовара разставляли на хозяйкиныхъ тарелкахъ блестящее угощенье: чайную колбасу, воблу (для пива), кильки (для впечатлѣннѣя), много орѣховъ и дешевые леденцы. Катя неизмѣнно привозила отъ Елисеева фрукты и сладкій тортъ.

Въ нашу лачугу Катя вносила свѣтъ и особое, сдержанное и напряженное веселье. У насъ она была королевой. Для нея ставилось особое кресло, изъ приданого чиновницы, покрытое чистымъ чехломъ, подъ которымъ исчезала грязная и рваная обивка. Хозяйка Марья Ивановна давала намъ лучшую свою скатерть и начищала до блеска слегка помятую мѣдь самовара. Обѣ наши комнаты мы старались разукрасить чѣмъ только возможно. За

полнымъ отсутствіемъ декоративныхъ предметовъ, мы особенно напирали на оригинальность.

— Знаешь, Мартыновъ, давай, навѣшаемъ цвѣтныхъ фонариковъ. На полтину можно купить четыре-пять штукъ маленькихъ.

— Лучше два большихъ, по обѣ стороны кресла повѣсимъ.

— Ладно. А вотъ гдѣ бы достать цвѣтной матеріи?

— У Марьи Ивановны попросить.

— Я спрашивалъ. Она предлагаетъ двѣ юбки, только чтобы не рѣзать и не протыкать. Я смотрѣлъ, юбки грязныя.

— Нѣтъ, юбки нехорошо. Это — чепуха.

И одновременно намъ обоимъ приходитъ въ голову поистинѣ гениальная мысль: обить косяки двери цвѣтными носками! Небывало и очень оригинально.

Изъ ящика моего комода извлекается куча вязаныхъ носковъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ — работа моей матери. Иные заштопанные, другіе рваные, но такъ еще лучше. Главное — чистота и яркость. У Мартынова запасъ немногимъ хуже. Кнопками и гвоздиками мы прикалываемъ носки къ косякамъ двери, и получается какъ бы триумфальная арка. Надъ дверью водружается вензель Кати: большая коробка изъ-подъ гильзъ Катыка (на пятьсотъ штукъ), въ прорѣзахъ буквъ красная бумага, внутри свѣчка. Мартыновъ дѣлаетъ это съ замѣчательнымъ искусствомъ. Просто и эффектно.

Во всемъ, что относится къ чествованію нашей королевы, Мартыновъ принимаетъ живѣйшее участіе и проявляетъ рѣдкую изобрѣтательность. На время работы исчеза-

еть его обычная мрачность. Имъ организованъ и прорепетированъ тушъ на гребешкахъ съ папиросной бумагой, имъ же написанъ ритуальъ приѣма, который присутствующіе должны разучить. Долго приспособабливалъ онъ добытые на дворѣ плоскіе ящики, чтобы кресло королевы стояло на легкомъ возвышеніи, — но изъ этого ничего не получилось, очень ужъ выходило неудобно королевѣ пить чай. Катѣ полагался особый приборъ: вилка, ножикъ и салфетка; для всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ — такой же одинъ общій приборъ, только безъ салфетки. Ради Кати Мартыновъ затратилъ два часа, чтобы вымыть водкой, карта за картой, засаленную колоду: послѣ чаю мы навѣрное сядемъ играть въ винтъ, кстати — королева обычно проигрываетъ, такъ что часть нашихъ расходовъ по приѣму окупится.

Въ день приѣма королевы мы всѣ въ сборѣ: Мартыновъ, я, медикъ Ушаковъ, второкурсникъ-юристъ Стигматовъ, мой землякъ Павликъ — студентъ Лѣсного института, большой весельчакъ, иногда еще кто-нибудь изъ тѣхъ, кого я возилъ къ Катѣ знакомить. Ушаковъ уходилъ раньше другихъ, Павликъ, страшный картежникъ, оставался обычно ночевать, и пять партнеровъ для винта были обезпечены. Послѣ полуночи всѣ мы проводимъ королеву до извозчика.

Въ нашу студенческую трущобу Катя вливалась, какъ лучъ солнца. Если бы она, въ своемъ самомъ простомъ платьѣ и со своей самой лучшей, всегда нѣсколько смущенной улыбкой, — если бы она только сіяла — мы бы исчезали, какъ разсѣянные тѣни и погашенныя свѣчки. Но она не только сіяла — она освѣщала. Комната становилась

шире, потолокъ чище и выше, самоварная мѣдь дѣлалась такимъ же чистымъ золотомъ, какъ орленія пуговицы франтоватаго Стигматова. Марья Ивановна, квартирная наша хозяйка, женщина бѣднѣйшая, кротчайшая и затрапезная, казалась теперь благородной фрейлиной, а всѣ мы — совѣтомъ мудрыхъ вельможъ и вѣрноподданныхъ.

Когда въ дверяхъ показывалась Катя, я подходилъ къ ней первымъ и цѣловалъ ее, зная, что всѣ эти юноши, мои гости, всматриваются и вслушиваются въ поцѣлуй. Затѣмъ Катя, снявъ длинную перчатку, очень привѣтливо здоровалась съ Марьей Ивановной за руку, которую та спѣшно вытирала фартукомъ. Съ нею она задерживалась въ нашей крошечной передней, спрашивала ее о здоровьи дѣтей, кивала, слушая ея подробный докладъ, давала совѣты: непременно промывать Ванюшкѣ глаза борной кислотой и не позволять ему ихъ тереть, а Анюту поить рыбьимъ жиромъ. Потомъ Катя повертывалась къ моимъ многочисленнымъ гостямъ, толпившимся у двери, по-мужски пожимала имъ руки и не знала, что нужно говорить, замѣняя слова своей чудесной улыбкой. Они подходили къ ней въ строгой очереди, Мартыновъ всегда послѣднимъ, не глядя въ глаза и мѣшковато шаркая ногой.

Въ эту минуту они не казались бѣдными студентами въ поношенныхъ тужуркахъ, а были рыцарями въ латахъ: грудь колесомъ, ноги стройны, головы съ изящнымъ нагибомъ. Впрочемъ къ Мартынову это не относится: онъ былъ, скорѣе, нашимъ дядькой.

Рыцари отнимали у Кати зонтикъ, перчатки, шляпу. Если шляпа доставалась Мартынову, онъ уносилъ ее объими руками, какъ стеклянную, разставивъ локти, чтобы не

задѣть за стулъ, за косякъ двери, украшенной носками, за когонибудь изъ насъ. Съ момента прихода Кати, Мартыновъ дѣлался невмѣняемымъ и старался смотрѣть на самоваръ или на коробку килекъ, чтобы невзначай не встрѣтиться съ Катей глазами; если это все-таки случилось — онъ мрачно краснѣлъ и еще пристальнѣе впивался взоромъ въ неодушевленные предметы.

Мой бѣдный Мартыновъ! Я думаю, что въ этомъ мірѣ только одна любовь могла соперничать съ моей любовью къ сестрѣ: его безкорыстная и безнадежная любовь.

.. .. .

Пока Катя еще бесѣдовала съ хозяйкой, Мартыновъ успѣвалъ зажечь надъ дверью въ моей комнатѣ щитъ съ инициалами и цвѣтные фонарики по обѣ стороны престола королевы. Бородатый и неуклюжій, онъ дѣлалъ это съ озабоченнымъ и взволнованнымъ лицомъ.

Затѣмъ мы усаживали Катю за столъ, становились на нѣкоторомъ разстояніи, и Павликъ, торжественнымъ и мощнымъ голосомъ, начиналъ выработанный на этотъ день «ритуалъ приѣма королевы»:

— Всѣ ли вельможи, здѣсь предстоящіе, признають себя подданными Екатерины?

Мы отвѣчали хоромъ:

— Всѣ!

— Каковы обязанности перваго вельможи?

Я былъ «первымъ вельможей» и отвѣчалъ нараспѣвъ по мартыновской шпаргалкѣ:

— Не братъ, а рабъ!

— Каковы обязанности вельможи-хлѣбодара?

Тѣмъ же тономъ отвѣчалъ медикъ Ушаковъ:

— Чаю ли возжаждеть — чаю налей; кильку ли возалчетъ — препарируй.

— Каковы обязанности вельможи-кавалера?

Второкурсникъ Стигматовъ, очень красивый юноша, слегка рисуясь, произносилъ:

— Сознать свое физическое безобразіе и лежать коврикомъ на царственныхъ путяхъ.

— Каковы обязанности вельможи-звѣздочета?

Въ свою очередь Мартыновъ, застѣнчиво и съ тоской, бормоталъ библейскій стихъ, имъ самимъ извлеченный изъ книги Судей Израилевыхъ:

— Къ ногамъ ея онъ склонился, палъ, лежалъ, къ ногамъ ея склонился, палъ, гдѣ склонился, тамъ и палъ пораженный.

— Клянутся ли вельможи исполнить свои обязанности?

Мы протягивали руки и опять хоромъ восклицали:

— Не намъ, не намъ, а имени твоему!

Катя весело смѣялась; ей было пріятно наше поклоненіе. Изобразивъ на гребешкахъ тушъ или маршъ изъ «Анды», мы вручали королевѣ знаки ея власти: чисто вымытый на этотъ случай мячикъ хозяйкиной дѣвочки и огромный синій карандашъ Мартынова: державу и скипетръ.

Подъ вліяніемъ ритуала, мы долго болтали стилемъ напыщеннымъ, священнодѣйствуя надъ кильками и отдавая должное чайной колбасѣ. Хотя мы всегда усердно приглашали Марью Ивановну посидѣть съ нами, но она отговаривалась хлопотами съ самоваромъ и только иногда присаживалась на стулъ у самой двери и пристально

смотрѣла на Катю, которая казалась ей, какъ была и для насъ, подлинной королевой, посѣтившей лачугу бѣдности.

И, конечно, ей никогда не могло бы прийти въ голову, что эта королева въ иную минуту жизни можетъ завидовать ея бѣдности, миру и простотѣ ея семейной жизни.

РЮМКА ВОДЫ

Что мнѣ дѣлать съ Мартыновымъ? Онъ пьетъ вторую недѣлю; какъ на грѣхъ получилъ отъ брата деньги сразу на два мѣсяца впередъ.

Пьетъ Мартыновъ водку, и пьетъ дома; никакой закуски ему не требуется. Нагрузившись, онъ поетъ «Благообразнаго Юсифа» или самъ съ собой разговариваетъ. Ночью трезвѣетъ и въ одной рубашкѣ выходитъ во дворъ, гуляетъ, хотя по ночамъ холодно и сыро.

Уговаривать его бесполезно. Когда Мартыновъ пьянъ, онъ преисполненъ презрѣнія ко всѣмъ и ко всему. Презрѣніе ко мнѣ онъ выражаетъ тѣмъ, что, отворивъ дверь въ мою комнату, показываетъ мнѣ распухшій языкъ, затѣмъ захлопываетъ дверь съ нехорошимъ ругательствомъ. Марья Ивановна боится показываться ему на глаза, хотя Мартыновъ очень рѣдко скандалить «по-настоящему». Марья Ивановна его не осуждаетъ, и даже не протестуетъ противъ такого поведенія жильца: на нашей улицѣ, полной притоновъ, смотрятъ на пьянство не какъ на порокъ, а какъ на несчастье, людямъ судьбою ниспосланное.

Какъ то разъ я задумалъ принять мѣры, отнявъ у Мар-

тѣнова водку и деньги. Заглянувъ въ его комнату, я увидалъ, что онъ спитъ лицомъ къ стѣнѣ. Я на цыпочкахъ подобрался къ его тужуркѣ, но въ ея карманахъ нашелъ только мѣдную мелочь. Тогда я протянулъ руку къ стоявшей на столѣ еще полной бутылкѣ водки.

И вдругъ онъ вскочилъ, будто этого только и ждалъ. Вскочилъ встрепанный и такой страшный, что я едва не уронилъ бутылки.

— Поставь обратно!

— Брось, Мартыновъ, не пей. На кого ты сталъ похожъ!

— Поставь бутылку!

Я, конечно, поставилъ.

Онъ взялъ бутылку и, смотря на меня пристально воспаленными глазами, сталъ пить изъ горлышка. Нужно было для этого запрокинуть голову, но онъ хотѣлъ смотрѣть на меня, на производимое впечатлѣнiе; поэтому, булькая водкой, онъ постепенно присядалъ на корточки. Отпивъ нѣсколько полныхъ глотковъ, онъ обтерся рукавомъ рубашки и, сдѣлавъ хитрое-хитрое лицо, очень трезвымъ, только хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Красавецъ, ужели я вамъ не нравлюсь?

— Не нравишься, Мартыновъ.

— Тогда, красавецъ, пойдите вонъ.

Я двинулся къ двери, но на ходу спросилъ:

— Зачѣмъ ты пьешь, Мартыновъ?

Лицо его стало внезапно искренне удивленнымъ, и по прежнему трезвымъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Какъ же иначе быть? Вѣдь положенiе безвыходное!

— Какое положенiе?

И опять, вставъ и внезапно измѣнивъ лицо, онъ отвѣтилъ хриплымъ голосомъ:

— Какъ сказано выше — ступайте вонъ. Можете ѣхать въ Сок-кольники къ к-королевѣ.

Сразу опьянѣлъ, забормоталъ непонятное и повалился на постель.

Дождавшись первой свѣтлой минуты, я рѣшилъ провѣтрить Мартынова, а кстати и устыдить его, свозивъ къ Катѣ. Онъ былъ очень жалокъ, видимо самъ себя боялся, и довольно легко согласился:

— Только ты королевѣ-то не рассказывай.

Въ то время, за отсутствіемъ трамваевъ, поѣздка въ Сокольники занимала добрый часъ времени. Мы вобразились на имперіалъ конки, гдѣ за станцію брали три копѣйки, и наслаждались воздухомъ и разсматриваніемъ вереницы пѣшеходовъ, шедшихъ толпой съ Сухаревки и на Сухаревку. На подъемѣ къ Краснымъ Воротамъ къ конкѣ пристягнули пару рыженькихъ лошадокъ, на одной изъ которыхъ сидѣлъ мальчишка, неистово махалъ руками и подстегивалъ припряжку. Кондукторъ для бодрости ударялъ лѣвымъ локтемъ по цѣпи, на которой висѣлъ звонокъ, лошади рвались, и мы ѣхали съ гиканьемъ и веселымъ звономъ. Мартынова я привезъ, дѣйствительно, провѣтреннымъ, хотя лицо его еще оставалось опухшимъ.

Мы пріѣхали за часъ до обѣда, и было пріятно узнать, что Евгенийъ Карловичъ уѣхалъ въ городъ, — значитъ мы обѣдаемъ втроемъ.

Мартыновъ держался бодро, шутилъ и предупреждалъ, что у него сегодня волчій аппетитъ.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, Катя вызвала меня и

спросила, подавать ли къ столу водку. Я зналъ, что Мартыновъ, когда его запой кончается, сразу дѣлается выдержаннымъ, но что рюмки двѣ ему за обѣдомъ необходимы для равновѣсія, иначе онъ затоскуетъ и впадетъ въ мрачность.

Не знаю, почему мнѣ пришла въ голову необычайно глупая мысль — подшутить надъ Мартыновымъ. Когда Катя вышла изъ столовой, я убралъ со стола графинчикъ водки и замѣнилъ его другимъ, въ который налилъ воды.

Мы сѣли, и я налилъ намъ обоимъ по рюмкѣ, выпилъ свою, нарочно крикнулъ и закусилъ. Затѣмъ сталъ внимательно наблюдать, какъ выпьетъ свою Мартыновъ.

У него послѣ запоя сильно дрожали руки. Онъ это зналъ и дѣлалъ всѣ движенія медленно и сосредоточенно: положилъ себѣ на тарелочку закуски, надломилъ кусокъ хлѣба, наконецъ протянулъ руку къ рюмкѣ.

Когда я увидалъ его дрожащую руку, его глаза, устремленные на рюмку, его заранѣе выпятившіяся губы, какъ это бываетъ у привычныхъ пьяницъ, — я понялъ, что поступилъ плохо; но было уже поздно.

Медленно, слегка стуча стекломъ о зубы, Мартыновъ вытянулъ воду — и проглотилъ. Затѣмъ онъ внезапно поблѣднѣлъ, уронилъ руку съ рюмкой и откинулся. Я думалъ, что онъ въ обморокъ — и дѣйствительно глаза его на минуту закатились. Вдругъ онъ взглянулъ на Катю почти бѣшенымъ взглядомъ, пошатнулся на стулѣ и хотѣлъ встать.

Я перепугался:

— Мартыновъ, прости, голубчикъ, это я хотѣлъ подшутить надъ тобой. Прости меня!

Катя ничего не понимала. Я объяснилъ ей:

— Я налилъ ему воды. Ужасно глупо!

Мартынова трясло; зубы стучали, лицо краснѣло, блѣднѣло, и онъ сидѣлъ, не мѣняя позы. Наконецъ онъ овладѣлъ собой и пробурчалъ:

— Ничего... Это не отъ того...

И заковырялъ вилкой закуску на тарелкѣ.

Я досталъ графинчикъ водки и налилъ Мартынову. Не подымая глазъ, онъ выпилъ. Ему очень хотѣлось пошутить и показать, что это «ничего», но, хорошо зная его, я видѣлъ, что ему плохо и что моя шутка можетъ имѣть печальныя послѣдствія.

Катя старалась поддерживать разговоръ, журила меня, говорила, что она бы страшно разсердилась, если бы ей подсунули, напримѣръ, соли вмѣсто сахару. Мартыновъ молчалъ и такъ же молча наливалъ себѣ за рюмкой рюмку. Катя смотрѣла на меня умоляющими глазами, но я не смѣлъ остановить его, хотя видѣлъ, что уже съ первыхъ трехъ рюмокъ онъ былъ пьянъ. Опять на лицѣ его появилось знакомое мнѣ выраженіе пьяной ироніи и настороженности; попробуй я убрать водку — выйдетъ, пожалуй, хуже.

Обѣдъ кончался въ молчаніи. Когда подали сладкое, Мартыновъ, опершись на локоть, на минуту задремалъ. Мы переглянулись, — но онъ внезапно открылъ глаза и поймалъ наши взгляды. И вдругъ онъ засмѣялся своимъ тяжелымъ смѣшкомъ, прищурился на Катю, одобрительно кивнулъ и сказалъ заплетающимся языкомъ:

— Ага, к-кор-ролева!

Вслѣдъ затѣмъ графинъ, тарелки, солонки, хлѣбъ — все посыпалось на Мартынова. Одной рукой онъ схватилъ

и стянулъ на себя скатерть, затѣмъ другой рукой съ силой оттолкнулъ длинный и тяжелый столъ.

Катя вскрикнула. Мартыновъ хмуро и грузно всталъ, поднялъ руки надъ головой и грохнулся на осколки посуды. У него былъ припадокъ, и не моими слабыми руками было съ нимъ справиться. Онъ отбивался, расшвыривалъ ногами и руками стулья, столики, упавшія вазы съ цвѣтами. Онъ не кричалъ, только напряженно стоналъ. Руки его были порѣзаны осколками посуды, сѣрая тужурка перепачкана кремомъ.

Мы уже хотѣли послать за кѣмънибудь изъ рабочихъ, когда такъ же внезапно Мартыновъ затихъ. Катя выслала прислугу изъ столовой, и мы съ ней осторожно приподняли Мартынова и повели его въ гостиную, гдѣ уложили на диванъ. Онъ старался передвигать ногами и смотрѣлъ виновато и испуганно, какъ больной. Когда мы его уложили, онъ сразу уснулъ мертвымъ сномъ.

Чтобы не будить Мартынова, мы притворили двери и ушли навверхъ къ Катѣ. Иногда я спускался и слушалъ: Мартыновъ спалъ.

— Какъ это ужасно, Костя!

— Да; и это я виноватъ. У него запой кончился, я знаю. Если бы я не выдумалъ этой глупости...

— Можетъ быть теперь онъ выспится, и все пройдетъ. Но онъ такой самолюбивый, будетъ мучиться.

— Онъ въ тебя влюбленъ, Катя, и это хуже всего. Я боюсь, что онъ опять запьетъ, просто ужъ — отъ обиды. Какъ его удержать — право не пойму.

Катя сказала задумчиво:

— Странная любовь... Развѣ отъ любви пьютъ?

— Пьютъ не отъ любви, а отъ... какъ это сказать... отъ безнадежности. Впрочемъ Мартыновъ и раньше пилъ.

— Вотъ то-то. А все-таки что же съ нимъ дѣлать?

— Попробуй, когда онъ проснется, съ нимъ поговорить, утѣшь его, скажи, что это все пустяки, что онъ боленъ.

— Я попробую...

Мартыновъ спалъ уже часа три-четыре. Мы не знали, нужно ли его будить, уложить въ постель, или оставить такъ. Пожалуй, будетъ лучше, если я увезу его домой, — воздухъ можетъ оказаться ему полезнымъ.

Я еще разъ спустился внизъ и заглянулъ въ комнату.

Диванъ былъ пустъ. Мартыновъ исчезъ. Въ передней я нашелъ его фуражку, но пальто не было.

Я осталася у сестры до поздняго вечера, думая, что Мартыновъ можетъ вернуться. Къ ночи, захвативъ его фуражку, я уѣхалъ домой. Отворила мнѣ заспанная Марья Ивановна. Отъ нея я узналъ, что Мартыновъ домой не возвращался.

ВЕЧЕРОМЪ, ДОМА

Я сижу у стола, зубрю курсъ гражданскаго права и думаю о томъ, какой я, все-таки, хорошій: не пьяница, давно не игралъ на билліардѣ, во второй половинѣ мѣсяца еще имѣю въ карманѣ семь рублей и прочиталъ сегодня двадцать страницъ гражданскаго права. Пересчитываю: ну, не двадцать, а все-таки шестнадцать.

Мартыновъ лежитъ въ своей комнатѣ на постели совершенно трезвый. Послѣ печальнаго путешествія въ Сокольники онъ пропадалъ два дня, и гдѣ онъ былъ—я такъ и не знаю. Онъ явился домой поутру, усталый, блѣдный, пришибленный, въ чужой потасканной штатской шляпѣ съ большими полями; теперь вторыя сутки онъ отлеживается и со мной не разговариваетъ, только говоритъ «спасибо, Костя» — когда я ставлю передъ нимъ стаканъ чая и тарелочку съ хлѣбомъ и колбасой. Да еще, когда я попробовалъ спросить: «ну что, Мартыновъ, плохо?» — онъ посмотрѣлъ удивленно и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, почему же? Ничего.

Но пора бы и заговорить Мартынову!

Вообще пора бы остепениться. Учебный годъ кончает-

ся, скоро экзамены, на улицахъ уже появились лотки съ мочеными яблоками. Лично я побаиваюсь гражданскаго права — у насъ Кассо!

Начинаетъ смеркаться. Слышу, какъ Мартыновъ всталъ и умывается.

— Погулять не пойдешь, Мартыновъ?

Онъ входитъ, садится на мою постель и смотритъ на меня молчаливо и задумчиво, какъ нездѣшній. Положительно — пора Мартынову заговорить!

Пока я думаю, какъ ему помочь въ этомъ, онъ заговариваетъ самъ, отведя глаза въ сторону:

— Скажи, Костя, очень гадко это вышло?

— Что?

— Ну, ты знаешь что. Тамъ, у королевы...

— Да, нехорошо, конечно.

Онъ, помолчавъ, продолжаетъ:

— Больше ужъ не увижу ея.

— Вотъ чепуха. Какъ не увидишь? Поѣдемъ къ ней въ воскресенье — и все.

— Нѣтъ, больше не увижу.

— Это я былъ виноватъ, Мартыновъ, ты меня прости.

— Чѣмъ ты виноватъ? Нѣтъ, братъ, тутъ дѣло сложное... то есть не сложное, а совсѣмъ простое.

Хорошо все-таки, что Мартыновъ заговорилъ! Теперь понемногу неприятное забудется.

Мы вышли вмѣстѣ, друзьями, чтобы прогуляться по улицамъ, посмотреть, какъ опускается вечеръ и зажигаются фонари. На нашей улицѣ, на знаменитой Грачевкѣ, пусто; ея жизнь оживляется къ ночи: начинаютъ работать притоны, появляются бойкія дѣвицы и молодые люди съ

шарфами на шеѣ. Прошли Срѣтенку и Лубянку, миновали Китай-городъ, вошли въ Кремлевскія ворота — нечаянно какъ то, не условившись. Было сумеречно, вечеръ предвѣсеннй, воздухъ въ Кремлѣ чистъ, холодокъ пріятенъ. Остановились взглянуть, какъ зажигаются огни въ Замоскворѣчѣ. И тутъ Мартыновъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ вѣдь какъ тутъ хорошо и красиво. И на душѣ миръ, и умирать не хочется.

Никогда не говорилъ Мартыновъ такихъ словъ и такимъ особеннымъ тономъ! Я покосился на него съ удивленіемъ. А онъ продолжалъ:

— Одно слово — Москва! Какъ я бывало мечталъ о Москвѣ, да о Кремлѣ, когда жилъ въ нашей глуши. Вотъ, думаю, только бы попасть въ Москву — а тамъ ужъ все само станется. И буду я не таковъ, какимъ былъ, Ты, вѣрно, тоже о Москвѣ мечталъ?

— Ну, еще бы!

— Вотъ и попали въ Москву. Вотъ и въ Москвѣ.

Помолчали. И опять онъ заговорилъ:

— Мой батька, когда живъ былъ... онъ былъ священникомъ въ селѣ, и былъ у него дьяконъ, оба тоже выпивали... бывало сидятъ вечеромъ передъ бутылкой, закусываютъ только огурцами и все считаютъ: пристань такая то, пересадка, опять пристань... это они будто ѣдутъ въ Москву и на каждой остановкѣ пьютъ. И какъ доѣзжали до Пьянаго Бора — сразу по три рюмки, и дальше ужъ, бывало, и не ѣдутъ. Оба отъ вина сгорѣли. А вотъ мой братъ, онъ совсѣмъ не пьетъ, удержался; и все отцовское наслѣдье мнѣ досталось.

— Ты тоже удержиись, Мартыновъ.

— Что? Да... А видишь Костя, вонъ тамъ, правѣе моста, загорѣлся зеленый огонекъ... Аптека тамъ, что ли? И въ водѣ отражается. Хороша наша Москва, Богъ съ ней! Ты любишь ее?

— Люблю, какъ же ее не любить?

— Да, какъ ее не любить, ежели она — Москва! Ну, Костя, пойдѣмъ.

Когда шли мы обратно, Мартыновъ смотрѣлъ по сторонамъ — и на маковки храмовъ, и на всѣ зданія, въ сумеркахъ сѣрыя, и на царь-пушку, и на темнѣющее небо — точно видѣлъ все впервые по-настоящему, то ли здоровался, то ли прощался. Разстались мы съ нимъ на Лубянской площади: мнѣ нужно было пройти на Покровку къ знакомымъ. Когда разставались, онъ сказалъ какъ то смущенно и будто равнодушно:

— Сестру-то, королеву нашу, скоро увидишь?

— Думаю, на дняхъ; а что?

— Да такъ. Увидишь — кланяйся.

— Поклонюсь.

— Ну, прощай, Костя.

— Прощай, Мартыновъ. Ты домой?

— Домой.

— Я вернусь поздно, только къ ночи.

— Ладно.

Странный сегодня Мартыновъ! Совсѣмъ не какъ всегда. Такой тихій.

Я вернулся домой послѣ двѣнадцати. Дверь мнѣ открыла Марья Ивановна, въ ночной кофтѣ, возбужденная — и зашептала:

— Что было то! Страху то было у насъ!

— А что такое?

— Да вѣдь вотъ счастье, что я зашла! И Фроль Аполлоновичъ дома былъ. Только спать легли. Онъ и срѣзалъ веревку.

— Да что случилось, Марья Ивановна?

— Какъ что случилось? Повѣсился товарищъ вашъ! Повѣсился на крюкъ.

И рассказала мнѣ взволнованнымъ шопотомъ и точно бы съ радостью, какъ она прислушалась, будто стонетъ и будто все возится, и какъ у нея екнуло сердце, что не все ладно, какъ попробовала окликнуть, сперва тихонько, потомъ громче, потомъ постучала въ комнату, а ужъ потомъ вмѣстѣ съ Фроломъ Аполлоновичемъ налегли на дверь — и задвижку сбили.

— А онъ уже виситъ, только еще качается. Я закричала голосомъ, а Фроль Аполлоновичъ побѣжалъ за ножикомъ, а ножикъ тупой, я поддерживаю, а онъ рѣжетъ, едва перепилилъ. Я и удержать не могла — такъ онъ и на полъ рухнулъ.

— И что же теперь?

— Лежитъ. Да ничего, живъ, совсѣмъ очнулся и на постель легъ. Не велѣлъ намъ приходить. А мы не спимъ, васъ ждемъ, слушаемъ — опять бы чего не вышло. Шею то онъ стеръ себѣ. Не знали, бѣжать ли за полиціей, или какъ...

Я на ципочкахъ прошелъ въ комнату Мартынова. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, и на столѣ горѣла свѣча, оставленная Марьей Ивановной.

Я не зналъ, что спросить. Спросилъ:

— Ну, ты какъ, Мартыновъ, ничего?

Онъ открыль глаза, улыбнулся мнѣ грустно и сказалъ:
— Ничего. Ты уйди, Костя. Ты не бойся, я это такъ.
Больше не буду. Это чепуха, глупости.

— А зачѣмъ ты, Мартыновъ?

— Иди, иди, говорю — чепуха. Разъ говорю — не буду, значить не буду.

— Даешь слово?

— Даю слово. Ты иди, спи.

Часа два я лежалъ, прислушиваясь. Изъ комнаты Мартынова, дверь въ которую я оставилъ открытой, доносилось ровное дыханіе. Разъ онъ тихо застоналъ, очевидно во снѣ.

Заснулъ и я.

Я НЕ ВСЕ ПОНИМАЮ

Катя окончила свои двухгодичные архитектурные курсы. То, о чемъ она нѣкогда мечтала съ сіяющими глазами, и чему мы не очень вѣрили, — случилось просто и естественно. Она — одна изъ первыхъ женщинъ-архитекторовъ въ Россіи. И она — на виду, ей обѣщаютъ карьеру, къ ней очень почтительно относятся ея профессора.

Я не замѣчаю въ Катѣ никакой особенной радости. Она довольна — и только.

— Планы будущаго? Ну, тамъ увидится...

Она устроила обѣдъ своимъ профессорамъ и однокурсницамъ. Всѣ они не показались мнѣ людьми интересными. Пріятнѣе другихъ архитекторъ Власевъ, и раньше бывавшій у Кати. На обѣдѣ я замѣтилъ, что къ нему съ особымъ, подчеркнутымъ вниманіемъ относится Евгений Карловичъ и что Катю это не то чтобы безпокоить, а немного удивляетъ. Зато Викторъ Германовичъ, родственникъ Катинаго мужа и нашъ партнеръ по винту, смотритъ на Власева враждебно и былъ бы не прочь съ нимъ сцѣпиться, конечно — въ корректнѣйшемъ спорѣ. Сама Катя выдѣляетъ Власева простотой къ нему отношенія,

какъ къ своему въ домѣ человѣку, — хотя частымъ гостемъ Власьевъ никогда не былъ.

Я, какъ тоже «свой», но только въ значительной мѣрѣ чуждый этой новой компаніи, невольно приглядываюсь. И довольно скоро я прихожу къ убѣжденію, что Власьевъ влюбленъ въ Катю и не умѣетъ этого скрыть, что это замѣчаю не одинъ я, и что знаетъ это и Катя. Ей неприятно? Нѣтъ, я этого не вижу. Но ее это стѣсняетъ.

Къ вечеру большинство гостей уѣхало въ городъ, а мы, оставшіеся, пошли на Сокольничій «кругъ», гдѣ уже начались концерты. Къ моему удивленію пошелъ съ нами и Евгений Карловичъ. Онъ — въ на-рѣдкость хорошемъ настроеніи духа и особенно любезенъ со мной: спрашиваетъ объ университетѣ и даже высказываетъ либеральныя мысли, совсѣмъ ему не свойственныя. Мнѣ начинаетъ казаться, что вотъ-вотъ онъ расскажетъ мнѣ легкомысленный анекдотъ или предложитъ мнѣ вѣчную дружбу: еще никогда такимъ я его не видалъ.

Какъ полагается, мы гуляемъ по кругу. Катя съ Власьевымъ впереди. Иногда она повертываетъ къ нему голову и смотритъ на него съ внимательнымъ изумленіемъ. Власьевъ часто оглядывается, будто случайно, и говоритъ безостановочно. Я чувствую, что мужъ Кати, не отставая отъ меня и продолжая меня занимать, самъ наблюдаетъ за Катей и Власьевымъ. И я не могу понять, почему на лицѣ Евгения Карловича плохо скрытая радость, даже какое-то, довольно противное, торжество.

Пріятно, что Викторъ Германовичъ не пошелъ съ нами. Онъ остался подремать и общалъ, если составится винтъ, быть вечеромъ партнеромъ.

Все это мнѣ не нравится. Братское чувство мнѣ подсказываетъ, что сестру подстерегаетъ какая то опасность, о которой она не догадывается. Но вѣдь возможно, что мнѣ это только кажется.

Обратно я иду съ Катей и ея сокурсницей, а Евгений Карловичъ и Власевъ съ двумя другими дамами. Но дамъ занимается только Евгений Карловичъ, который сегодня исключительно милъ и галантенъ. Власевъ идетъ вмѣстѣ съ ними, но молчитъ или разсѣянно улыбается, когда это ему кажется необходимымъ.

Сейчасъ неудобно, но послѣ я съ Катей поговорю. Только о чемъ же?

Гости, кромѣ одной изъ дамъ, прощаются и уѣзжаютъ въ городъ; въ ихъ числѣ и Власевъ. Евгений Карловичъ долго и сердечно трясетъ руку Власева и проситъ бывать почаще, а по уходѣ его немедленно дѣлается солиднымъ и скупающимъ; очевидно теперь онъ предоставитъ насъ самимъ себѣ и запретъ въ кабинетъ или уѣдетъ въ городъ.

Когда Катя прощается съ Власевымъ, она громко отвѣчаетъ на его тихій вопросъ:

— Я подумаю и скажу вамъ.

Затѣмъ, когда Власевъ отходитъ, она говоритъ, обращаясь ко мнѣ:

— Знаешь, Костя, онъ предложилъ мнѣ работать вмѣстѣ. У него сейчасъ три постройки на ходу, въ томъ числѣ одна очень для меня интересная: зданіе Народнаго Дома.

— Ты согласишься?

— Я хочу подумать. Это не совсѣмъ просто, тѣмъ болѣе, что не все въ Москвѣ, придется иногда уѣзжать.

Евгеній Карловичъ, конечно, слышитъ, но смотритъ въ сторону, гдѣ его заинтересовала собака. Впрочемъ вѣдь Катя говоритъ не съ нимъ, а со мною. И я отвѣчаю Катѣ:

— По-моему — это очень интересно. Я бы на твоёмъ мѣстѣ согласился. Тѣмъ болѣе, что Власевъ — очень видный архитекторъ; и человѣкъ пріятный.

— Даже слишкомъ видный, чтобы работать съ нимъ, какъ онъ мнѣ предложилъ, на равныхъ началахъ. Я что то даже не совсѣмъ поняла его. Но мы еще поговоримъ съ нимъ.

Евгеній Карловичъ не нашелъ собаку достаточно породистой, и теперь идетъ домой впереди насъ, хотя это не деликатно, такъ какъ съ нами дама. Но онъ уже не хочетъ быть обаятельнымъ.

Дама, наша спутница, поздравляетъ Катю:

— Вы сдѣлаете блестящую карьеру! Сколько мужчинъ вамъ позавидуютъ.

По глазамъ дамы, впрочемъ довольно добродушной, я вижу, что позавидуютъ Катѣ не одни мужчины.

Что то такое произошло, чего я еще не усвоилъ и не разобралъ. Я вижу одно: Катя тоже не все понимаетъ и явно обезпокоена. Казалось — она должна бы радоваться и окончанію курсовъ и своему успѣху, а этой радости я въ ней не вижу. Что то ее тревожитъ. Что?

Мы проводимъ довольно скучный вечеръ. Дама плохо играетъ въ винтъ, Викторъ Германовичъ едва сдерживается, и послѣ трехъ роберовъ мы съ удовольствіемъ покидаемъ столикъ.

Я охотно остался бы переночевать у сестры, но на носу экзамены — нужно съ утра засѣсть за лекціи. Даже Мартыновъ, который въ послѣднее время очень остепенился, — даже онъ зубрить по цѣлымъ днямъ и никуда не выходитъ. Два экзамена онъ уже сдалъ; а у меня первый на этой недѣлѣ.

И это весной! Развѣ для того весна, чтобы гнуть спину надъ книгами? Какая нелѣпость!

КЪ МАМЪ

Когда весна только-только начинается, — первыми вянуть мѣховыя шапки и шапочки, за ними старѣютъ, линяютъ и дѣлаются смѣшными и неумѣстными шубы, пальто и теплыя перчатки, пальцы которыхъ къ этому времени уже не переносятъ дальнѣйшей починки. Затѣмъ внезапно всѣ дѣвушки хорошеютъ, и не потому, что ихъ красить весенній нарядъ, а просто потому, что онѣ въ это вѣрятъ. Что касается до насъ, студентовъ, то мы раньше всѣхъ выходимъ гулять безъ пальто.

И небо уже не просвѣчиваетъ сквозь вѣтки деревьевъ Тверского Бульвара. Акварель кончилась — начинается масло лѣтнихъ красокъ. Городская весна приходитъ быстро, сразу распускается, но держится подолгу, потому что она и въ городѣ, какъ въ деревнѣ, все-таки медлительна, все-таки она русская весна, а не какая нибудь.

И когда экзаменамъ подходитъ конецъ — уже все цвѣтеть давно, а иной листь-скороспѣлка успѣлъ пожелтѣть и лежить на дорожкѣ, плохо усыпанной пескомъ. Можетъ быть, впрочемъ, это былъ больной листикъ. Почтальонъ принесъ деньги, — и это деньги на дорогу, ихъ не истра-

тишь, ихъ удержишь. Еще недѣля, только одна недѣля. Уже заранѣе дѣлается жаль Москвы — скоро разстанемся.

Впереди идетъ стройная и высокая дама, одѣтая съ особымъ изяществомъ, подъ руку съ господиномъ въ сѣромъ пальто. Сѣрое пальто знакомо мнѣ по походкѣ. И усы. И профиль. Это — архитекторъ Власьевъ. А съ нимъ — да вѣдь это Катя въ новомъ весеннемъ костюмѣ, котораго я еще не видалъ!

Я догоняю ихъ не сразу. Мнѣ пріятно неожиданно встрѣтить въ городѣ сестру. Но я чувствую, что Власьевъ будетъ не очень доволенъ нашей встрѣчей. Вѣроятно онъ провожаетъ Катю послѣ работы и хотѣлъ бы подольше остаться съ ней вдвоемъ. Какъ хорошъ сейчасъ воздухъ, какъ пріятно пройти подъ-руку съ красивой женщиной. Завидую Власьеву! Завидую, что Катя ему не сестра.

Я подхожу сзади со стороны Кати и слышу ея голосъ:

— Я-то понимаю... Я отлично все понимаю, вѣдь я не малый ребенокъ. И сердиться мнѣ не за что, я вамъ вѣрю. Но неужели вы не можете...

И Катя внезапно обертывается: она услышала и узнала мои шаги.

— Костя?

Она высвобождаетъ руку, прижатую Власьевымъ, и бросается ко мнѣ съ настоящей радостью:

— Какъ хорошо, что я тебя встрѣтила! Ты изъ университета? Я хотѣла сейчасъ къ тебѣ заѣхать, но боялась не застать дома. У меня къ тебѣ дѣло, и такое... ты никогда не догадаешься.

Власьевъ здоровается и старается быть привѣтливымъ;

но видъ у него немного убитый. Во всякомъ случаѣ я ему больше не завидую.

— Ты можешь, Костя, поѣхать сейчасъ ко мнѣ?

— У меня экзамень, Катя.

— Завтра?

— Нѣтъ, черезъ три дня. Послѣдній. Впрочемъ — пустяковый, готовиться почти не нужно. Всѣ важные я сдалъ.

— Ну вотъ что, Костя, мы дойдемъ вмѣстѣ до Страстного, а тамъ возьмемъ извозчика и поѣдемъ къ тебѣ, только на полчаса. Нужно рѣшить одно дѣло.

— Я съ вами распрощаюсь здѣсь, — говоритъ Власьевъ. И видъ у него совсѣмъ не счастливый. Почему то мнѣ это пріятно.

Катя протягиваетъ ему руку:

— Завтра мы увидимся въ студіи.

— Слушаю.

— Я боюсь, что работу сегодня не подготовлю. Ничего?

— Пожалуйста.

— А дня черезъ два — непременно сдамъ вамъ все, и тогда...

Власьевъ приподымаетъ голову въ ожиданіи, а Катя продолжаетъ:

— ...и тогда вы дадите мнѣ отпускъ на мѣсяць, а то и немножко больше.

— Отпускъ? Дѣло ваше — но почему?

— Я вамъ послѣ скажу. Я, кажется, уѣду.

Онъ молча кланяется, слишкомъ рыцарски и почтительно, и мы уходимъ.

— Куда ты хочешь уѣхать, Катя?

Она смѣется возбужденно и весело:

— Никуда не собиралась, а вотъ сейчасъ, какъ тебя увидела, нечаянно рѣшила. И я, Костя, ужасно рада! Я поѣду съ тобой къ мамѣ.

— Нѣтъ — правда, Катя?

— Ну да. Мнѣ хочется видѣть Волгу и Каму, и я соскучилась по мамѣ.

— Мама будетъ такъ счастлива!

— И я буду счастлива.

— И я!

— Мы всѣ, Костя. И это мнѣ необходимо, уѣхать. Какъ это удивительно вышло, что я тебя встрѣтила на бульварѣ. Точно судьба! Ты былъ мнѣ въ эту минуту всѣхъ нужнѣе.

— Какое же у тебя ко мнѣ дѣло?

— Дѣло? Да никакого. Вотъ только это. Хочешь — поѣдемъ на Воробьевы горы или куда вздумается? Я не лочу домой. Сегодня чудесный день.

— Ты хотѣла ко мнѣ?

— Нѣтъ, я просто хотѣла побыть съ тобой подольше, если ты только можешь, если твои лекціи подождутъ. Я, кстати, голодна. Ты не обѣдалъ еще? Хочешь — поѣдемъ въ «Прагу»?

— Лучше пройдемъ пѣшкомъ, это вѣдь почти рядомъ.

— Ну вотъ и чудесно. Дай мнѣ руку. Я тебя сегодня угощаю обѣдомъ. А скоро, Костя, мы будемъ ѣсть пьяноборскихъ раковъ и стерлядь кольчикомъ — на пароходѣ. Какая прелесть!

Мы обѣдали въ «Прагѣ» и даже пили вино. Катя была

такъ весела и казалась такой счастливой, что я не могъ приписать это только весеннему воздуху. Что то съ ней произошло.

Когда мы въ третій разъ чокнулись стаканами, она мнѣ сказала:

— Я вѣрю въ судьбу. Мнѣ сегодня очень нужно было немножко семьи, а здѣсь, въ Москвѣ, моя семья — только ты. Не къ Лизѣ же итти мнѣ съ моими горестями! А дѣтямъ не расскажешь. Мама далеко...

— Какія у тебя горести?

— Горестей, пожалуй, никакихъ нѣтъ, т. е. новыхъ. А могло бы случиться многое. Ну, теперь мы поѣдемъ къ мамѣ. Вотъ чудесно!

— Ты думаешь надолго поѣхать?

— Ну, на мѣсяць, на два, пока поживется. Мнѣ не хочется быть сейчасъ въ Москвѣ.

— Тутъ при чемъ то Власьевъ?

— Онъ тебѣ не нравится?

— Почему же, онъ пріятный человѣкъ.

— Да, онъ хорошій человѣкъ. Онъ мнѣ нравится очень. Но, конечно, онъ такой же, какъ всѣ.

— Онъ объяснился тебѣ въ любви?

Она отвѣтила задумчиво:

— Это то ничего. Можетъ быть онъ и дѣйствительно меня любить. Это то ничего...

— А что же?

Катя отчетливо сказала фразу, которая, должно быть, давно въ ней сложилась и которую она часто мысленно повторяла:

— Видишь, Костя, нигдѣ и никогда ничего нельзя най-

ти, никакой нельзя придумать себѣ жизни, чтобы сейчас же передъ тобой не оказался человекъ, который смотритъ поверхъ твоихъ желаній и интересовъ, и который ждетъ отъ тебя одного и того же... Будь онъ самый хорошій... Сначала ему нужна ты, а твоя жизнь — дѣло второе. И сразу все рушится. И такъ всегда.

Мнѣ было пріятно, что сестра такъ откровенна со мной. Я казался себѣ какъ бы старшимъ братомъ, призваннымъ обсудить ея «дѣло» и дать ей мудрый совѣтъ.

— Ты странная, Катя. Но вѣдь такъ ужъ міръ устроенъ, и ничего въ этомъ дурного нѣтъ. По-моему, если тебѣ, напримѣръ, нравится Власевъ, ты могла бы развестись съ Евгениемъ Карловичемъ и выйти за Власьева замужъ.

Она посмотрѣла на меня удивленно, но спокойно отвѣтила:

— Да, конечно.

— Или... значить ты его не такъ любишь.

— Не знаю, вѣроятно.

— Такъ въ чемъ же дѣло, Катя?

Она отвѣчала разсѣянно:

— Дѣло въ томъ, что... я вѣдь говорю: такъ всегда и будетъ. Это очень трудно объяснить, Костя, и понять трудно. Нужно быть женщиной... Вотъ поэтому мнѣ такъ хочется къ мамѣ. Мы поѣдемъ, правда?

— Конечно, поѣдемъ.

— Ну — вотъ и все. Вотъ и хорошо...

ВЪ ПРЕДУТРИИ

Въ юности, когда я еще всерьезъ мечталъ сдѣлаться заправскимъ писателемъ и еще не угадывалъ, что жизнь моя незамѣтно протечетъ въ работѣ, можетъ быть и полезной, но далекой отъ области литературы, — я нерѣдко, любуясь картинами природы, мысленно пытался воссоздать ихъ въ словѣ. Никто тогда не сказалъ мнѣ, что перо, даже въ рукахъ человѣка, всю жизнь посвятившаго искусству слова, бессильно изобразить неизмѣримую и поистинѣ земную, близкую намъ, почти домашнюю красоту тѣхъ мѣстъ, по которымъ лежалъ нашъ съ сестрой путь изъ Москвы на нашу пріуральскую родину.

Теперь, лучше зная безсиліе искусства и полную безпомощность собственнаго пера, — я отсылаю къ ихъ воспоминаніямъ тѣхъ моихъ читателей, которымъ есть что вспомнить, и изъ памяти которыхъ картины чахлой европейской природы не вытѣснили очарованья Камы, Волги, Урала, нашего сѣвера и нашей Сибири. Милостью судьбы, не скрывшей отъ меня ни одного уголка Европы — ни лазурныхъ береговъ ея Юга, ни ея скандинавскихъ красотъ — я могъ провѣрить свои давнія впечатлѣнія, могъ сравнить, и могу теперь сказать со спокойной увѣренностью:

— Все, что есть прекраснаго здѣсь — есть и у насъ; но и средняго нашего не найти нигдѣ въ Европѣ.

И я не буду лицемѣрить: это сознаніе вновь до краевъ наполняетъ русской гордостью мою душу, опустошенную рядомъ иныхъ, слишкомъ невыгодныхъ для насъ сравненій. Затерянный, затолканный въ толпѣ чужихъ, самоувѣренныхъ, презрительныхъ людей, — я снова чувствую себя сыномъ и гражданиномъ великой, богатѣйшей и прекраснѣйшей изъ странъ. И, страдая ея сегодняшними бѣдами, я радостно улыбаюсь ея будущему.

Я въ него крѣпко вѣрю. Это дѣлаетъ меня счастливымъ.

.....

Въ тѣ дни цвѣла липа, и нашъ пароходъ разомъ разсѣкалъ и воды Камы и воздухъ, густо напитанный цвѣтеньемъ этого милаго и ласковаго дерева. По ночамъ не спалось въ каютѣ, хотѣлось дышать сладкой свѣжестью рѣки и любоваться отраженьемъ въ спокойной водѣ высокаго берега, освѣщеннаго луной.

Гудѣлъ шедшій сверху встрѣчный пароходъ, короткимъ басомъ отвѣчалъ нашъ, матросъ выходилъ изъ будки и размахивалъ фонаремъ — и тамъ мелькалъ такой же фонарь на лѣвомъ борту.

А иногда на насъ надвигался едва видный ночью длинный плотъ съ горящимъ на немъ костромъ, намъ кричали въ рупоръ: «Лег-ше-е!», мы задерживали ходъ, — и все-таки голоса на плоту провожали насъ очень сложной бравью. Это была особая водяная жизнь, иплыли мы въ объятяхъ трехъ стихій, очарованные музыкой ночи.

Когда луна скрылась, мы разошлись по каютамъ; какъ

ни прекрасна ночь, но вѣдь и утро прекрасно, и его было бы стыдно проспять. Мы встанемъ завтра пораньше и будемъ пить чай на палубѣ.

Эти трехдневныя прогулки на пароходѣ, въ концѣ и въ началѣ учебнаго года, были для меня не только наслажденіемъ, но и днями итоговъ прожитого и плановъ будущаго. Сейчасъ я въ послѣдній разъ ѣхалъ на родину студентомъ; будущимъ лѣтомъ я вступлю въ жизнь уже какъ взрослый человѣкъ, — и въ этой жизни долженъ буду ясно опредѣлить свое мѣсто. И какъ ни былъ я молодъ и самоувѣренъ, я все же понималъ, что будущій путь моей жизни, весь путь, опредѣлится послѣднимъ годомъ студенчества. Обдумать и намѣтить его — осталось не такъ много времени. А что я знаю? Куда я хочу пойти? Не выйду ли я на бездорожье въ чистое поле?

Въ каютѣ, гдѣ всегда немного пахнетъ краской и мятымъ паромъ, было душно, и я долго не могъ заснуть. Занавѣска на окнѣ посвѣтлѣла — близилось утро. Я одѣлся, не забывъ и теплаго пальто, и вышелъ на палубу.

Рѣка и ночью и днемъ постоянно мѣняетъ цвѣтъ и оттѣнки — въ томъ ея главное очарованье. Былъ первый свѣтъ утра, которое рождалось въ легчайшемъ туманѣ и неясныхъ очертаніяхъ. Я прошелъ на носъ парохода, дивясь безвѣтрію и любуясь борьбой ночи и утра.

И тамъ я увидѣлъ сестру, которая тоже не спала и вышла въ тепломъ капотѣ и оренбургской шали. Она сидѣла на палубной скамейкѣ, подобравъ ноги и сгорбившись. Когда я подошелъ, она не удивилась, что я не сплю, не двинулась и только взглянула на меня мутно глазами, полными слезъ, которыхъ она не вытирала.

Я не спросилъ, почему сестра плачетъ, — почувствовалъ, что спрашивать нельзя. Въ полусумракѣ ранняго утра лицо Кати показалось мнѣ некрасивымъ, осунувшимся, постарѣвшимъ. Можетъ быть мнѣ не слѣдовало подсаживаться къ ней, но теперь уйти было уже нельзя.

Мы сидѣли рядомъ не менѣе получаса — и слезы Кати все лились, ровно и безудержно. Если бы она рыдала, билась въ истерикѣ, ломала руки, — было бы понятнѣе и легче. Но я видѣлъ, что у нея нѣтъ силъ даже пошевелиться. Слезы не смачивали шерсти ея шали и скатывались на колѣни.

Стало свѣтлѣе, сидѣть было холодно. Я не зналъ, что дѣлать, и смотрѣлъ на бѣгущій берегъ, чтобы не смотрѣть на Катю.

Наконецъ она пошевелилась, и я рѣшился сказать:

— Холодно. Ты не пойдешь въ каюту?

Она не отвѣтила, но сдѣлала попытку встать. Я помогъ ей, и она оперлась на мою руку. Я довелъ ее до двери каюты, какъ больную или старую женщину, и слышалъ, какъ она опустилась на диванъ. Я подождалъ у двери, — больше ничего не слышно.

Помню, — я не задалъ себѣ вопроса, почему сестра плачетъ, что могло вдругъ такъ сломить ее, всегда такую бодрую и выдержанную? Я увидалъ ее горе — и принялъ его, какъ естественное. Оно меня огорчило, но какъ то не поразило неожиданностью; можетъ быть потому, что я увидалъ его нечаянно, въ часъ, когда всѣ, кто не спятъ, живутъ своимъ — не ожидая свидѣтелей. Можетъ быть это была не первая Катина ночь въ слезахъ, — только рань-

ше я не видалъ ея. Вѣдь и я не всегда былъ наединѣ такимъ, какъ на людяхъ.

Я очень озябъ и утомился. Закутавшись потеплѣе, я не успѣлъ задуматься надъ Катиной жизнью, еще одна страничка которой мнѣ только что открылась. Ровный стукъ паровой машины хорошо убаюкиваетъ.

О ЧЕМЪ ПЛАКАЛА КОРОЛЕВА?

Въ послѣдній день нашей чудесной прогулки мы много говорили, и сестра впервые была со мной до конца откровенна. Она сказала мнѣ:

— Ты не подумай, что я тогда плакала изъ-за разлуки что ли... Тутъ, Костя, совсѣмъ другое. Мнѣ очень нравится Власевъ, очень, я тебѣ говорила. Вѣдь онъ отличный человѣкъ, и талантливый. И онъ меня любитъ, я знаю. Но онъ любитъ меня по своему, а не такъ, какъ мнѣ нужно. Я не осуждаю, но я такъ не могу. Ты понимаешь?

— Нѣтъ, Катя. Какъ же ты хочешь, чтобы тебя любили?

— Это такъ трудно объяснить... Ну вотъ мы работаемъ вмѣстѣ — планы тамъ, чертежи, вычисления. Меня это увлекаетъ. И въ каждую минуту я чувствую на себѣ его взглядъ, если даже онъ въ дѣйствительности и не смотритъ на меня. И взглядъ особенный, какъ смотрятъ мужчины на красивую женщину.

— Это такъ естественно.

— Можетъ быть — но я не хочу. Онъ здоровается со мной за руку — и въ его пожатіи нѣтъ простоты; иногда онъ передаетъ мнѣ какую нибудь бумажку, серьезно, безъ

улыбки, — а я вижу и чувствую, что онъ не просто на меня смотритъ, а точно дотрагивается до меня глазами, воровски и очень не хорошо. Онъ очень выдержанъ, я ни въ чемъ его не могу упрекнуть, — но я передъ нимъ стою... ты меня, Костя, прости... точно neodѣтая, и мнѣ хочется закрыться и отстраниться. И это такъ неприятно, такъ мучительно.

— Я думаю, это оттого, что ты его не любишь. Если бы любила — тебѣ бы это было даже приятно.

— Приятно? Нѣтъ, никогда! Я, Костя, женщина, я очень женщина, и чувствую, какъ женщина, и все я знаю. Но, понимаешь, есть моменты... нельзя такъ подходить къ женщинѣ, это обидно! Можно потомъ, когда уже близость... въ какой то особой обстановкѣ. Но съ этого начинать... очень трудно тебѣ объяснить. Стыдное я тоже могу любить — но тайно, не говоря объ этомъ во всякую минуту, не убивая этимъ другое. Нужно приблизиться по-немногу, можетъ быть даже что то скрыть, я не знаю...

— Оцѣнить въ женщинѣ человѣка?

— Да, хотя это, конечно, звучитъ слишкомъ сухо и торжественно, или казенно, какъ формула. Оцѣни или недооцѣнивай, только подойди просто, безъ этой... чувствительной дрожи. Я бы простила даже невѣжливость и грубость, а вотъ съ этимъ помириться не могу. Вотъ твой Мартыновъ — онъ взялъ да и опрокинулъ столъ.

— Ну, онъ былъ пьянъ.

— Пьянъ, а не позволилъ себѣ того, что позволяетъ иной трезвый и разумный человѣкъ. Никогда Мартыновъ не смотрѣлъ на меня дурно или обидно! И я его очень уважаю.

Я улыбнулся: стоит ли говорить о Мартыновѣ!

Потомъ она говорила:

— Вотъ и у твоей сестры былъ романъ; правда — довольно смѣшной. Ты знаешь, тогда на бульварѣ, когда я тебя встрѣтила, онъ мнѣ «объяснился». То есть объясняться то было, конечно, нечего, и такъ ясно было, но онъ считалъ нужнымъ изложить все это на словахъ, въ соответствующихъ выраженіяхъ. Это было немножко смѣшно и настолько трогательно, что я въ него почти влюбилась. Онъ понялъ, и сразу сталъ говорить о какихъ то своихъ надеждахъ, хотя, повторяю, онъ очень хорошій и порядочный человекъ.

— И что же ты отвѣтила?

— Я хотѣла отвѣтить, что слова его излишни, что я и безъ нихъ все знаю и понимаю. Но я не успѣла сказать, какъ подошелъ ты, и я внезапно рѣшила, что уѣду съ тобой и тѣмъ кончатся всѣ возможные объясненія.

— Ты назначила ему встрѣчу на другой день?

— Да, но я не была. Я написала ему письмо, очень коротенькое, и отослала свою работу.

— И вы больше не видались?

— Нѣтъ. Я бы могла, конечно, но мнѣ не хотѣлось.

— Вы еще встрѣтитесь.

— Нѣтъ, Костя. То есть встрѣтятся мы, конечно, можемъ, но тотъ разговоръ не вернется. И я не позволю, и онъ не захочетъ.

— Какой же это тогда романъ! И какіе вы не живые люди!

Катя размѣялась. Она уже успокоилась совершенно.

— Да, это не романъ. Это — попытка твоей сестры имѣть свой романъ. Неудачная попытка.

— Тебѣ не жаль, Катя?

— Да, мнѣ жаль. Но иначе не могло быть. И мнѣ кажется, что мама меня одобритъ.

— Ты все ей расскажешь?

— Да, все. И про домъ, и про это. Я затѣмъ и ѣду къ мамѣ. Костя, ты не думай, что я трусливая или холодная. О, я на все могла бы пойти! Но я такъ трудно жила — и столько лѣтъ! — что ни на какой дешевой выходъ уже не способна.

— Ты — наша королева!

— Вотъ. Я — королева, которая плачетъ о томъ, что она не пастушка. Плачетъ подъ утро на палубѣ парохода...

ВОЛОСЬ

Мнѣ очень памятно лѣто, которое мы съ сестрой провели у матери въ провинціи. Никакихъ событій не было, и памятно мнѣ оно только тѣмъ, что вотъ опять я видѣлъ Катю-прежнюю, какою жила она когда-то съ нами. Хоть и не та дѣвочка, что, ожидая ребенка, играла въ куклы и обижалась, когда надъ ней подсмѣивались, — а все-таки прежняя, домашняя, какъ будто бы она и не покидала нашего дома, всегда жила съ мамой и не была отрѣзаннымъ ломтемъ. Такъ было намъ хорошо съ нею, что и мнѣ начинало казаться, будто и я не студентъ на выпускѣ, не почти готовый мужчина, а недавній «старый директоръ», Котикъ во фланелевомъ костюмчикѣ, азартный игрокъ въ бабки, котораго за эту страсть запираютъ вмѣстѣ со старшей сестрой въ темный чуланъ.

У мамы въ маленькой ея квартирѣ было намъ тѣсно, но хотѣлось оставаться вмѣстѣ. Я днемъ пропадалъ, болтался со старыми пріятелями, особенно усердно катался на лодкѣ, удиль, иногда уѣзжалъ съ ружьемъ на охоту въ лѣсъ, который начинался сейчасъ же за городомъ. Рѣка притягивала и Катю, и нѣсколько разъ мы катались вмѣстѣ: плыли обычно до острова, тамъ высажи-

вались, лежали на пескѣ на отмели или забредали въ густой кустарникъ, просто такъ, чтобы крѣпче обняться съ природой и отдохнуть душой. Но чаще Катя оставалась съ матерью. И никакъ я не думалъ, что такъ много у нихъ темъ для разговоровъ. Дня не хватало — и онѣ, какъ и прежде бывало, шептались по ночамъ. Шепчутся-шепчутся, а на утро Катя ходитъ по комнатѣ на цыпочкахъ, — значить свершается въ ней что то важное. Мама къ ней добрая, ласкаетъ ее, думаетъ о ней, помогаетъ. Все это я видѣлъ, и я понималъ, что материнскіе совѣты Катѣ важнѣе и нужнѣе, чѣмъ моя дружеская и братская болтовня.

Сестра прожила съ нами два мѣсяца, все время съ мамой, не заводя знакомствъ и не возобновляя старыхъ. Помню, только одна гимназическая подруга навѣстила ее — и онѣ проговорили до вечера. А когда она ушла, Катя сказала:

— Странно, вотъ я живу въ Москвѣ, а она въ провинціи. Обѣ мы замужемъ, у обѣихъ дѣти. Но выходитъ, что я — ужасная провинціалка и отсталая женщина. То, что она мнѣ рассказала про свою жизнь, просто невозможно. Какъ она можетъ, ну какъ она можетъ! И, главное, она себя чувствуетъ довольной и счастливой. Я бы... не знаю... да просто я такъ не могла бы. А когда то мы, гимназистками, были очень близки и дружны, вмѣстѣ мечтали. Ни у меня, ни у нея изъ этихъ мечтаній ничего не вышло. Но она нашла совсѣмъ другое — и утѣшилась, а я...

— Ты все еще мечтаешь?

— Нѣтъ... Но только я ничего не нашла.

Ночью сестра и мать опять долго-долго шептались. Маминъ шопотъ былъ, какъ всегда, ровень и спокоень, а Ка-

тя шептала взволнованно, такъ что иногда доносились до меня отдѣльные слова. Она говорила что то о домѣ и о дѣтяхъ. Были ея жалобы водопадомъ, а мамины слова — тихимъ ручейкомъ. И побѣждалъ, конечно, ручеекъ.

Когда Катя уѣзжала въ Москву, я поѣхалъ проводить ее до ближайшей пристани — часахъ въ трехъ воднаго пути. Былъ дождливый день, и мы сидѣли въ рубкѣ парохода. Катя подошла къ зеркалу поправить волосы и потомъ подозвала меня:

— Хочешь взглянуть?

— Что такое?

— Вотъ — сѣдой волосъ; первый снѣгъ.

— Просто больной. Рано тебѣ сѣдѣть.

— Нѣтъ, онъ сѣдой, и не одинъ.

— Ты очень огорчена?

— Чѣмъ? Что я посѣдѣю? Нѣтъ, Костя. Вонъ мама совсѣмъ сѣдая, и ты когда нибудь посѣдѣешь. Все это не важно.

— А что, Катя, важно?

— Что важно? Важно — во время это замѣтить. И очень важно помнить, что это неизбежно. Тогда не будешь такъ огорчаться и легче опредѣлишь свое мѣсто.

— Тебѣ мама внушила такія мысли?

— Мама сказала мнѣ много хорошаго. Только бы найти въ себѣ достаточно силы...

Мы обнялись. Съ парохода сестра долго махала мнѣ бѣлымъ шарфомъ. Было грустно съ ней разставаться. Пароходъ прощался съ берегомъ свистками. Дождь продолжалъ моросить.

Около часу я ждалъ на пристани встрѣчный пароходъ.

На берегу была непролазная грязь; ею зашлепаны были мостки и полъ въ комнатѣ, гдѣ нѣсколько человѣкъ ждали парохода. На окнахъ — большія сонныя мухи. Я вспомнилъ, какъ мальчикомъ на такихъ мухъ ловилъ съ пристаней рыбу: только опустишь лесу съ приманкой, — бросается на нее цѣлая толпа рыбешекъ. Среди ожидавшихъ парохода была семья богатаго татарина. Самъ онъ былъ уже довольно старъ, а жена его молода и должно быть хороша собой; но она прятала лицо — только черные глаза поблескивали. Подсѣлъ къ нимъ сельскій батюшка. Разговаривали мирно, солидно.

— Вотъ — живутъ люди! Будемъ жить и мы.

Лѣто быстро пройдетъ. Прощусь съ матерью — и опять въ Москву, заканчивать свою науку. Дальше — видно будетъ. Мать стала совсѣмъ старенькая. Можетъ быть вернуться къ ней, найду себѣ службу въ провинціи. Женюсь. А можетъ быть потокомъ жизни унесетъ меня далеко, совсѣмъ въ новые края. Этотъ годъ долженъ рѣшить многое.

О чемъ сейчасъ думаетъ Катя? О своемъ сѣдомъ волосѣ? О «неудачномъ романѣ»? Или она плачетъ? Или смотритъ, сквозь сѣтку мелкаго дождя, на высокій берегъ рѣки?

Татаринъ вышелъ наружу, потомъ вернулся и сказалъ: — Идетъ снизу нашъ!

Батюшка радостно закивалъ, татарка покосилась на меня чернымъ глазомъ, и мнѣ стало веселѣе. Всѣ стали готовить вещи. Мухи на окнахъ не проявили никакого волненія: онѣ привыкли къ тому, что жизнь проходитъ мимо нихъ.

БЕСѢДА

Въ одинъ изъ первыхъ дней по прїѣздѣ въ Москву я встрѣтился на Тверской съ Власьевымъ.

— Здравствуйте.

— Ахъ, здравствуйте!

Мы пожали другъ другу руки и не знали, о чемъ говорить.

— Гуляете?

— Да, такъ, дѣлать нечего.

— Я приблизительно тоже. Не зайдѣмъ ли къ Филиппову выпить кофе?

Власьевъ показался мнѣ сѣренькимъ, — а обычно онъ былъ бодрымъ и элегантнымъ. Можетъ быть дѣйствительно скучаетъ, или хочетъ такимъ казаться.

— Вы вѣдь въ этомъ году кончаете?

— Да.

— И что же дальше? Останетесь въ Москвѣ?

Всѣ эти вопросы — лишь для разговора. А оба мы въ эту минуту думаемъ о Катѣ. Я знаю, что она съ Власьевымъ не встрѣчалась. Ему, конечно, хочется разспросить меня о ней. Мнѣ какъ то жалко Власьева — прїятный человѣкъ, дѣльный. Разъ ужъ онъ нравился Катѣ — зна-

читать онъ этого заслуживалъ. Ощущаю въ душѣ снисходительную къ нему ласковость.

— Бываете часто въ Сокольникахъ?

— Нѣтъ, у насъ начались лекции.

Онъ рѣшается сказать:

— Очень обидно, что ваша сестрица бросила архитектуру. Она такъ талантлива, могла сдѣлать большую карьеру.

— Да. Она точно такъ же бросила и музыку. А ей сулили успѣхъ.

Туго подвигается наша бесѣда. Я вижу, что Власьеву не хочется со мной разстаться. Изъ кофейной Филиппова мы проходимъ на бульваръ. Онъ интересуется, пью ли я пиво. Въ его время студенты любили собираться въ пивнушкѣ вонъ тамъ на углу. Хотите?

Пивнушка довольно грязна. Бильярдъ накрытъ рванымъ зеленымъ коленкоромъ, маркеръ дремлетъ. За бутылкой дурного и крѣпкаго пива, къ которому намъ подали мятныхъ пряничковъ и кусочки воблы, разговориться легче. Оказывается, что мы съ Власьевымъ давно чувствуемъ другъ къ другу большую симпатію. Мы чокаемся и ласково смотримъ другъ другу въ глаза. У него глаза большіе, сѣрые и, дѣйствительно, немного грустные.

— Ваша сестра какъ то говорила, что вы — ея единственный другъ, что она къ вамъ очень привязана.

— Да. Это съ дѣтства. Я мальчикомъ любилъ ее, пожалуй, больше, чѣмъ мать. Насъ въ чуланъ вмѣстѣ запирали.

— За что же это?

— Меня такъ, за шалости, а ее со мной, чтобы мнѣ не было страшно. Мы и подружились.

Мнѣ пріятно хвастаться дружбой съ Катей. Власьевъ пьетъ горькое пиво и, кажется, немного хмелѣть. Смотри въ сторону, онъ говоритъ:

— Для васъ, вѣроятно, не новость, что я отношусь къ вашей сестрѣ съ исключительной... съ исключительнымъ...

Онъ не можетъ придумать слова. Я молчу.

— Или, скажемъ проще, я очень былъ... и есть... увлеченъ ею. Она объ этомъ знаетъ. Я могъ бы сказать, что я ее любилъ.

Я все-таки молчу. Пусть исповѣдуется, вѣроятно это ему нужно. Онъ продолжаетъ:

— Удивительная она женщина! Другой такой не можетъ быть. И не думаю, чтобы она была счастлива въ жизни.

И все-таки я молчу. Я самъ знаю, что такой женщины, какъ Катя, больше на свѣтѣ нѣтъ. А Власьевъ говоритъ:

— Я тоже несчастливъ. Вотъ я работаю по прежнему, и на курсахъ, и частнымъ образомъ. И все-таки — чортъ знаетъ, чѣмъ все это кончится! Можетъ быть удеру за границу года на два.

За третьей бутылкой онъ гладитъ меня по рукаву и нетвердо говоритъ:

— Когда испытаете съ мое — поймете. Меня поймете. А ее — ея никто не пойметъ. И я не понимаю; люблю — а не понимаю. За что меня такъ отталкивать? Развѣ я — дерзкій человѣкъ? Или развѣ я что позволилъ себѣ? Вотъ клянусь — никогда! Если бы она хотѣла, только бы одно слово сказала — вы понимаете, вѣдь я — человѣкъ сво-

бодный, и я молодой, у меня хорошее положеніе. Если бы я ей былъ противень, что ли, а вѣдь нѣтъ, я знаю. Она мнѣ сама говорила: вы мнѣ нравитесь, а только... А что только? Семья! Эхъ, какая тамъ семья! Мужъ ея — вѣдь всѣ про него знаютъ, да онъ ужъ и старъ. Вотъ вы — юноша и правдивый человѣкъ, и сестру любите — скажите: развѣ ея жизнь сладка? Развѣ ей такая жизнь нужна? Ну?

— Ей жить не легко.

— Вотъ! Какое пиво дрянное, въ голову бросается. Вы простите меня, что я такъ откровененъ. Мнѣ очень скучно, радъ, что васъ встрѣтилъ. Я на васъ, понимаете, переносу это чувство.

— Спасибо.

— Тутъ не спасибо, а... Вы вотъ скажите, что же мнѣ дѣлать?

— Не знаю.

— Не знаете... И я не знаю. Надо намъ еще спросить бутылку, хотя ужасная дрянь. Отвыкъ я отъ пива, что ли... Мнѣ, дорогой мой, такъ плохо, такъ плохо, что и сказать трудно.

Оказывается — я крѣпче Власьева, или больше привыкъ къ дрянному пиву. И такъ какъ я трезвѣе его, то я его немного презираю: тряпка! И эта тряпка, этотъ нытикъ несчастный, смѣлъ думать о Катѣ! А Катѣ нуженъ герой — если ей нуженъ ктонибудь.

— Эхъ, — говорить Власьевъ, — закатиться что ли. Хотите, закатимся куда-нибудь?

— Нѣтъ, я не хочу закатываться.

— Отчего? А впрочемъ — я вѣдь тоже не хочу, я только такъ, отъ тоски...

Мы выходимъ, и онъ говоритъ:

— Вы ей скажите, что я, Власьевъ, какъ былъ, такъ и теперь...

— Ничего я ей не скажу.

— Что? Вы не хотите?

Я зло и грубо отвѣчаю:

— Я не почтальонъ. Хотите — скажите сами.

Онъ трезвѣтъ:

— Ну, зачѣмъ же такъ. Вы меня простите, я не хотѣлъ. Только вѣдь какъ же я могу сказать. Ъхать къ ней я не смѣю, и писать нельзя — она мнѣ запретила. Случайно?

— Ну и не смѣйте. А меня это не касается.

— Вонъ вы какой...

— Да ужъ такой.

Мы идемъ молча. На перекресткѣ я подаю руку и говорю:

— Мнѣ здѣсь направо, до свиданья.

Власьевъ молча прощается. Онъ, повидимому, смущенъ, или раскаивается, что былъ такъ откровененъ. Я же не очень понимаю, почему я ему нагрубилъ. Но онъ сталъ мнѣ противенъ. Какъ онъ смѣлъ думать о Катѣ? Катя — королева, а онъ кто? Пусть закатывается, куда хочетъ, или пусть ѣдетъ за границу. Да не поѣдетъ — и такъ пройдетъ! А я считалъ его раньше сильнымъ человѣкомъ... «Не смѣю!» Еще бы осмѣлился!

Въ душѣ у меня растеть гордость Катей. Люблю ее до слезъ — и чту ее, какъ святую. Никто не достоинъ Кати, нѣтъ такого человѣка! Всѣ — Иваны Иванычи. Развѣ мы можемъ понять ее?

А можетъ быть я потому разсердился на Власьева, что я самъ виноватъ: позволилъ произносить имя Кати въ грязной студенческой пивнушкѣ!

ПОСЛѢДНІЙ ГОДЪ

Если вдуматься хорошенько, то вѣдь всѣ эти впечатлѣнія, которыя я стараюсь сейчасъ выдвинуть на первый планъ, въ дѣйствительности были для меня, по тому времени, второстепенными. Въ центрѣ жизни стоялъ я самъ, и для меня смѣнялась ночь днемъ, и для меня листки календаря мелькали черными и красными цифрами. Есть ли такой маленькій человѣкъ, для котораго ось міра не проходитъ черезъ его бытіе? А ужъ въ молодости — и говорить нечего!

Удивительно, какъ быстро и незамѣтно пришла и ушла моя сознательная, взрослая жизнь. Каждому есть что вспомнить и чѣмъ похвастаться, — а мнѣ, пожалуй, нечѣмъ. Необычны и сложны были въ ней только послѣдніе годы — пора революціи и бѣженства. Но они для всѣхъ были сложными и необычными. Такихъ біографій — десятки тысячъ, это даже не тема для разсказа. И, кажется, я поступаю правильно, не осложняя моей повѣсти о сестрѣ собственными своими переживаніями: они ни въ комъ не пробудятъ любопытства.

Наступилъ послѣдній годъ моего студенчества. Я не жилъ больше съ Мартиновымъ и даже почти съ нимъ не

встрѣчался. Не удалось бѣдному Мартынову изжить отцовское наслѣдіе: онъ опустился окончательно, пилъ безъ просыпа и кончилъ, какъ кончало немало способныхъ русскихъ людей: сгорѣлъ отъ вина. Онъ, кажется, и университета не кончилъ, хотя точно не помню, настолько рѣзко разошлись наши пути. И въ послѣдній годъ я жилъ одинъ, много занимался и у сестеръ бывалъ рѣдко, больше у Лизы, жизнь которой ни въ чемъ не измѣнилась: пирожки, салфеточки, «мой мужъ», маленькій кругъ знакомыхъ, солидныхъ, удовлетворенныхъ своимъ бытомъ. Къ двадцати пяти-шести годамъ Лиза была уже совсѣмъ почтенной женщиной, ни въ чемъ не усомнившейся, нашедшей свою линію разъ навсегда.

Въ Сокольникахъ, у Кати, внѣшнихъ перемѣнъ тоже не было; только случилось, что какъ то сразу выросли ея дѣти. Володя заговорилъ скрипучимъ баскомъ, Леночка неуклюже вытянулась. Раньше дѣтей не было видно — теперь они появились за обѣдомъ и даже сидѣли съ нами по вечерамъ. И еще обнаружилось, что между ними и матерью существуютъ какія-то сложныя, словно бы таинственныя отношенія, что Лелечка, у которой теперь уже не было больше ея важной няни, старается во всемъ подражать матери, а Володя относится ко мнѣ покровительственно, а къ матери съ оттѣнкомъ рыцарства: пододвигаетъ ей за обѣдомъ солонку, слѣдитъ за ея желаніями, приноситъ оренбургскій платокъ — если мать дѣлаетъ нервное движеніе плечами. Евгенийъ Карловичъ по прежнему исчезалъ по вечерамъ и рѣдко достаивалъ насъ бесѣды. Но и съ нимъ произошла перемѣна: онъ постарѣлъ и полинялъ. Можетъ быть все это произошло постепенно, но для меня

было внезапнымъ открытіемъ. Вѣдь я и самъ въ этотъ годъ сразу выросъ и сталъ совсѣмъ взрослымъ человекомъ.

Исчезла — какъ не бывала — Катина мастерская: чертежи, фотографіи, калька, свертки плановъ и проектовъ. Даже огромный столъ переѣхалъ въ комнату Володи и былъ теперь заваленъ его книжками. Цѣлый кусокъ Катиной жизни — лучшаго ея увлеченія — исчезъ безъ слѣда. Объ архитектурѣ она больше не упоминала. За то ожилъ рояль, но не для музыкальныхъ ея фантазій: Лелечка, подъ руководствомъ матери, играла гаммы и разучивала легонькія сонатины Бетховена.

Однажды въ воскресный день я засталъ Катю въ необычной компаніи: за серьезной бесѣдой съ подростками, гимназическими товарищами Володи. Мой приходъ всѣхъ ихъ смутилъ; очевидно, со мной они не могли говорить такъ просто, какъ съ Катей. Сестра, тоже смущенная, сказала:

— Мы тутъ разсуждаемъ о высокіхъ матеріяхъ; можетъ быть ты къ намъ присоедилишься?

— А о чемъ именно?

— Да вотъ говорили объ Ибсенѣ — о «Норѣ» и о «Строителѣ Сольнесѣ».

Мнѣ было стыдно признаться, что я читалъ только «Нору» — и не могъ бы поразить мальчиковъ своей студенческой мудростью. Поэтому я уклонился, сказавъ, что это «не по моей части» и что я пройду пока наверхъ. Повидимому я все-таки помѣшалъ бесѣдѣ, такъ какъ скоро сестра пришла ко мнѣ.

— Очень славно съ ними! Они такъ увлекаются и говорятъ столько милыхъ и наивныхъ словъ.

— Они тебя не стѣсняются?

— По-моему — нѣтъ. Мы такъ подружились съ Володей, а онъ среди нихъ — авторитетъ. Я ничего имъ не проповѣдую, больше слушаю.

— У тебя педагогическія способности.

— Нѣтъ, Костя, ты это не такъ понимаешь. Мы дѣйствительно дружны. Разумѣется я среди нихъ — старуха; но меня эти разговоры увлекаютъ. Ты подумай: вѣдь мальчики, а какъ они серьезны и какъ все понимаютъ! Разумѣется — они прямолинейны, даже немножко безпощадны. Сегодня одинъ изъ нихъ, ты замѣтилъ — бѣлокурый, онъ постарше другихъ — сказалъ, что «Нора» — порядочная мѣщанка, и что тутъ настоящей драмы нѣтъ. По-моему — не глупо. Но особенно ихъ увлекаетъ «Строитель Сольнесъ». Стоитъ послушать ихъ разговоры.

— Ты, Катя, очень подружилась со своими ребятами.

— Да. Особенно съ Володей. Лялька еще мала. Но знаешь, что я замѣчаю? Лялька къ десяти годамъ будетъ гораздо мудрѣе, чѣмъ я была въ семнадцать, когда кончала гимназію. Откуда это у нея — не понимаю. Она какъ то и къ кукламъ равнодушна.

— А ты играла, уже выйдя замужъ.

— Да, помню, для меня куклы были особымъ чудеснымъ міромъ. Лучшаго міра у меня и не было.

— А міръ музыки?

— Да, пожалуй, и это. Но я въ звукахъ жила, а вотъ Лялька, какъ ни мала, а смотритъ на музыку, какъ на работу. Можетъ быть это и нехорошо. Но у нея прекрас-

ный слухъ, и она очень прилежна. Не бывало случая, чтобы она плохо приготовила урокъ.

— Ну что-жь, Катя, можетъ быть твои дѣти будутъ больше приспособлены къ жизни, чѣмъ мы съ тобой.

— Чѣмъ я — конечно. Твоя жизнь, Костя, только начинается.

— Начнется она скучно. Вотъ закупорюсь въ провинціи, службу возьму — и все.

— Ты когда то мечталъ о писательской карьерѣ.

— Когда то мечталъ. Мечтать, Катя, не возбраняется. Развѣ ты не мечтала о самостоятельной работѣ, объ архитектурѣ, а то раньше объ оперѣ?

Катя отвѣтила испуганно:

— Да, но это было... съ этимъ, Костя, покончено.

— Навсегда?

— Навсегда.

Она подумала — и еще разъ увѣренно повторила:

— Навсегда!

Дѣти... О нихъ сестра говорила теперь постоянно. Не знаю, былъ ли это завѣтъ нашей матери, или сестра сама открыла для себя новую страницу жизни и новый интересъ, — но въ послѣдній годъ моей московской жизни я заставлялъ ее всегда съ Лелечкой или Володей. Съ Лелечкой онѣ что то шили, кроили, серьезно обсуждали или играли на роялѣ, съ Володей они казались заговорщиками. Къ Володѣ я даже нѣсколько ревновалъ сестру, — она нашла въ немъ друга, на смѣну мнѣ.

Въ концѣ зимы серьезно заболѣлъ Евгений Карловичъ. Онѣ лежалъ недѣли три, и вдругъ оказалось, что этотъ холодный и какъ бы чужой въ семьѣ человекъ, — такой же

беспомощный ребенокъ, какимъ была Лелечка, не хотѣвшая ѣсть каши.

Онъ стоналъ, жаловался, его комнаты перестали быть святилищемъ, къ нему приносили поднось съ куринымъ бульономъ и пузырь съ горячей водой. Сестра проводила ночи у его постели — и было странно думать, что вотъ все-таки она, а не какая другая женщина, напримѣръ, не та, которую мы встрѣтили на цыганскомъ концертѣ, поправляетъ ему подушки, ставитъ ему компрессы и отмѣчаетъ его температуру. Я видѣлъ, что сестрѣ тяжело и что больной капризенъ и порою грубъ съ нею. Совсѣмъ случайно, ночуя у нихъ, я подслушалъ однажды его больной и рѣзкій окрикъ. Не знаю, каковъ былъ поводъ — вѣроятно и не было никакого — но до меня ясно донеслась его фраза, визгливая и истерическая:

— Ну и оставь меня въ покоѣ, и ступай къ своему Власьеву!

Я замеръ отъ ужаса и отвращенья. Если бы Евгений Карловичъ не былъ боленъ, я, вѣроятно, бросился бы на него съ кулаками. Голосъ его умолкъ, затѣмъ я слышалъ, какъ сестра ушла къ себѣ въ комнату, сосѣдную съ моей, и какъ все въ домѣ умерло.

Пусть больной — но какъ онъ смѣетъ! Я дрожалъ отъ волненія и рисовалъ себѣ картину какой то страшной мести, придумывалъ рѣзкія, обличающія слова, которыя я крикну этому противному старику, изломавшему жизнь моей сестры.

Не постучавъ, вошла Катя.

— Костя...

— Я не сплю, Катя. Что ты?

— Ты не спишь... Костя, я сейчас уѣду, мнѣ нужно немедленно уѣхать. Ты поѣдешь со мной?

— Куда?

— Я не знаю. Я не могу больше здѣсь жить. Я тебѣ потомъ скажу...

Катя старалась говорить спокойнымъ голосомъ, но я видѣлъ, что она дрожить отъ волненія. Я сказалъ:

— Я ѣду съ тобой, куда хочешь. Можно пока поѣхать ко мнѣ, а потомъ... я не знаю... вѣрно ты поѣдешь къ мамѣ? Я сейчасъ встану, Катя.

Она вышла, а я сталъ поспѣшно одѣваться. Куда намъ ѣхать ночью? Даже и извозчика въ Сокольникахъ ночью не найти. И вообще — что же это такое будетъ! И въ то же время непременно нужно рѣшительно отвѣтить на грубость, на эту дикую выходку Евгенія Карловича. А какъ же онъ останется одинъ, больной? Ну, это ужъ его дѣло! Катя знаетъ лучше.

Я слышалъ, какъ въ Катиной комнатѣ выдвигались ящики комода и шуршали по полу ремни чемодана. Потомъ сразу все стихло. Одѣтый, я ждалъ. Прошло съ полчаса. Тогда я рѣшился войти къ Катѣ. Она сидѣла на постели и смотрѣла на вещи, лежавшія на полу. Когда я вошелъ, она улыбнулась и сказала ласково и виновато:

— Прости меня, Костя. Конечно, я никуда не поѣду. И некуда. Прости меня! Я не сдержалась, и это очень худо.

— Я вѣдь все слышалъ, Катя. То есть я слышалъ одну фразу.

— Ну, и все... Ложись, милый, и прости меня.

— Но можетъ быть, Катя, и правда лучше тебѣ уйти совсѣмъ?

— Нѣтъ, Костя. Какіе пустяки! И онъ — больной. У меня уже прошло...

Въ глубинѣ души и я думалъ, что такъ лучше. Главное, — думалъ я, — извощика нѣтъ, какъ же безъ извощика? Сейчасъ мнѣ это казалось самымъ важнымъ. Если бы днемъ — тогда гораздо проще...

Катя вышла, потомъ на минуту вернулась что-то взять, потомъ я услыхалъ въ комнатѣ мужа ея обычный, спокойный и ровный голосъ. Вотъ она сошла внизъ — за горячей водой для пузыря. Мнѣ остается пойти къ себѣ и лечь спать. Какая сильная Катя! А можетъ быть наоборотъ — она слишкомъ слаба для такого рѣшительнаго шага? Какъ ей трудно...

.....

Онъ всталъ худымъ и постарѣвшимъ. Въ ихъ отношеніяхъ ничто не измѣнилось. Поправившись, онъ опять проводилъ свои вечера въ городѣ.

Наступила весна — пора моихъ государственныхъ экзаменовъ. Они не были мнѣ страшны, — но все же о визитахъ къ сестрѣ нельзя было и думать. Я приближался къ преддверію самостоятельной жизни.

Я думаю, что наши души съ сестрой были связаны невидимыми нитями. Въ тѣ дни, когда она рвалась куда то и требовала отъ жизни многого, — и я былъ мечтателемъ, и мнѣ хотѣлось перегнуть судьбу и овладѣть ея путями. Но вотъ Катя успокоилась — нашла что то, или надумала; и странный, неожиданный покой вошелъ въ мою жизнь. Изъ

многихъ юношей, бывшихъ моими сверстниками, я могъ бы назваться тогда самымъ уравнивѣшеннымъ и самымъ увѣреннымъ въ томъ, что звѣзды на небѣ свѣтятъ для всѣхъ, но не всѣмъ суждены полеты. Я сознательно готовилъ себѣ маленькую жизнь — и уже занесъ ногу на первую ея ступеньку.

КОНЕЦЪ

Какъ будто бы мы долго гуляли вдвоемъ въ горахъ, и вотъ, на склонѣ дня, простились на высококомъ холмѣ, откуда на двѣ стороны видны двѣ долины: тамъ — кучка домиковъ, здѣсь — городокъ твоего бытія. Прощай!

Разойдясь, мы аукаемся, пока эхо горъ доносить звукъ. Затѣмъ наши голоса замираютъ, и мы молча спускаемся каждый по своему склону — къ своей судьбѣ. День гаснетъ, въ домикахъ зажглись огни. Дружба не забыта, но умъ cadaго изъ насъ уже занятъ заботами своей долины.

Прощаясь, мы не могли думать, что больше не увидимся никогда. Это просто какъ то не приходило въ голову. Мы были молоды, и мы привыкли къ встрѣчамъ и разставаньямъ. Сестра пріѣхала на вокзалъ проводить меня, мы обнялись и пожелали другъ другу лучшаго. Она увѣряла:

— Ну, ты долго не засидишься у мамы: затоскуешь по Москвѣ!

И я думалъ, махая ей изъ окна вагона шляпой:

— Безъ Москвы трудно! Здѣсь много осталось милаго. Я засталъ мать больною; за послѣдній годъ она очень

ослабѣла и почти ослѣпла, уже не могла писать писемъ и поручала это мнѣ. Она мечтала объ одномъ: чтобы я прожилъ съ нею до ея смерти. А что дни ея не будутъ долгими — мать хорошо сознавала. И еще она хотѣла, чтобы я женился.

— Ты — мой послѣдній. Повидать бы и отъ тебя внука — да и на покой!

Я не буду рассказывать о своей жизни. Только скажу, что я оказался послушнымъ сыномъ и что мечта моей матери исполнилась: она умерла вскорѣ послѣ того, какъ я сталъ отцомъ.

Изъ многихъ смертей, которыя мнѣ довелось оплакивать, смерть матери была самой легкой и самой понятной. Когда, много позже, я потерялъ жену, съ которой прожилъ долгие годы мирно и любовно, и почти тогда же потерялъ сына, убитаго въ гражданской войнѣ, — я и ихъ смерти принялъ, какъ тяжкое, но возможное, оправданное жизнью. Вспоминая о нихъ, я не задаю себѣ вопроса: «зачѣмъ они жили и за что погибли?» Моя жена умерла въ тягчайшій годъ Россіи, — и быть можетъ для нея лучше, что ей не пришлось скитаться по чужимъ землямъ, какъ приходится мнѣ. Сынъ мой зналъ, на что идетъ; я его не удерживалъ — да и не могъ бы. Ихъ судьба мнѣ понятна.

Но не понятной и ничѣмъ не оправданной кажется мнѣ судьба моей сестры.

Разставшись, мы рѣдко переписывались, особенно съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что я останусь въ провинціи, гдѣ уже нашель службу, и что я женюсь. Въ этихъ рѣдкихъ письмахъ сестра писала мнѣ только о своихъ дѣ-

тяхъ — ничего о себѣ. Когда у меня начались свои заботы — переписка наша невольно оборвалась. Такъ прошло года три.

И вотъ однажды я получилъ письмо отъ своего племянника, Володи, который уже кончалъ гимназію, — письмо коротенькое, хорошее, умное и почтительное. Онъ писалъ между прочимъ, что мама его очень больна, что она часто вспоминаетъ обо мнѣ и просила его мнѣ написать. Скоро ей будутъ дѣлать серьезную операцію, исходъ которой трудно предвидѣть.

Письмо Володи очень меня опечалило, и я просилъ его написать мнѣ о томъ, какъ сойdetъ операція и что это за болѣзнь. Онъ вскорѣ отвѣтилъ, что все пока сошло благополучно, если не будетъ рецидива, и что предполагають ракъ.

Я съ удивленіемъ вспоминаю, какъ мало мѣста въ моихъ мысляхъ заняла болѣзнь сестры. Моя личная жизнь текла ровно и однообразно, въ маленькихъ заботахъ, въ такихъ же маленькихъ радостяхъ; дни тянулись долго, — мѣсяцы же мелькали незамѣтно. Да какъ то и умъ не мирился съ мыслью, что болѣзнь Кати можетъ имѣть роковой исходъ, что смерть не всегда ждетъ старости, а косить и молодыхъ, — да не такъ ужъ и молода моя сестра, уже ушли ея лучшіе годы. И мнѣ казалось, что вотъ все это разъяснится, а можетъ быть уже и прошло. Въ тихой жизни всегда охотно гонишь тревожащія думы. День прошелъ — и прекрасно; пусть и завтрашній пройдетъ такъ же тихо и безболѣзненно, а тамъ еще день. Довлѣетъ дни-ви злоба его!

И я долго не могъ понять весь смыслъ новаго письма

Володи, которое принесъ почтальонъ вмѣстѣ съ газетами и обычными повѣстками:

— «Дорогой дядя! Мама умерла вчера послѣ повторной операци. Послѣдніе мѣсяцы она очень страдала, и смерть была для нея избавленіемъ. Мы въ большомъ горѣ. Подробнѣе написать тебѣ пока не могу».

Это было весной. А весна въ нашихъ краяхъ такъ хороша. Весна у насъ долгая, ласковая, душистая. Рѣка вскрывается, потомъ теплые дожди, потомъ цвѣты, бѣлые, лиловые, всякіе, и много ихъ. Цвѣтеть сначала черемуха, послѣ сирень, и еще позже липа. Потихоньку наступаетъ лѣто, тоже прекрасное, осторожное — не сразу жара. У насъ и осень хороша, и даже зима — сухая, чистая, морозная. Въ нашихъ краяхъ и смерть не кажется зломъ и обидой, а кажется сномъ, неизбѣжнымъ, когда тѣло устало жить. Хоть и непонятно: зачѣмъ нужно судьбѣ, чтобы иные люди проходили мимо счастья — прямо къ вѣчному покою...

.....

Такъ умерла моя любимая сестра.

Если бы я былъ заправскимъ писателемъ и хотѣлъ создать художественный образъ, — я бы, вѣроятно, постѣснялся такъ подробно повѣствовать о женщинѣ, ничего въ своей жизни не сотворившей, не угадавшей своего пути, даже не сумѣвшей выковать свою долю счастья. Я хорошо знаю, что моя сестра — не героиня романа, не только современнаго, но и по тогдашнимъ временамъ. Но эти записки — не выдумка, а только дань памяти, братскій долгъ, — безъ попытки забавить читателя занимательнымъ чтеніемъ.

И я знаю: то, что раньше порождало сомнѣнія и создавало неразрѣшимыя душевныя драмы, — то сейчасъ едва вызываетъ улыбку. Жизнь такъ измѣнилась: внѣшне стала гораздо сложнѣе, а внутренне — много проще. Сейчасъ женщинѣ все открыто и доступно; ей не къ чему ломать свою жизнь только изъ-за того, что ей не вѣренъ нелюбимый мужъ, или что человекъ, который ей нравится, не похожъ на созданнаго мечтою героя.

И только одного я не знаю: точно ли нынѣшняя, духовно-упрощенная и независимая женщина счастливѣе прежней, сжимавшей свою волю обручемъ семейныхъ обычаевъ и обязанностей, боявшейся продешевить себя и свою жизнь? Наблюдаю, приглядываюсь — а не знаю, не увѣренъ, не могу рѣшить... Мнѣ все кажется, что въ образѣ жены и матери, болѣе способной на жертву, чѣмъ на сопротивленіе, есть какая то своя особая цѣнность, какъ въ картинѣ стараго мастера. Правда, эта чистота и эта цѣльность сейчасъ на житейской биржѣ не въ спросѣ.

Но вѣдь и всѣ мы, люди старые, люди прошлаго, теперь не въ спросѣ и никому не нужны. Намъ пора въ исторію, если въ ней найдется для насъ мѣсто. И только одинъ упрекъ я могъ бы сдѣлать современности: она не уготовала для насъ спокойнаго ухода, она заставляетъ насъ — въ послѣдніе наши дни — переживать непосильное. Вмѣсто мирнаго ухода — она сдѣлала насъ участниками трагедіи, которая не по плечу и многимъ молодымъ. Это жестоко — но что же дѣлать!

ЛИСТВЕННИЦА

Моя повѣсть о сестрѣ кончена.

Я рассказалъ о ней то, что зналъ и что видѣлъ. Видѣлъ я и зналъ, конечно, не все, только очень малое. Какъ ни были мы съ нею дружны и близки, — а въ душу къ ней я заглянуть не могъ. Я и слезы ея видѣлъ только разъ — на рѣкѣ, въ предразсвѣтѣ, когда она не ждала свидѣтелей. Сколько ихъ пролито — не знаю. И я, плохой другъ и нечуткій братъ, не знаю, бушевали ли бури въ душѣ бѣдной моей сестры, или она умѣла сдерживать ихъ, какъ не всегда удается и сильному мужчинѣ. Она для меня во многомъ осталась загадкой, моя бѣдная Катя.

Часто, особенно теперь, когда я совсѣмъ одинъ и старъ, — думая о сестрѣ, я вижу ее ясно, и дѣвочкой, и взрослой, и такой, какою самъ ее наблюдалъ, и даже такой, о какой зналъ только по семейнымъ рассказамъ особенно материнскимъ.

Бойкій ребенокъ, все перенимающій у взрослыхъ, дѣвочка съ рано проснувшимся чувствомъ материнства, подростокъ, зачарованный поклоненіемъ настоящаго большого человѣка и отдавшій ему жизнь, оскорбленная женщи-

на, себя же и покаравшая за это оскорбленіе, даровитый человекъ, бросившій вѣтру свои дарованія, подвижница, принявшая посвященіе и ушедшая въ заботы о дѣтяхъ и о нелюбимомъ мужѣ. Такъ я о ней думаю — но развѣ я зналъ ее по-настоящему? Трудно понять цѣликомъ русскую женщину!

Вотъ она плачетъ на сундукѣ, сидя со мной въ чуланѣ. Вотъ она крутитъ локонъ на вискѣ, упрямо повторяя фразу изъ учебника Иловайскаго. А вотъ — таинственно ходитъ на цыпочкахъ, рѣшаетъ что то очень важное. Вотъ она, уже замужняя дама, грозитъ пальцемъ куклѣ:

— Ага, ты не хочешь слушаться мамы? Тебѣ не нравится красный бантикъ?

А вотъ она въ моей студенческой комнатухѣ, среди юныхъ своихъ поклонниковъ, общій кумирь, королева въ бумажной коронѣ. И вотъ — пѣвица божьей милостью, будущій архитекторъ, слабая женщина, испугавшаяся любовной тѣни. И опять — безудержныя слезы въ утреннемъ туманѣ, первый сѣдой волосъ, разговоръ о «Норѣ» съ товарищами сына. И такая ранняя, такая жестокая смерть, послѣ столькихъ страданій — за что?

Въ годъ смерти сестры, поздней весной, мы съ женой уѣхали въ деревню. Жена была такъ ласкова ко мнѣ, такъ помогала мнѣ изжить горе, — а было на ней немало заботъ о первомъ ребенкѣ. Мы прожили три мѣсяца въ крестьянской избѣ, отдыхая душой, никого не видя изъ людей городскихъ. Мнѣ не легко было выговорить себѣ такой длительный отпускъ, и мы рѣшили использовать его хорошенько. Жили, какъ лѣсные люди, питаюсь ягодами, огородными овощами, да немного моей охотой. И мы,

дѣйствительно, нашли въ природѣ и утѣху, и новый запасъ здоровья для будущаго. Лѣто удалось прекрасное.

Однажды, помню, я ушелъ поутру съ ружьемъ въ лѣсъ, обѣщавъ женѣ принести если не какую дичину, то хоть корзину смородины и малины; она, какъ обычно, осталась дома съ ребенкомъ и по хозяйственнымъ хлопотамъ: прополоть гряды, починить бѣлье, приготовить завтракъ. Я забрелъ далеко и вышелъ на небольшую незнакомую поляну. Посреди поляны росла лиственница, раскидистая, ясная, свѣтлая; и трава была здѣсь не тронута ни человѣкомъ, ни звѣремъ. Я остановился въ восхищеніи — и прислушался: къ такой картинѣ нужна особая музыка. И вотъ изъ лѣса донеслась до меня эта музыка — голосъ тоскующей горлинки. Иныя птицы щебечуть, другія насвистываютъ, третьи просто поютъ, — и только про горлинку народъ говоритъ ласково и трогательно: она т о с к у е т ъ.

И то ли въ свѣтлой красотѣ одинокой лиственницы, то ли въ жалобѣ горлинки я почувствовалъ близкое вѣянье души моей сестры Кати. И хоть я не суевѣрный человѣкъ, попросту — невѣрующій, а въ ту минуту готовъ былъ повѣрить, что ея душа здѣсь, совсѣмъ рядомъ, порхаетъ надъ травой или яснится въ зеленомъ нарядѣ свѣтлаго дерева. И я стоялъ долго, не смѣя пошевелиться, и горя по ней, и радуясь нашей солнечной встрѣчѣ.

Послѣ, возвращаясь домой по лѣсной тропѣ, и безъ дичи и съ пустой корзинкой, я искалъ словъ, чтобы объяснить, почему жизнь моей сестры не удалась, и почему на ея долю не досталось того, что къ другимъ само приходитъ, безъ зова и безъ мучительныхъ ожиданій?

Но такихъ словъ — чтобы ими на всѣ думы отвѣтить

— я найти не могъ. Только до одного я тогда додумался уже у самой опушки лѣса, за минуту до того, какъ завидѣлъ нашъ деревенскій домикъ; додумался — и сказалъ себѣ вслухъ, какъ любилъ говорить въ лѣсу:

— Не всякій, рожденный для любви, любовь свою находитъ, потому что время не ждетъ, а усталость подкрадывается къ намъ незамѣтно.

ТОГО ЖЕ АВТОРА :

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ, Москва 1912 (распр.)

ПРИЗРАКИ (Три повѣсти), Москва 1917 (распр.)

СКАЗКИ И НЕСКАЗКИ, Москва 1918 (распр.)

ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТЪ, Москва 1923.

ИЗЪ МАЛЕНЬКАГО ДОМИКА, Рига 1921.

СИВЦЕВЪ ВРАЖЕКЪ, Парижъ 1928 (2-е изд. 1929).

ТАМЪ, ГДѢ БЫЛЪ СЧАСТЛИВЪ, Парижъ 1929.

ВЕЩИ ЧЕЛОВѢКА, Парижъ 1929.

IMP. UNION, PARIS
13, RUE MÉCHAIN